ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 19 (4409)

9 мая 1973 г. СРЕДА

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ!

● СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ ОДОБРЯЮТ РЕШЕНИЯ АПРЕЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

● ГОРЯЧИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ С ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ—ПРИСУЖДЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ».

Более трех часов продолжался обстоятельный разговор на состоявшемся на днях заседании секретариата правления СП СССР. Его участники собрались, чтобы обсудить задачи творческого союза в свете постановления апрельского Пленума ЦК КПСС.

Заседание сразу же приняло творческий, взволнованный характер. Писатели оживленно обменивались мнениями, вносили конкретные предложения, направленные на скорейшее выполнение задач, которые встали сегодня перед советскими литераторами.

Выступивший с сообщением член ЦК КПСС, первый секретарь правления СП СССР **Георгий МАРКОВ** рассказал о том, как проходила работа Пленума, поделился впечатлениями от выступлений. Он говорил о чувстве большой радости, которое испытал, узнав о присуждении Леониду Ильичу Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— Этот факт, — сказал Г. Марков, — вызвал у нас, советских писателей, чувство глубокого удовлетворения и гордости. Товарищ Л. И. Брежнев — неутомимый борец за мир. Сколько физических и душевных сил и энергии надо иметь, чтобы бороться на самых горячих участках защиты мира, на переднем крае идеологического фронта!

На всех этапах развития Советского государства наша Коммунистическая партия неуклонно проводила политику мира.

Постановление апрельского Пленума ЦК КПСС воспринято советским народом как руководство к действию. Какие же задачи должны сегодня решать советские писатели? Одна из первоочередных задач заключается в усилении пропаганды политики партии и достижений Советского государства, в упрочении творческих контактов с прогрессивными литераторами всех стран мира.

Братские взаимоотношения с союзами писателей государств социалистического содружества сегодня приобрели прочный, подлинно творческий характер. На X встрече в Варшаве получили, например, одобрение наши предстоящие поездки в Узбекистан, на нефтеносные тюменские земли — поездки, которые мы осуществим совместно с писателями других социалистических стран.

Внешнеполитическая деятельность Коммунистической партии и Советского государства создает хорошую основу для расширения и упрочения международных связей писателей нашей страны. Нам необходимо всемерно развивать и укреплять сотрудничество с литераторами социалистических государств, поддерживать тесные контакты с творческой интеллигенцией стран Запада, Азии, Африки, Латинской Америки...

Апрельский Пленум ЦК КПСС, обсуждая актуальные аспекты внешней политики партии, самым непосредственным образом коснулся проблем коммунистического строительства в нашей стране.

Многообразна и прекрасна жизнь советского народа, в которой самое активное участие принимает и наш творческий союз. Недавний пленум правления СП СССР, посвященный теме «Писатель и пятилетка», прошел увлеченно, деловито, на нем были обстоятельно обсуждены задачи, которые выдвинула перед нами партия.

Выступившие затем участники заседания единодушно отметили то глубокое удовлетворение, с которым литераторы Страны Советов встретили постановление Пленума ЦК КПСС «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии».

Вот что сказали...

Александр ЧАКОВСКИЙ:

— В результате упорной, последовательной работы ЦК КПСС, его Политбюро, Советского правительства в короткий срок удалось достигнуть несомненной разрядки международной напряженности в Европе, начать серьезный конструктивный диалог с США, уже принесший результат в виде комплекса известных соглашений.

Для нас, литераторов, решения Пленума имеют чрезвычайно важное значение. Мы должны еще активнее осуществлять международные творческие контакты, нести правду о нашей стране, культуре в широкие круги зарубежной интеллигенции.

Сергей МИХАЛКОВ:

— В связи с постановлением Пленума ЦК КПСС возрастает роль всех работников идеологического фронта, и в первую очередь литераторов. Партия вправе ожидать от писателей более активной, действенной помощи, особенно в области пропаганды. В последние годы наши писатели принимают активное участие в международных конгрессах, форумах, совещаниях, конференциях. Это принесло и приносит большую пользу и свидетельствует о возрастающем влиянии советских писателей на общественную жизнь планеты.

Сергей САРТАКОВ:

— Начинается активная пора установления деловых отношений — коммерческих, культурных — с государствами, которые еще не так давно пытались воздвигнуть заслон между нашей страной и остальным миром.

Время выдвинуло на передний край идеологической жизни художественную публицистику — страстную, темпераментную. Сегодня мы должны обратить ее пристальное внимание на события, происходящие у нас и за рубежом, рассказать о влиянии советской миролюбивой политики на жизнь других государств. Задача важная и почетная!

Борис СУЧКОВ:

— Вступление в пору «активного мира» ставит перед нами задачу укрепления международных контактов. С этой целью необходимо, как мне кажется, созвать конференцию, посвященную литературам социалистических стран. Такая конференция, думаю, позволит решить многие проблемы, которые волнуют сегодня литературу социалистического реализма.

...Всех нас радует, что в нашей литературе появилось много новых имен — у каждого свой опыт, свой литературный вкус. Те усилия молодых, которые направлены на раскрытие новых аспектов в жизни общества, заслуживают всяческой поддержки... Мне кажется, что было бы полезно Институту мировой литературы совместно с Союзом писателей СССР провести научную конференцию, посвященную художественным поискам в нашей многонациональной литературе.

Михаил ЛУКОНИН:

— Сейчас, как никогда, особенно полно ощущаешь свою великую страну, испытываешь гордость от того, что ты являешься ее гражданином. Да, мы дети своего народа, мы капли его.

И еще об одном... Мне кажется, что надо больше издавать книг советских писателей на иностранных языках. Часто бывая за границей, я не раз ощущал огромный интерес к нашей литературе. Мир хочет знать наши книги, нашу жизнь.

■

Поэт Михаил Луконин рассказал один примечательный эпизод. Как-то делегация советских писателей гостила в ФРГ. Однажды вечером Михаил Луконин и Анатолий Софронов встретились со студентами. Встреча закончилась удачно, и писатели уже прощались со своей гостеприимной аудиторией, когда к ним подошел невысокий парень в кожаной куртке.

— Кто сейчас, по вашему мнению, самый популярный писатель в мире? — спросил он.

Луконин потом признался, что он замялся на миг. Стал пожимать плечами, не зная, что ответить. Мелькали в голове разные известные имена.

— Ленин, — сказал студент. — Книги Ленина — самые популярные в мире. Потому что все в них — правда. А люди хотят знать правду. Они ищут ее. И находят в книгах Ленина.

Анатолий СОФРОНОВ:

— Я убежден, что предстоящая конференция в Алма-Ате уделит особое внимание проблемам развития национальных языков и национальных культур. Путешествуя по зарубежным странам, я не раз слышал, как многие видные общественные деятели говорили очень искренне, что они преклоняются перед нашей страной за то, что за полвека существования она сумела создать единую по духу и по своему принципиальному содержанию советскую социалистическую культуру, многообразную по своим национальным формам, интернациональную по своему характеру, представляющую собой органический сплав духовных ценностей, создаваемых всеми народами Советского Союза.

Борис ПОЛЕВОЙ:

— Уже 28 лет не ходят тучи большой войны над Европой. Это новое в истории развития континента явление достигнуто благодаря политике мира, которую так блистательно, с такой гибкостью и так последовательно проводят наша партия, ее ленинский Центральный Комитет.

Но фанат торжества идей миролюбия не должен нас разоружать в идеологическом смысле. То, что внешние отношения строятся на мирной основе, не означает, что уже исчезли классовые интересы, социальные конфликты в мире. Именно сейчас деятели советской культуры, и прежде всего писатели и журналисты, должны особенно бдительно следить за «шахматными ходами» наших идейных противников, которые отнюдь «не спрятали кинжалы в ножны»...

■

Уже много лет советские писатели принимают участие в Дартмутских встречах (так называются неофициальные беседы представителей интеллигенции США и СССР). В декабре прошлого года Борису Полевому пришлось присутствовать на одной такой беседе. За столом «совещания» находились мультимиллионер Давид Рокфеллер, бывший главнокомандующий сил НАТО в Европе, а ныне президент одной из крупнейших промышленных корпораций генерал Норстад, многие другие деятели американской науки, культуры, бизнеса. Разговор был долгим — на несколько дней.

«Мы никого не обращали в нашу веру, — рассказывал позже Борис Полевой, — не агитировали,—так же, как и они нас. Мы просто заставили считаться с реально существующими фактами, с законами, на которых строятся миролюбивые отношения. И я увидел, как у наших собеседников — после исторической встречи Брежнев—Никсон—находят самый живой отклик идеи политики мирного сосуществования. Генерал Норстад в своем заключительном слове даже заявил во всеуслышание: «Я остаюсь на прежнем месте, за тем забором, но теперь я лучше и дальше вижу»...»

Вадим КОЖЕВНИКОВ:

— В. И. Ленин говорил, что мы должны сохранить и использовать все лучшее, что есть у человечества, в том числе классическую отечественную и зарубежную литературу. Пропаганда культурного наследия — вот великое поприще, на котором сближаются передовые интеллигенты всех стран. В интересах интернационализма, в целях сближения народов, торжества мира мы должны бережно относиться к культурному наследию, сохранять и развивать прогрессивные демократические традиции.

Павел БОЦУ:

— Мы, как и все люди доброй воли, знаем, что те или иные достижения в борьбе за мир являются результатом последовательной и дальнозоркой политики нашей Коммунистической партии. Вот почему в моей родной Молдавии, как и в других республиках, так близко к сердцу было воспринято постановление Пленума. Что же касается меня лично, то я, как и все советские писатели, вижу свою задачу в неустанной помощи партии, в успешном выполнении заданий девятой пятилетки.

Сергей БАРУЗДИН:

— Национальное и интернациональное. В освещении этого вопроса мы еще очень часто оперируем общими фразами, голыми рассуждениями, вместо того чтобы на конкретных примерах рассказывать о свершениях мудрой национальной политики партии.

Наши международные успехи, несомненно, опираются на успехи в экономике, успехи в коммунистическом строительстве. Показать их — одна из первейших обязанностей литератора. Журнал «Дружба народов» решил взять шефство над крупнейшей стройкой пятилетки — Нурекской ГЭС, шефство это мы берем совместно с Союзом писателей Таджикистана...

Виталий ОЗЕРОВ:

— Однажды у нас в Союзе писателей СССР гостила Анна Зегерс. Как сейчас помню ее слова: «Показать силу и привлекательность социализма — главное дело литератора. Если нам это удастся — свой долг можем считать выполненным». Так сказала старейшая немецкая коммунистка, старейшая писательница. Прекрасные слова!

Я много размышлял о новых задачах нашей литературной печати. И я вижу, например, что журнал «Советская литература» на иностранных языках может сделать многое для популяризации нашей литературы за рубежом. Надо шире использовать его богатые возможности. Стоило бы подумать над тем, как на базе журнала наладить очень быстрый оперативный выпуск брошюр, в которых рассказывалось бы о писательских пленумах, о событиях в литературной жизни нашей страны.

Виктор ТЕЛЬПУГОВ:

— Советский читатель должен видеть мир глазами литераторов, знать отношение этого мира ко всему, что происходит в нашей стране...

■

Недавно Виктору Тельпугову пришлось побывать в Париже. Его, как бывшего фронтовика, пригласили на просмотр нового документального фильма о войне. На экране возник человек с седой головой, на щеке — шрам...

— Вы только что видели, как Советская Армия победно входила в наши города, — сказал человек с экрана. — И, бывший солдат вермахта, могу подтвердить, как гуманны были русские. Входя в наши города, они брали на руки истощенных от голода детей, кормили их из своих котелков, они не видели в нас врагов. Они пришли к нам не как торжествующие победители — пришли как друзья... Почему же мы долгое время считали их врагами?

Через несколько дней В. Тельпугов познакомился с Августом Кажанеком (так звали бывшего солдата вермахта).

— Возможно, что мы стреляли друг в друга, — сказал Кажанек. — Я не коммунист, да и вряд ли когда-нибудь им буду. Но мне по душе мирная политика вашей страны — политика, проводимая коммунистами...

— Эти слова произнес наш бывший враг, — говорит В. Тельпугов. — О таких изменениях в человеческих душах надо обязательно рассказывать читателю.

***

Секретариат правления Союза писателей СССР принял соответствующее постановление, в котором, в частности, говорится: «Секретариат правления СП СССР целиком и полностью одобряет решения Пленума ЦК КПСС, работу, проделанную Политбюро ЦК КПСС по укреплению мира и безопасности во всем мире.

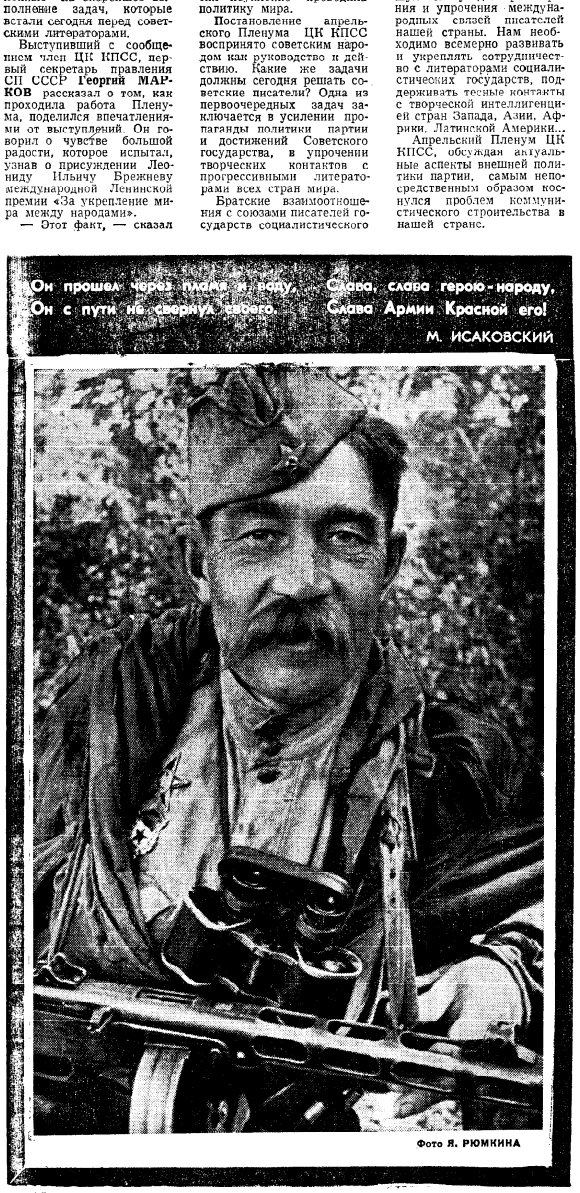
Секретариат правления СП СССР с глубоким удовлетворением отмечает большой личный вклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в укрепление дружбы между народами, в осуществление ленинской внешней политики нашей партии и Советского правительства.

От имени всех писателей страны секретариат правления СП СССР горячо поздравляет товарища Л. И. Брежнева с высокой наградой — присуждением международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Постановление апрельского Пленума ЦК КПСС служит для нас, советских писателей, точным ориентиром в определении своих задач — как в области внутренней, так и в области международной деятельности».

В работе секретариата правления Союза писателей СССР принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

В. ПОМАЗНЕВА,
В. ПОВОЛЯЕВ



Он прошел через пламя и воду
Он с пути не свернул своего.
Слава, слава герою-народу,
Слава Армии Красной его!

М. ИСАКОВСКИЙ

Фото Я. РЮМКИНА

Юрий ЗБАНАЦКИЙ,
Герой Советского Союза

ГЕРОИКА НАРОДНОГО ПОДВИГА

КАЖДЫЙ ГОД в День Победы советские люди думают об одном: кровавая война не должна повториться. Это горячее всенародное желание нашло свое действенное выражение в постановлении недавнего Пленума ЦК КПСС, который наметил реальные пути борьбы за дальнейшее неуклонное претворение в жизнь Программы мира, за прочный мир на земле, за надежную безопасность для нашего народа, строящего коммунизм. И нас всех глубоко радует, что международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» присуждена Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Советские литераторы всегда были в первых рядах борцов за мир. Они воспитывают в человеке интернациональные чувства, призывают, если говорить словами постановления Пленума ЦК, к «постоянной бдительности и готовности давать отпор любым проискам агрессивных, реакционных кругов империализма».

Подвиг советского многонационального народа в Великой Отечественной войне — одна из ведущих тем нашей литературы. Истоки ее — еще в первых днях войны, когда вместе с воинами уходили на фронт и советские писатели: многие из них не вернулись, ибо не наблюдателями они были на полях грандиозной битвы, в бойцами, защитниками Родины, проявлявшими чудеса героизма и стойкости.

Татарский поэт Муса Джалиль, очутившись в гитлеровском плену, убедительно доказал, каков характер советского человека, воспитанного партией, какова несгибаемая воля советского писателя. Созданная им книга стихов в застенках Моабита, в преддверии страшной смерти, обошла весь мир, потрясла человечество.

В тяжелых сражениях, на бесконечных фронтовых дорогах рождались новые произведения мастеров слова, признанных народом; мужали таланты литераторов начинающих; зрело горячее желание писать у тех, кто никогда не занимался творчеством в кого война, невиданный героизм соотечественников «призвали» в литературу.

Записками в литературном строю, сражавшемся против коварного и жестокого врага, были русские писатели — Алексей Толстой, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Александр Твардовский, Михаил Шолохов, Константин Федин, Леонид Леонов, Михаил Исаковский, Николай Тихонов, Константин Симонов и многие другие.

Мужественно звучал голос поэтов и прозаиков, публицистов и драматургов во всех республиках, поднимая благородную ярость народа. Произведения Янки Купалы, Якуба Коласа, Павла Тычины, Александра Корнейчука, Андрея Малышко, Георгия Леонидзе, Гафура Гуляма, Саломеи Нерис, Андрея Упита, Самеда Вургуна и многих других являются вечно живой летописью войны, подобной которой не знало человечество.

Литература о войне создавалась писателями разных национальностей нашей страны, но содержание этой многоязычной коллективной эпопеи было единым — ненависть к врагу, призыв к победе, возвеличение образа советского воина-интернационалиста, всестороннее раскрытие подвига нашего народа в борьбе за идеи марксизма-ленинизма, за избавление человечества от коричневой чумы фашизма.

К теме Великой Отечественной войны обращаются все новые и новые талантливые писатели, и, видимо, еще не одно поколение поэтов и прозаиков скажет свое слово о подвиге народа, равного которому не знала история.

Романы и повести, историко-мемуарные произведения полководцев и героев войны, кинофильмы и театральные представления воспитывают и сегодняшнего юношу-воина, достойного потомка героев, на которого возложена величайшая миссия — защищать свое Отечество, отстоять мир и счастье на Земле.

КИЕВ

СОЮЗ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

БЕРЛИН, ГДР

Дорогие друзья!

Советские писатели шлют вам сердечные поздравления в связи с 28-й годовщиной освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма.

Своими произведениями писатели Германской Демократической Республики оказывают большую помощь Социалистической единой партии Германии в строительстве социалистического общества, в формировании нового человека.

Книги писателей Германской Демократической Республики, правдиво и разносторонне отражающие жизнь народа, переведены на многие языки народов Советского Союза, пользуются заслуженной известностью среди советских читателей и содействуют дальнейшему укреплению нашей братской дружбы.

В день освобождения мы желаем писателям ГДР новых успехов в их творческом труде на благо своей родины, во имя идеалов мира, социализма и пролетарского интернационализма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОЮЗ ЧЕШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРАГА

СОЮЗ СЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

БРАТИСЛАВА

Дорогие товарищи!

Поздравляем вас с национальным праздником народов Чехословакии — Днем 9 мая.

Мы искренне приветствуем чешских и словацких писателей, с которыми советских писателей связывают традиционные узы братской дружбы и сотрудничества, скрепленные совместно пролитой кровью в борьбе против фашистских захватчиков.

Книги словацких и чешских писателей читают в нашей стране на многих языках. Творческие контакты между нашими братскими союзами писателей плодотворно развиваются на благо наших литератур.

От имени писателей Советского Союза желаем вам, дорогие друзья, новых достижений в развитии литературы, верной высоким идеалам социализма, дружбы народов и пролетарского интернационализма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

АРХИВ «ЛГ»

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«От Советского информбюро» — ежедневные сводки, начинающиеся этими словами, знали в годы Великой Отечественной войны вся страна, весь мир. Люди ждали и ценили их не меньше, чем хлебный паек и патроны.

В архиве Совинформбюро сохранились документы, рассказывающие много нового о фронтовых дорогах советских писателей. С некоторыми из них мы сегодня впервые знакомим наших читателей.

В. ТИХОМИРОВ

С первых недель войны пресса многих стран мира, особенно тех, которые вместе с Советским Союзом вели антифашистскую борьбу, все чаще и чаще стала обращаться в Союз писателей СССР и в редакции московских газет и журналов с просьбами дать им интересные материалы о событиях на Восточном фронте, о героических делах советских воинов, о трудовой жизни нашего тыла. Для выполнения этой задачи в составе Совинформбюро начала действовать специальная литературная группа. В отчете о деятельности этой группы за сорок первый и сорок второй годы, сохранившемся в архиве, говорится:

«По сведениям, поступающим в группу литературы и искусства из различных источников, можно сделать вывод, что значительная часть посылаемых материалов печатается в заграничной прессе. Наибольшей популярностью за границей пользовались статьи, написанные крупнейшими советскими писателями. В США за последнее время особый успех имели фронтовые очерки Константина Федина. Они были посланы в агентство НАНА и получили прекрасный отзыв агентства, которое просило продолжить эти очерки. Целый ряд других статей советских писателей имел широкий успех. Среди них следует в первую очередь отметить статью Леонида Леонова, написанную в связи со второй годовщиной Отечественной войны. Статья носила характер обращения и называлась «Письмо к неизвестному другу».

Это письмо было напечатано в ряде газет, передавалось по радио и вызвало тысячи откликов американцев.

Вначале авторский коллектив писателей насчитывал около 25 человек, потом вырос до 130. Среди них были: М. Шолохов, А. Фадеев, А. Толстой, К. Федин, В. Иванов, Ф. Панферов, Л. Леонов, И. Эренбург, В. Ставский, Н. Тихонов, Е. Петров, П. Павленко, В. Катаев, А. Новиков-Прибой, Л. Сейфуллина, К. Паустовский, С. Маршак, К. Чуковский, Ю. Герман, В. Инбер, К. Симонов, Б. Лавренев.

Телеграмма Алексея Толстого

В архиве хранится несколько рукописей Алексея Толстого: очерки, статьи, интервью, телеграммы. Преобладающее большинство их опубликовано в полном собрании сочинений писателя. Однако архивные рукописи представляют немалый интерес, особенно для историков советской литературы, библиографов и литературоведов. Ведь перед нами — подлинники, первые авторские экземпляры, правленные рукой самого А. Толстого. Напечатанные на листах плотной бумаги несколько увеличенного формата, оригиналы имеют авторскую подпись — «Алексей Толстой», сделанную размашистым почерком писателя и занимающую почти половину ширины страницы. На некоторых рукописях надпись рукою Толстого: «Для американских газет», «Для Америки». В конце одной статьи, например, сделана приписка: «Прошу извинения, что непредвиденная случайность заставила задержать эту статью на один день. А. Толстой».

Перед нами телеграмма, адресованная А. Толстым писателям Англии и США. Время — август сорок первого года. Вот ее несколько сокращенный текст:

«Благодарю за дружеское приветствие советским писателям. Мы счастливы установить с английской и американской интеллигенцией глубокое взаимное понимание и взаимные цели — становления в мире принципов справедливости, доброй воли и всех необходимых предпосылок для дальнейшего развития гуманитарной культуры.

Мы, советские писатели, так же как наша Красная Армия и все единодушно и братски сплоченные народы Советского Союза, — полны оптимизма. Борьба тяжела и упорна, враг, как раненое чудовище, напрягает все свои силы, но мощь сопротивления нашей Армии растет с каждым днем и силы армии Гитлера убывают с каждым днем...

Передайте от имени советской литературы дружеский, братский привет писателям Англии и Америки — всем, кто отдает свои силы для уничтожения на нашей прекрасной земле кровавого и звериного фашизма. От всех нас зависит, чтобы скорее миновала эта черная ночь. Алексей Толстой.

3.VIII.41 г.».

«Его работа была великолепна»

Целая объемистая архивная папка полностью отдана рукописям Евгения Петрова. Их около трех десятков — фронтовые очерки писателя, его публицистические статьи, репортажи. Многие из них до последнего времени не были опубликованы.

С первых дней войны и до последнего часа своей жизни Евгений Петров находился на фронте, выполняя обязанности специального военного корреспондента Совинформбюро.

Летом сорок первого Евгений Петров находился вместе с бойцами, сражавшимися за Смоленск и Псков. 21 июля он писал:

«Сегодня я вернулся с фронта, где пробыл два дня на Смоленском направлении. Я разговаривал с многими военными, и все они, от солдата до генерала, полны упорства и решимости...

На полях России оказалось, что война состоит из тысячи обстоятельств, которые не может учесть заранее ни один генеральный штаб в мире. Оказалось, что русское население вместо того, чтобы превратиться в рабов и трудиться на своих завоевателей, уходит, увозя хлеб и угоняя скот, а чего не может увезти — сжигает. Оказалось, что все мужчины, способные носить оружие, уходят в леса и становятся партизанами, а все женщины и подростки, способные держать лопату, строят укрепления на сотни и тысячи километров».

Это была одна из первых статей писателя, посланная в Соединенные Штаты. Незадолго перед этим Евгений Петров был приглашен американским агентством НАНА стать его специальным военным корреспондентом. Это газетное объединение занималось в годы войны распространением материалов советских авторов в американской прессе. Очерки и статьи Евгения Петрова печатались в сотнях газет. Писатель многое сделал, чтобы открыть американцам правду о нашей стране, о наших людях.

В октябре пришла телеграмма из Нью-Йорка: «Евгению Петрову. Союз советских писателей, Москва. Заинтересованы в любых драматических очерках. Места действия Московский фронт». Евг. Петров отвечал 24 октября:

«Вы просили меня дать драматические эпизоды с Московского фронта. Но драмы не было. Драма была во Франции, в Польше или в Греции, когда по дорогам шли обезумевшие от ужаса люди и их обгоняли германские танки, а германские аэропланы расстреливали их с бреющего полета, когда бежали министры... и когда генералы сдавали торжествующему врагу свои штабы и дивизии.

Нет. Здесь не было драмы. Здесь был эпос...»

В начале весны 1942 года Евгений Петров был уже на Карельском фронте, у моряков Северного флота. Телеграфные бланки разных цветов с очерками писателя подшиты к архивной папке. Такими и сохранились его рукописи, которые он присылал из Заполярья. Вот начало одной из них, переданной 18 мая:

«Метель продолжалась три дня. Военные действия не затихали. Они, конечно, потеряли в стремительности, но самый факт, что они велись, дает вам представление о несбывшемся в истории происшествии, с коим проходит эта титаническая война не на жизнь, а на смерть.

По утрам дежурный телефонист снимает в штабной землянке телефонную трубку и, нисколько не удивляясь, слышит строгий командирский голос: «Откопайте меня, я уже проснулся...»

Почти одновременно, 21 мая, писатель передал очерк о боевых делах моряков Северного флота.

«Самый молодой в мире флот, — пишет автор, — под командованием самого молодого адмирала совершенно расстроил немецкие морские коммуникации с их военной группировкой в северной Финляндии. Северному флоту, работающему в полном контакте с Мурманским направлением Карельского фронта, принадлежит заслуга спасения Мурманска от нашествия немцев, а следовательно, спасения важнейшей коммуникации этой войны. Успех вице-адмирала Головко надо признать совершенно исключительным. За время войны флот под его командованием затопил сто двадцать немецких судов водоизмещением в полмиллиона тонн».

Летом сорок второго Евгений Петров телеграфировал НАНА: «Уезжаю на Южный фронт, на Черное море. Буду корреспондировать. Привет. Евгений Петров». Вместе с моряками лидера «Ташкент» он участвовал в прорыве корабля в горящий Севастополь. Об этом походе и была написана последняя корреспонденция Евгения Петрова. Она осталась неоконченной. 2 июля 1942 года писатель погиб. В телеграмме, посланной Советским информбюро агентству НАНА, хранящейся в архиве, говорится: «Сообщаем, что военный корреспондент писатель Евгений Петров погиб на боевом посту второго июля сорок второго года». Из Нью-Йорка пришел ответ: «Опечалены смертью Петрова. Его работа была великолепна».

К годовщине со дня гибели писателя газетное объединение НАНА свою ежегодную медаль «За доблесть» присудило Евгению Петрову. Как указывалось в официальном документе о награждении, он удостаивался этой медали за личный героизм, проявленный при выполнении обязанностей корреспондента в условиях военного времени. На медали сделана надпись: «Евгений Петров. Севастополь — Европа. 1942 г.».

«Книги сильнее бомб»

Эти слова принадлежат Корнею Чуковскому. Ими заканчивается его очерк «Книги и бомбы», посвященный людям и делам Московской библиотеки иностранной литературы. Написан он осенью 1941 года. В архиве хранится авторский подлинник, подписанный писателем. По тексту сделана правка рукой Чуковского. Вот последний абзац этого очерка:

«Все эти книги каждой своей строкой, каждой буквой отвергают, разоблачают, клеймят ту философию насилия и расовой ненависти, по внушению которой орудовали наци сейчас заливают Европу океанами человеческой крови. И хотя любой солдафон, прорвавшись сюда на наномнибудь «юнкерсе», может двумя-тремя бомбами уничтожить это благородное хранилище книг, дух, который дышит в этих книгах, победоносен, несокрушим и бессмертен, ибо это дух свободы и правды».

Перед нами интересный документ, который относится к марту 1943 года. Это беседа корреспондента литературной группы Совинформбюро с писателем Михаилом Шолоховым. Предназначалась она для прессы США. Вот ее текст:

«Несколько месяцев не был в Москве любимый советский писатель Михаил Шолохов — автор знаменитой эпопеи «Тихий Дон». Почти всю войну он провел на фронте.

Война наложила свой отпечаток на внешний облик писателя: суровей стала вертикальная складка меж бровей, строже взгляд серо-синих глаз, реже улыбка. Скромную, полувоенного, полуинвалидного фасона гимнастерку сменил строго по фигуре сшитый френч, ловко облегающий коренастую фигуру полковника Шолохова. Золото погон гармонирует с русой копной волос над открытым приветливым лицом.

Война находит уже отражение и в творчестве писателя. Он пишет новую книгу.

— Это будет роман или очерки о войне? — спрашиваем мы.

— Это будет роман, — отвечает Шолохов. — Мне кажется, что роман — моя стихия, очерки плохо мне удаются.

— Кто же его герои?

— Советские люди в дни Великой Отечественной войны, те, кто с оружием в руках защищает на фронте нашу Родину от врагов, и те, кто борется с этими врагами, не жалея своих сил, в героическом советском тылу.

Шолохов не любит рассказывать о вещах, над которыми работает. И он деликатно уводит нас от этой темы, рассказывая о своих поездках на фронт и встречах с интересными людьми. В частности — о поездке на Центральный фронт вместе с писателем Александром Фадеевым и трагически погибшим замечательным советским сатириком Евгением Петровым».

НЕМАЛО хранится в архиве рукописей Петра Павленко. За годы войны писатель побывал на Западном, Северо-Западном, Брянском, Крымском, Кавказском и 3-м Украинском фронтах.

«В новгородских лесах» — так называется один из его очерков. Написан он осенью сорок первого года. В конце рукописи указано: «Действующая армия. Северо-Западное направление». Вот его начало:

«Я лежу на берегу Волхова, Новгород — за рекой. Виден древний Юрьевский монастырь, дома, начала улиц, выжженных дотла. Недельку тому назад немцы попробовали тремя сотнями солдат переправиться на наш берег Волхова, но были перебиты... Весь обширный новгородский край и район озера Ильмень объявлены немцами давно оккупированными. Три дня назад я был на озере Ильмень. Места эти немцы считают занятыми, а наши войска до сих пор действуют здесь. Всюду идет борьба не на жизнь, а на смерть. Сплошного фронта не существует».

«Весьма срочно...»

А вот еще одна рукопись Павленко. Называется она «Битва за Сталинград». На ней дата — 21 сентября 1942 года. На первом листе надпись: «Весьма срочно. США, для НАНА».

Большинство рукописей Ильи Эренбурга, хранящихся в архиве Совинформбюро, уже опубликовано. Целую серию неизвестных ранее статей замечательного советского публициста напечатал совсем недавно журнал «Новый мир» (№ 2, 1973). Нам же хочется обратить внимание на две телеграммы, рисующие не всегда простой характер отношений И. Эренбурга с американским агентством Юнайтед Пресс.

Вернувшись из поездки на фронт в октябре 1942 года, И. Эренбург получил телеграмму от Юнайтед Пресс, в которой содержались благодарность за отосланные материалы и пожелания относительно характера и тематики новых.

Писатель немедленно телеграфировал:

«В ваших пожеланиях имеется противоречие. Недавно вы просили описывать только события, очевидцем которых я являюсь. Я принял это к сведению. Теперь вы просите описания боев под Старой Руссой и американцев. Находясь на Западном фронте, не могу одновременно быть под Старой Руссой... Американцев, к сожалению, не встречал. Предлагаю представить мне больше свободы в выборе тем».

Текст документа напечатан на машинке автором. Имеется правка чернилами рукой Эренбурга. Подпись — автограф писателя. А вот ответная телеграмма из Нью-Йорка:

«Извините, если мы вас ввели в заблуждение. Руководствуйтесь вашими соображениями в выборе материала. Юнайтед Пресс».

Литературная группа Совинформбюро активно привлекала к работе видных писателей наших союзных республик. В архиве хранятся рукописи Максима Рыльского, Миколы Бажана, Павло Тычины. О месте и роли писателя на войне говорит письмо Мусы Джалиля, написанное с фронта в те дни, когда поэт был литсотрудником газеты «Отвага»

«Только на передовой линии можно видеть нужных героев, черпать материал, следить за боевыми действиями... Поэтому я часто бываю не только свидетелем, но и участником кровопролитных боев с захватчиками».

Обо всех архивных рукописях советских писателей, отражающих их патриотическую деятельность в годы войны с фашизмом, рассказать в одной статье просто невозможно. Документов много. Круг их широк. Они охватывают, во времени и в пространстве, многочисленные события. Эти боевые реликвии — еще одно убедительное подтверждение огромной и поистине героической работы советских писателей на фронтах Великой Отечественной войны, их достойного вклада в историческую победу советского народа над черными силами фашизма.

История подтвердила жизненность слов Маяковского. Советские писатели своей боевой работой доказали, что они действительно «к штыку приравняли перо».

Борис Горбатов (четвертый слева) у летчиков-штурмовиков 7-го гвардейского полка. 1942 г.

Фото А. ЕГОРОВА

Роман Кармен и Константин Симонов. Утро освобождения Вязьмы. 12 марта 1943 г.

Фото Я. ХАЛИПА

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС НАД ГЛАВНЫМИ НЕМЕЦКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ.

Советские корреспонденты — писатели Леонид Леонов, Илья Эренбург, Всеволод Вишневский, Борис Полевой. 1946 г.

Фото А. КАПУСТЯНСКОГО

РЕДКИЙ СНИМОК

ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО ПОБЕДЫ

В сборнике статей и очерков Нины Тихоновой «Писатель и эпоха» рядом с именами ныне широко известных поэтов и с волнением прочтя фамилии давних фронтовых друзей — Осонина, Скрипиндиа, Рыжикова и... свою собственную. И вспомнился мне март сорок пятого...

Еще не отгремели последние залпы. Но уже налаживалась мирная жизнь в недавно освобожденной от фашизма Болгарии, и все чаще в гостях у бойцов мы видели писателей, артистов, ученых.

Приехали в Софию и Николай Семенович Тихонов, и Павло Григорьевич Тычина. В это время здесь проходило собрание начинающих литераторов, печатавших свои первые работы в газете «Советский патриот».

А апрель 1945 г. в «Красной звезде» было опубликовано пять отобранных Н. Тихоновым стихотворений с его кратким напутствием. «На всех фронтах Великой Отечественной войны, — писал Николай Семенович, — в рядах Красной Армии сражаются молодые поэты, чьи стихи пока печатаются только во фронтовой печати. Среди множества пишущих стихи есть люди несомненного таланта. Когда слушаешь их в походной обстановке, то хочется, чтобы их стихи стали известны и широкому читателю. Эти молодые поэты — могучий резерв нашей поэзии...»

Этим предисловием был открыт изданный в том же году в Софии сборник «Тебе, родная Армия», куда вошли стихи, одобренные замечательными поэтами.

Фотокорреспондент «Советского патриота» капитан М. Розенбергер сфотографировал молодых литераторов вместе с гостями у входа в дом офицеров, где проходило совещание. Не знаю, сохранилась ли еще у кого-нибудь такая фотография...

Л. ГОРИЛОВСКИЙ,
подполковник в отставке, журналист

КИЕВ

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА («Советский Союз»)

Максим ГЕТТУЕВ

ПАМЯТЬ

Опять березки листву раскрыли,
Земля зацвела вокруг.
И снова пришел я к твоей могиле,
Мой старый,
Мой вечный друг.
Я пышных цветов не готовил заране,
Не рвал я багряных роз,
Набрал я ромашек
На ближней поляне,
Ромашки тебе принес.
(Горит фронтовое смутное лето,
С утра не стихает бой,
И все пепелищем мглистой одето,
И смерть —
По пятам за тобой.
Окопы врага
Сквозь высокое пламя
Пока разгонял с трудом,
Мы в полный рост,
Ощетинясь штыками,
По белым ромашкам идем...)
От этой поляны
До окопа —
Не в счет никакие года! —
Мне все и дорого,
И знакомо,
И памятно навсегда.
Мерцают сквозь зелень огни землянки,
И птичий не молкнет гам,
И падают тени,
И яркие блики
Ложатся к моим ногам.
(Мы шли тогда по белым ромашкам,
Дорога была длинна,
Мы шли, не слыша,
Как грохотом тяжким
Округа потрясена,
Но ветер горячий ударил в лица,
Взметнулся багряный дым,
И, руки раскинув,
Упал ты, как птица,
В ромашки —
К ногам моим...)
Светло отзвучало прощальное слово,
И стих ружейный сапют.
У насыпи свежей
Под твоей сосновой
Один задержался я тут.
И наш разговор под сосною высокой
С тобой продолжал в тишине,
И страшные строки,
Бессильные строки
Писал я твоей жене...
Не все, что казалось нам главным
Сегодня, — сегодня — сейчас,
Таким оказалось, мой друг.
Но знамя,
Что в бой поднимало солдата,
Из наших не выпало рук.
Неважно, что стали другими на свете
И песни,
И отдых,
И труд, —
Про молодость нашу поют мои дети
И дети твои поют.
(Ты знаешь,
Я видел недавно такого,
Который твердил о том,
Что раны закрылись —
И незачем снова
Напоминать о былом.
Что новому племени —
Новые песни,
А память напрасней вдвойне,
Поскольку не скажет она
«Воскресни!»
Тем, кто погиб на войне...)
Не лезу насильно в я душу чужую,
Но правда одна мне видна:
Чем дальше, мой друг, от войны
Я — все дальше и дальше ухожу,
Тем памятней мне война.
И дети,
В бою заслоненные нами,
Завидуют нашей судьбе,
И поднят отцов
Не забыт сыновьями —
Свидетельству тебе!
Не раз и не два приходилось нам круто,
И наш — не от божьих щедрот —
Покой, завоеванный в битвах,
Кому-то
Покоя опять не дает.
И вместе с другими я голос подъемлю,
Клянусь,
Никому не грозя:
Не дам я в обиду родимую землю,
Где спят боевые друзья!
Трава поднялась на пологих склонах,
И колос озимый созрел,
Стою я на страже
Тобою свершенных
И не свершенных дел.
Села твоего
И бескрайней державы,
Заводов твоих и полей,
Твоих надежд
И посмертной славы,
Солдатской могилы твоей.

Тверда моя память,
Я я не на тризне,
И светом глаза налиты.
Иду я по жизни,
Как велено жизнью,
И рядом со мною — ты.
Со мной ты от края до края России
И от нее вдалеке,
В замысле каждом,
В каждом усилье.
В каждой моей строке...
Опять березки листву раскрыли,
Земля зацвела вокруг.
И снова пришел я к твоей могиле,
Мой старый,
Мой вечный друг.
Со дна воронок тянутся стебли,
В прозрачной росе кусты,
И ветер хвою густую колеблет,
И рядом со мною —
Ты.

Перевел с балкарского
Я. СЕРПИН

ХРОНИКА

Университет Вишвабхарати, одно из крупнейших учебных заведений Индии, присвоил почетное звание доктора литературы народной поэтессе Латвии Мирдзе Кемпе. По поручению премьер-министра Индии Индиры Ганди, являющейся председателем правления этого университета, в Ригу прибыл Чрезвычайный и Полномочный Посол Республика Индия в СССР К. Ш. Шолванкар с супругой. Он вручил латышской поэтессе диплом о присвоении ей почетного звания. Многие свои произведения Мирдза Кемпе посвятила Индии, ее народу, его наиболее выдающимся представителям.

■

Задачам писателей в третьем, решающем году пятилетки было посвящено совместное расширенное заседание правления и партийного бюро Ростовской писательской организации, редколлегии журнала «Дон» и Ростовского книжного издательства. На заседании обсуждались итоги недавнего пленума Союза писателей СССР.

С докладом выступил ответственный секретарь Ростовской писательской организации А. Бахарев. В обсуждении приняли участие главный редактор журнала «Дон» М. Соколов, директор Ростовского книжного издательства Н. Демченко, писатели П. Аматуни, А. Гарнаевурян, В. Закруткин, Б. Изюмский, Г. Ковешников, П. Лебедевич, А. Сунимезов, В. Фоменко, работники Ростовского книжного издательства и журнала «Дон».

■

В Ташкенте состоялся юбилейный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения С. Бородина.

Вечер открыл председатель правления Союза писателей Узбекистана Камиль Яшен.

От имени ЦК КП Узбекистана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики юбиляру приветствовал Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Н. М. Матчанов.

Он сообщил о том, что Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Сергею Бородину за большие заслуги в развитии многонациональной советской литературы присвоено почетное звание народного писателя Узбекской ССР.

Доклад о творчестве писателя сделал доктор филологических наук С. И. Лиходзиевский.

Г. Гулиа, М. Турсун-заде, Л. Гурунц, И. Малик-заде и другие сердечно поздравили своего собрата по перу.

Камиль ЯШЕН, председатель правления СП Узбекистана

ХУШ КЕЛИБСИЗ — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Немало праздников принес нам весенний месяц май. И вот на древнюю узбекскую землю, где слагали свои стихи Алишер Навои и Фуркат, Хамза и Гафур Гулям, приходит еще один большой и радостный праздник — Дни советской литературы. Они открываются 11 мая в Ташкенте. Дни братских литератур стали замечательной традицией нашего времени. Мы принимали у себя в Узбекистане полпредов Российской Федерации и Украины, Белоруссии и Таджикистана, Казахстана и Эстонии, Туркмении и Армении...

Взаимный обмен духовными ценностями между республиками, между народами нашей страны имеет важнейшее значение для развития интернационалистской по духу, характеру советской литературы.

Дни советской литературы в Узбекистане — еще один этап в развитии творческих связей писателей нашей республики с деятелями литературы всей страны. Они послужат дальнейшему сближению и взаимному обогащению национальных культур, сыграют важную роль в интернациональном воспитании трудящихся.

В эти дни прозвучат стихи наших друзей, которые выступят перед тружениками Узбекистана на заводах, фабриках, хлопковых полях. Состоится большой разговор о достижениях многонациональной советской литературы, о том, как воплотить в жизнь главную задачу — воспеть в художественных произведениях наше великое героическое время, нерушимое братство советских народов.

Программа Дней советской литературы в Узбекистане обширна. Писательские маршруты пройдут по безбрежным просторам Голодной степи. Гости побывают у хлопкоробов, животноводов, химиков, текстильщиков. Ферганской долины, встретятся с тружениками Самарканда, познакомятся со строителями Туямуюнского и Тахиаташского гидроузлов, Сырдарьинской ГРЭС — с теми, кто прокладывает в пустынях новые реки и создает искусственные моря, вписывая славные страницы в героическую летопись девятой пятилетки. Они увидят, как похорошел и помолодел наш Ташкент, возрожденный из руин...

У узбекского народа есть пословица: «Самым лучшим друзьям — самый лучший дар». И нашим даром будет горячая любовь к народам-братьям, к представителям их славных литератур.

Мы говорим дорогим гостям: хуш келибсиз — добро пожаловать!

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Хамид ГУЛЯМ

ПРЕОБРАЖЕННАЯ СТЕПЬ

Радостным был Первомай для хлопкоробов Голодной степи. Накануне праздника они успешно завершили сев, заложили основу будущего урожая. В этом году они обязались дать Родине 520 тысяч тонн «белого золота»!

В 1918 году, в очень трудные для Советской страны дни, по указанию В. И. Ленина было начато орошение и освоение земель Голодной степи. С тех пор прошло пятьдесят пять лет. Теперь это долина плодородия, край изобилия, родина героических людей. И только название — Голодная степь — напоминает о ее прошлом.

Недавно группа узбекских писателей побывала в совхозе имени Ленина Дустликского района Голодной степи.

Все земли совхоза превращены в высокоурожайные плантации хлопка и обширные фруктовые сады. Здесь построены современные школы, больницы, детские учреждения, а в жилых домах — так же, как в городах, — люди пользуются всеми удобствами, включая природный газ и цветные телевизоры.

Я не раз бывал в этом совхозе. Здесь имеется большая общественная библиотека, насчитывающая 7 тысяч томов. Длинные полки заняты книгами с автографами авторов, ибо в совхоз часто приезжают литераторы. В нем побывали Константин Симонов и Камиль Яшен, Николай Грибачев и Рамз Бабджан, Ибрагим Рахим, Марк Максимов и многие другие.

Недавно в совхозе состоялась очередная встреча сельскохозяйственных рабочих с писателями. Мы рассказывали о творческих планах, читали новые произведения.

А потом выступали читатели, и одно из этих выступлений особенно запомнилось мне.

Три года назад в совхоз приехала семнадцатилетняя девушка Шамсикамар Тухтаева, имя которой в переводе означает «солнце и луна». Вчерашняя школьница, она поступила на курсы водителей хлопкоуборочных машин. Теперь Шамсикамар возглавляет хлопкоуборочную бригаду.

В прошлом году Тухтаева собрала на своем комбайне 610 тонн «белого золота». Ее бригада механизировала все хлопкоуборочные работы. За такие блестящие результаты правительство наградило девушку орденом Трудового Красного Знамени, а дирекция совхоза подарила ей легковую машину «Москвич-412». Тухтаева стала студенткой заочного отделения агрономического факультета Ташкентского сельскохозяйственного института.

И вот эта девушка, выступая на встрече с писателями, поблагодарила гостей за книги, рассказала о делах своей бригады, а потом добавила:

— Напишите о тех, кто живет на этой суровой земле. Эти люди заслуживают, чтобы им были посвящены самые вдохновенные поэтические строки, чтобы они стали героями романов и повестей...

Сегодня труженики Голодной степи ждут гостей — участников Дней советской литературы в Узбекистане, и я уверен: встреча эта будет радостной и для гостей, и для хозяев.

ТАШКЕНТ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Шмидта (Кузнецова) Б. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шмидта (Кузнецова) Бориса Андреевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
28 апреля 1973 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Мейлера Б. С. (Миллера Б. И.) орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Мейлера Бера Сруленича (Миллера Бориса Израйлевича) орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
28 апреля 1973 г.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать через вашу газету мою самую сердечную благодарность всем организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с шестидесятилетием и высокой правительственной наградой.

Василь КОЗАЧЕНКО

КИЕВ

Эта писательская встреча, посвященная литературе о пограничниках, как уже сообщала «ЛГ», проходила в Батуми. В ней участвовали писатели почти из всех братских республик. Батумцы с полным основанием утверждали, что это было первое столь внушительное собрание представителей нашей многонациональной литературы на земле Советской Аджарии. Факт важный и примечательный!

Однако до того, как рассказать о большом разговоре, состоявшемся на совещании, мне хочется привести слова, которые довелось услышать несколько дней назад, можно сказать, на самой государственной границе.

— Признаться, я не нижу особых причин для удивления, что именно к нам в Батуми, приехали писатели, посвятившие свое творчество жизни пограничников. И дело не только в том, что наш город обладает богатой литературной биографией... Вот она граница — взгляните на эту реку, на ее берега... У пограничников очень серьезная, ответственная служба. И с ними всегда наши давние боевые друзья — любимые книги любимых писателей. Когда с тобой рядом верный товарищ — это совсем особое чувство.

Так говорил подполковник Ушанги Георгиевич Сихарулидзе, сын чекиста, брат павшего на фронте пограничника и сам, как говорится, пограничник с головы до пят.

И еще одно читательское мнение. В зале заседаний каждый день можно было встретить педагогов, студентов, рабочих, моряков — одним словом, читателей. Среди них — Анатолий Алексеевич Казарян, начальник Грузинского морского пароходства, отважный командир легендарного «Сибирякова», который в 1942 году дал бой гитлеровскому рейдеру «Адмирал Шеер», — сказал нам:

— Книги о пограничниках любимы всем народом, ибо это литература о мужестве его сыновей.

Теперь пройдем в зал заседаний: здесь встретились писатели и герои их произведений — пограничники.

Отрадный факт подчеркнул в своем вступительном слове секретарь правления СП СССР А. Сурков: в минувшие годы вышли в свет 324 книги, посвященные пограничникам, в том числе 120 произведений прозы, 20 авторских поэтических книг, много коллективных сборников. И хотя статистике в литературе не принадлежит решающее значение, все же эти цифры показательны.

— Пограничники вошли в историю нашей Родины как подлинные герои, у которых нет и никогда не бывает мирного времени, — сказал А. Сурков. — Мы помним и то, что в трагическое утро 22 июня 1941 года они приняли на себя первые удары врага. Стойко сражаясь в течение всех четырех лет Отечественной войны, пограничники стяжали право почитаться как герои. Вот почему советская литература так пристально, с таким повышенным чувством ответственности обращалась и обращается к этой глубоко патриотической теме.

Отметив, что за последние пять лет читатели получили интересные произведения о пограничниках, А. Сурков подчеркнул далее важность воспитания способных молодых литераторов, которые служат в пограничных войсках. Много полезного делают журнал «Пограничник» и библиотечка, которую он выпускает. Эти издания пользуются уважением пограничников и литераторов.

Начальник Политического управления пограничных войск СССР генерал-майор В. Лежепеков говорил в своем докладе о давней боевой дружбе между пограничниками и писателями.

— Художественная литература о пограничниках—органическая часть всей советской многонациональной литературы. Это литература о героизме и героическом, — сказал В. Лежепеков. — Мы очень рады, что в минувшие годы появились такие произведения, как «Не бойся, мама!» Н. Думбадзе, «Сын коменданта» Н. Камбулова, «Материнское дыхание» Н. Романова, новые книги А. Марченко, О. Смирнова, П. Федорова и других авторов. Вместе с тем нельзя не отметить, что еще появляются и произведения, не отвечающие высоким идейно-художественным требованиям. Мелкотемье, шаблон, литературные скороспелки, к сожалению, все еще встречаются...

В этой связи докладчик справедливо критиковал повесть Я. Дзугоевского «Сержа из сорок первого» (журнал «Звезда», № 1, 1973). Автор много места отвел тому, как пограничники развлекаются, но, к сожалению, не рассказал, как бойцы делают свое главное дело — охраняют границу.

На совещании были заслушаны также сообщения о произведениях прозы, поэзии и кинодраматургии, посвященных пограничникам. Обстоятельный доклад сделал критик И. Козлов, поделившийся своими наблюдениями и размышлениями над тем, как в нашей прозе воплощается образ воина, защищающего рубежи страны. Анализ докладчика опирался на широкий «кругозор». Это романы и повести Н. Думбадзе «Не бойся, мама!», П. Загребельного «Добрый дьявол» и «Шепот», А. Первенцева «Секретный фронт», Н. Романова «Граница — рядом» и «Материнское дыхание», Е. Воеводина «Такая жаркая весна», Б. Зубавина «Опаленные зори», О. Смирнова «В отрогах Копет-Дага» и «Июнь», В. Дружинина «Два и две семерки», «Сова—птица полная», П. Турунина «Сегодня солнце не зайдет» и др. Разбирая эти произведения, критик отметил, что читателя привлекает в них правдивое изображение самоотверженного труда пограничников как высокой меры мужества.

— О боях сорок первого года на границе я читал прекрасную книгу одного из «ветеранов» пограничной темы — Владимира Беляева, — говорил И. Козлов. — Теперь о послевоенном времени. Ярко рассказал Олег Смирнов...

Вместе с тем докладчик отметил, что иные авторы, пренебрегая законами художественного творчества, подменяют реалистическое изображение людей и их жизни «розовыми картинками», примелькавшимися внешними аксессуарами. В таких сочинениях обычно присутствуют зоркий солдат и сторожевая собака, и шпион пойман, а встречается художественного произведения нет.

Выступавшие подчеркивали важность воспитания молодых писателей. В этой связи хочется отметить тот отрадный факт, что в совещании участвовали многие литераторы-пограничники, для которых, как сказал А. Сурков, книги о границе стали делом жизни. Это прозаики Г. Ананьев, О. Гумберидзе, О. Петров, Б. Рожнев, поэты Н. Данилов, В. Захаров, Г. Ламбриянов... Круг литераторов-пограничников ширится — и это очень хорошо.

На совещании выступили А. Авденко, Н. Алексеев, (Белоруссия), Е. Аукебаев (Казахстан), В. Беляев, Н. Гнидкин (Азербайджан), Б. Дугровин, А. Дурдыев (Туркменистан), полковник П. Иванчишин, В. Инфантьев (Ленинград), М. Котлярский, М. Крючкин, Г. Кузовкин (Львов), И. Лашков, М. Левин (Таджикистан), П. Лукницкий, майор О. Петров, А. Первенцев, В. Рудов (Белоруссия), В. Сергеев, главный редактор журнала «Пограничник» полковник С. Сидоров, заместитель начальника Политуправления пограничных войск СССР генерал-майор Е. Соловьев, И. Урлин, П. Федоров, полковник Г. Филиппов, Ф. Халваши (Аджария) и другие.

Подводя итоги дискуссии, А. Сурков отметил, что совещание в Батуми еще раз подчеркнуло — героическая тема требует от литератора высокой ответственности, большого мастерства, умения глубоко передавать правду боевой жизни и яркие характеры славных защитников нашей границы.

Отчет будет неполным, если не упомянуть хотя бы коротко о том, как много для успеха совещания сделала республиканская печать, в частности газета «Советская Аджария», о встречах писателей с пограничниками на заставах, а также с рабочими, колхозниками, студентами, о том, как участники совещания в отрадных районных центрах Аджарии разбили новый сквер Пограничников...

Батуми, город-пограничник, превратил совещание в праздник советской многонациональной литературы, праздник, героем которого был воин в зеленой фуражке.

Н. МАР,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВАТУМИ

ВОИНУ В ЗЕЛЕНОЙ ФУРАЖКЕ

НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ПОГРАНИЧНИКАХ

КНИГИ О ДОБЛЕСТИ И СЛАВЕ

...В одном из очерков Олеся Гончара есть такое место: «На поле боя лежит убитый солдат. Подходят товарищи, снимают с него подсумки с патронами, разрывают походный мешок. Что в нем, в этом тощем солдатском мешке? Что было самым необходимым для человека, шедшего в бой? Краюха хлеба, Пачка концентрата. Пара запасных портянок. И еще что-то... Книга!».

Точно такую книгу, простреленную навылет, со слипшимися от крови страницами, привезли писателю Юрию Лиховскому друзья погибшего на фронте бойца. Это был известный роман «Всадники».

Я часто бываю в войсках, и мне неоднократно приходилось видеть, как солдаты в свободную от службы минуту снимются над книгой. Они стремятся лучше понять окружающий мир, величие дел, совершенных отцами, глубже осмыслить свой долг защитника социалистического Отечества.

На XXIV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что советский народ по праву считается самым читающим народом в мире. Проведенный в войсках анкетный опрос показал, что почти все офицеры, солдаты и матросы регулярно покупают книги.

Три года назад Главное управление торговли Министерства обороны СССР открыло в Москве первый в стране Дом военной книги. Он стал популярным очагом культуры, центром пропаганды и распространения военно-патриотической литературы, посвященной нашей армии и флоту, их героическому прошлому и настоящему.

Важный участок работы клуб книголюбов. За «круглым столом» они регулярно встречаются с писателями и редакторами военно-исторической литературы, с кинематографистами, снимающими фильмы на военные темы, и композиторами, затем рамки военных мемуаров, мастерами спорта. В клубе недавно выступали Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, рассказавший о своей книге «Так начиналась война», вице-адмирал И. И. Азаров, один из активных участников обороны Одессы и Севастополя, генерал-полковник В. М. Шатилов, командовавший в годы Великой Отечественной войны 150-й стрелковой дивизией, штурмовавшей рейхстаг, и другие крупные военачальники.

Активную пропаганду военно-патриотической литературы в столице Украины также ведет Дом военной книги Управления торговли Киевского военного округа. Положительный опыт работы москвичей и киевлян теперь используется при создании книжных центров в других столицах союзных республик и в ряде городов нашей страны. Решение создать центры распространения военной книги нашло поддержку у республиканских, областных и краевых партийных организаций, военных советов округов. Недавно такие дома открылись в Минске, Алма-Ате и Фрунзе.

Хотя романы, повести, мемуары издаются у нас огромными тиражами, военная книжная торговля подчас не в состоянии полностью удовлетворить спрос на них. В нашей почте есть много писем и с пожеланиями писателям: еще мало талантливых произведений о сегодняшнем дне Советской Армии и Военно-Морского Флота.

К сожалению, наши заказы центральным издательствам на военно-художественную литературу выполняются «Союзкнигой» лишь на 10 — 20 процентов, а книг из республиканских и областных издательств мы, по существу, не получаем вовсе. В Домах военной книги нет литературы на военную тематику, выпущенной Лениздатом и «Московским рабочим». Не поступает в нам и специальная библиотека «Подвиг» (издательство «Советская Россия»).

Думается, для успешной деятельности Домов военной книги было бы важно, чтобы уже сейчас над ними шефство комиссии военно-патриотической литературы республиканских союзов писателей. И тогда огоньки этих новых очагов культуры будут гореть еще ярче.

Е. ГОЛЬДБЕРГ,
генерал-лейтенант, начальник Главного управления торговли Министерства обороны СССР

«Вопросы литературы», № 5

Читатель получил пятую книжку журнала «Вопросы литературы». Номер открывается статьей Г. Маркова «Писатель и пятилетка. Художественная публицистика: проблемы, поиски, решения». В основу статьи положен доклад Г. Маркова на пленуме правления Союза писателей СССР, состоявшемся в конце марта.

В номере опубликованы также диалог А. Адамовича и А. Цветкова о новых повестях В. Быкова, ряд статей и рецензий, страницы «Из военных тетрадей» А. Бека и другие материалы. «Культура в обществе потребления» такова тема выступлений Ю. Давыдова и Ю. Карганова, посвященных анализу распространенных на Западе концепций развития культуры.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

ГОСТИ ИЗ ЮГОСЛАВИИ

Крепнут творческие контакты советских и югославских литераторов. В этом году планом сотрудничества между двумя писательскими союзами предусмотрена новая форма взаимных связей — проведение вечеров поэзии отдельных республик СССР и СФРЮ.

Недавно в Советском Союзе побывала группа македонских поэтов во главе с литературоведом, академиком Димитром Митревым. В ее состав входили Лазо Каровский, Матей Матевский, Радован Павловский, Анте Поповский, Михаил Рендзов, Славко Яневский. Гости побывали в Ташкенте—побратиме города Скопле, познакомили со своим творчеством студентов Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина, тружеников колхоза «40 лет Узбекистана». Они выступили также перед работниками просвещения Волгограда и читателями Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы.

Македонские поэты встретились с писателями Узбекистана, Волгограда, Ленинграда и Москвы, были приняты секретарями правления Союза писателей СССР С. В. Сартаковым, М. К. Лукониным, Ю. Н. Верченко.

«КАКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВЫ ОБЫЧНО ЧИТАЕТЕ?»

Это только одна из нескольких десятков вопросов, с которыми сейчас обращаются в разных городах страны и подписчикам «Литературной газеты» сотрудники лаборатории по изучению функционирования печати, радио и телевидения факультета журналистики МГУ.

Социологи опросят около 2000 человек. Собранные анкеты будут обработаны электронно-вычислительными машинами.

Чем полнее и искреннее будут ответы, тем более ясное представление получит редакция об отношении читателей к газете. Это даст возможность учесть их пожелания в дальнейшей работе.

М. ПАРХОМЕНКО, профессор

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКАЯ ПО ДУХУ И ХАРАКТЕРУ

Одновременно с формированием новой исторической общности людей — советского народа сформировалась и единая советская литература — составная часть его культуры, «интернационалистской по своему духу и характеру». В этом смысле и советская литература, и вся художественная культура нашего зрелого социалистического общества — тоже «своего рода обобщенный итог коренных перемен, свершившихся за полвека в нашей стране.

Ленинский курс КПСС и Советского государства на ускоренное экономическое, культурное и социально-политическое развитие всей страны, преимущества социализма и помощь русского народа позволили народам, задержавшимся на путях исторического развития, преодолеть за немногие годы вековую, а то и многовековую отсталость.

Через сколько веков, например, должна была перешагнуть Якутия, чтобы ее нынешний поэт с полным правом мог сказать:

Известна доблестью рабочею
якутская моя земля.

Какие почти невероятные исторические границы должны были преодолеть буряты, сохранившие кочевки, чтобы стать, как справедливо отметил бурятский романист Норпол Очиров, «интеллектуальной нацией», создать свою вполне современную реалистическую литературу, свои национальные драматический и оперный театры?!

Это отнюдь не частные, а типические примеры социалистического выравнивания уровней культуры, в результате которого сложилось и качественно новое в мировой истории образование — единая советская культура, «органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей». Качественно новые черты и достоинства этой культуры обобщены в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в следующем определении: «Сегодня мы уже с полным правом можем сказать: наша культура — социалистическая по содержанию, по главному направлению своего развития, многообразная по своим национальным формам и интернационалистская по своему духу и характеру». В этом определении зримо представлено диалектически развивающееся соотношение интернационального и национального в литературе и искусстве наших дней. В нем справедливо отмечено нарастание качественных признаков социалистической общности, единства многонационального советского искусства и литературы. И не только в содержании. Ведь если культура становилась «интернационалистской по своему духу и характеру», соответствующие изменения должны были произойти и в области формы искусства. В художественной литературе эти изменения выступают, пожалуй, с наибольшей конкретностью.

Критика и литературоведение фиксируют возрастающее в братских литературах из года в год единство идейно-тематических и стилевых течений, сближение систем стихосложения и изобразительных средств поэтического языка; уже утвердились общая для всех наших литератур система жанров, единство принципов типизации. Можно сказать, сформировался общий, межнациональный эстетический фонд, который и далее обогащают своими вкладами и из которого черпают для своего художественного развития все национальные литературы. Словом, при всем «разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие интернационалистские черты».

Разумеется, национальное своеобразие как в художественной культуре в целом, так и в литературе в частности не исчезает. Однако же вся совокупность процессов развития советской художественной литературы отмечена могучей тенденцией нарастания не различий, а общих черт.

Огромное значение и для практики, и для теории нашего искусства имеет оценка этого процесса партией как явления прогрессивного, отвечающего духу социализма, интересам народов нашей страны, закладывающего основы коммунистической культуры.

Энергичные ленинские акценты этой оценки положат предел многим бесплодным спорам, направляя внимание литературоведов, искусствоведов, эстетиков на эффективное исследование и решение применительно к литературе и искусству таких объективных проблем, как «нахождение наиболее правильных путей развития отдельных наций и народностей и наиболее правильного сочетания интересов каждой из них с общими интересами советского народа в целом».

Ленинские прогнозы движения культуры к коммунизму, подтверждаемые более чем полувековой практикой в СССР, помогают нам, критикам и литературоведам, правильно осмыслять и оценивать важнейшие стороны современного художественного развития.

И главное: партия указывает нам на возрастающую роль критериев социалистического интернационализма в понимании насущных задач нашей литературы и литературной теории.

Превращение интернационализма из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и норму поведения советских людей всех наций и народностей оценено в докладе как «поллинно революционный переворот в общественном сознании». Постоянное, систематическое и глубокое воспитание всех граждан Советского Союза в духе интернационализма и советского патриотизма названо весьма важной частью общего дела строительства коммунизма. Подчеркивая, что интернационализм и советский патриотизм «представляют для нас неразрывное целое», доклад отмечает новое общенациональное, интернационалистское в содержании патриотического чувства, рожденное в практике социалистического содружества и обмужнтия братских народов: общенациональную гордость советского человека. В этом свете местничество представлено в его связях с национализмом, а последний отнесен к числу чрезвычайно живучих предрассудков и пережитков, к тому же всячески подогреваемых извне политиками и пропагандистами буржуазного мира. В связи с этим партия напоминает, что «от **коммунистов** любой национальности Ленин всегда требовал четкой и принципиальной позиции в национальном вопросе, не допускал тут никаких скидок и послаблений».

Что касается критики, то она, думается, вдвойне ответственна за утверждение критериев и принципов социалистического интернационализма и советского патриотизма, потому что обращена в два адреса — и к писателям, и к читателям. Вот почему так же вдвойне досадно, если критика не дает своевременного отпора нарушениям этих критериев и принципов, как бы не замечает их.

В нашей критике уже утвердилось стремление рассматривать важнейшие явления национальных литератур с учетом их взаимосвязей с ведущими тенденциями всей советской литературы как развивающегося единства. Однако это еще лишь начало дела, естественно, далеко от совершенства. Со всей наглядностью показали это, например, споры о судьбах лирической прозы, когда критики, констатировавшие ее «угасание», опирались только на факты русской литературы без учета художественного опыта других литератур. Сегодня критик, не вооруженный познаниями в области истории и современности других братских литератур, не может с достаточной глубиной анализировать тенденции развития и своей национальной литературы. Скажем больше: советский критик и литературовед без знания интернациональных богатств станет скоро совсем немыслим.

В связи с этим особое значение приобретают для нас методы сравнительно-типологического изучения литератур. Будем надеяться, что за интенсивной теоретической разработкой этих методов, наблюдаемой ныне, последует и широкое их внедрение в практику нашей литературной критики. Обнадеживающими являются материалы недавних научных конференций и особенно проведенной в Москве конференции «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма» (материалы ее опубликованы в сборнике «Единство, рожденное в борьбе и труде») и ряд книг и статей, появившихся в связи с пятидесятилетним юбилеем Союза Советских Социалистических Республик.

Из того, что советская литература может быть рассмотрена и как художественная летопись формирования нашей новой исторической общности людей, критике следует сделать все необходимые выводы. Однако такого аспекта пока почти нет не только в очерках, но и в некоторых из многотомных историй наших литератур. В поэзии и прозе последних лет все чаще встречаем стремление художественно осмыслить явления и процессы, формировавшие единство советского народа. Особенно это заметно в отображении всенародного общенационального подвига в Великой Отечественной войне. В недавно опубликованных «Стихах, написанных в Латвии» балладе Кайсын Кулиев говорит о своем чувстве любви к людям и земле латвийской как о чувстве патриотическом:

...О Латвия, я сам —
твоя частица,
поскольку кровь моя
в земле твоей,

Те же мысли и чувства выражает и якут Иннокентий Эртюков:

Моя былинная Якутия,
России кровная сестра!

Литовец Йонас Авижюс развивает идею советского патриотизма на эпических просторах романа «Потерянный край», гневно развенчивая в этом националистические взгляды некоторых персонажей романа. Подлинными героями становятся лишь те, кто с оружием в руках безвестно борется за освобождение Литвы от оккупантов во имя советского будущего ее народа. Обращение писателя к теме войны в свете столь высокой идеи увенчалось созданием подлинного шедевра, обогатившего, как уже отмечала наша критика, всю современную советскую художественную прозу.

«В те дни, — говорил недавно Ян Судрабкалн, характеризуя латышскую поэзию времен Великой Отечественной войны, — было создано много вдохновенных патриотических стихов, вошедших в золотой фонд латышской литературы. И это не был «узконациональный» патриотизм, это был патриотизм общесоветский — любовь к родной Латвии и любовь к своей великой Советской Родине слились здесь воедино».

Заметным вкладом в советскую романистику стали трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» и дилогия А. Кешокова «Вершины не спят» — произведения, отобразившие исторический выбор нового пути нациями и народностями после победы Октября и распада Российской империи. Народы (в этих книгах — казахи и кабардинцы) пошли по пути, прокладываемому русским революционным авангардом. Центральный герой романа «Крушение» — третьей части трилогии А. Нурпеисова — Еламан так определяет свое участие и место в событиях гражданской войны: «...сейчас русские топчут дорогу. Не хочется, понимаешь, плестись по обочине». В совместной борьбе за свободу происходит сближение, дружбе становится взаимопонимание ранее угнетенных и бесправных народов с русским народом. Так закладывается фундамент единства, определившего дух и облик новой исторической общности людей.

Тот же интернационалистский пафос присущ и нанайской трилогии Г. Ходжера (романы «Конец большого дома», «Белая пушина» и «Амур широкий»), и хакасскому роману Н. Доможакова «В далеком аале», и роману А. Тимонена «Мы, карелы», и многим другим произведениям, где и преодоление вековой отсталости, и участие в революции, и выход к новому историческому творчеству показаны как ступени и этапы развития дружбы народов, совместной борьбы и формирования всенародного, а в том числе и государственного единства советских народов. Через многие из этих произведений проходит образ русского человека, раскрывающего свои духовные богатства в интернационалистской дружбе и самоотверженной борьбе за счастье народов-братьев.

Наша литература всегда талантливо и активно участвовала в воспитании советских читателей. Но в период развитого социализма, когда, как отмечено в документах XXIV съезда КПСС, роль литературы и искусства возрастает, прежние представления о степени участия литературы в интернационалистском воспитании уже недостаточны.

Национальные отношения в обществе зрелого социализма — «это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи». В. И. Ленин еще на пороге Великого Октября требовал от каждого коммуниста «думать *не* о своей только нации, а *выше ее* ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие». Сегодня, в развитом социалистическом обществе, это требование обращено ко всем советским людям, всему советскому обществу, где для многих миллионов подлинно интернационалистское мировоззрение стало неотъемлемым качеством. Ясно, что это качество должно быть в полной мере присуще образам тех героев, которыми писатели выражают свою концепцию личности нашего современника. Особое значение приобретает изображение литературой столь типичных для нас многонациональных коллективов, в частности, в произведениях рабочей темы.

На уже упомянутой научной конференции — «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма» — мансийский писатель Юван Шесталов хорошо сказал: «У нас есть один уровень. Уровень социалистической эпохи. У нас есть одна категория — категории советского человека, категория братства народов, наций, людей». Думаю, не мешало бы критике напомнить об этом почаще. «На материале художественной литературы, — пишет Георгий Марков на страницах журнала «Вопросы литературы» (№ 3, 1973), — критика призвана раскрывать торжество ленинской национальной политики, социально-политическое единство всех наций и народностей нашей страны».

Партия учит нас, что объективный процесс дальнейшего сближения наций и народностей нашей страны нельзя искусственно форсировать, но недопустимы и какие бы то ни было попытки сдерживать его, чинить ему помехи и искусственно закреплять национальную обособленность. Раскрывая ленинскую трактовку этой проблемы, Л. И. Брежнев напоминает нам о завете Ленина поддерживать «все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее...»

Теоретические положения доклада Л. И. Брежнева помогают глубже осмыслить роль советской литературы в формировании интернационалистских взглядов и убеждений советских людей. В системе положений этого нового партийного документа писатели и критики видят широко развернутую марксистско-ленинскую программу совершенствования национальных отношений в зрелом социалистическом обществе, укрепления и развития новой исторической общности людей — великой общности многонационального советского народа. Участие в осуществлении этой программы — высокий, почетный долг советской литературы и всех ее деятелей.

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Интересуясь «технологией» писательского труда, в частности спецификой работы писателя над столь популярными «детективными» произведениями, читатели обращаются в редакцию газеты и непосредственно к авторам книг с рядом вопросов, представляющих, на наш взгляд, широкий интерес. Так, инженер В. СИЗОВ из Пензы прислал нам письмо, в котором справедливо говорит о необходимости относиться к художественному уровню «детективных» повествований с не меньшей требовательностью, нежели к любому произведению художественной прозы. «Криминалистическая повесть, — пишет он, — прежде всего есть повесть. А повесть, как известно, произведение художественное».

Немало писем адресовано известному автору «детективных» произведений Василию Ардаматскому. Читатель И. ХИЛОВ из Свердловска спрашивает писателя, относит ли он свои произведения к жанру «детективной» литературы, и далее развивает свой вопрос: «В одной критической статье Вас отнесли к группе авторов, которые пишут свои книги без скидок на детективный жанр. Что здесь имеется в виду? О каких скидках речь? И есть ли такой литературный жанр — «детектив»? Если есть, то в чем его жанровая особенность?»

«По-моему, — пишет И. МАРКОВСКИЙ из Таганрога, — в любом жанре надо стремиться писать хорошо. Помню, что-то из участников посвященного «детективному» жанру «круглого стола» в «Литературной газете» сетовал на слишком высокие требования, и получалось, будто для «детективного» жанра не обязательны художественные достоинства. Очень хотелось бы узнать, что Вы об этом думаете?»

Библиотечный работник из Донецка А. ПОТАПОВА пишет о некоторых читателях, которые, «придя в библиотеку, просят книги «про шпионов», — чтение это, дескать, легкое, задумываться не над чем, все равно что семечки щелкать... Самое огорчительное то, что такие читатели предпочитают книгу слабую серьезным и правдивым книжкам, написанным самими разведчиками. Как же оградить читателей от плохих книг «про шпионов»?» А московский шофер К. КИРИЧЕВ спрашивает у В. Ардаматского: «Однажды в интервью Вы заявили, что пишете свои книги на документальной основе. Я хотел бы знать, что под этим имеется в виду?»

Отвечая читателям, Василий Ардаматский как бы вводит их в свою писательскую мастерскую...

ЕЩЕ РАЗ О «ДЕТЕКТИВЕ»

● СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТАКОЙ ЖАНР? ● ЕГО ПРИМЕТЫ? ● МЕРА ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ?

Отвечать на читательские письма и легко, и трудно. Легко потому, что в этих письмах есть порой и ответ. Трудно потому, что я не литературовед и не критик.

Начну с воспоминания о своем разговоре со знаменитым советским разведчиком Рудольфом Ивановичем Абелем. Беседовали мы о книгах, героями которых являются разведчики.

«Очень огорчает меня иные книги... — говорил Р. И. Абель. — Невероятные ситуации, стрельба, потасовка, погони — создается впечатление, будто успех разведчика решает его умение выстрелить на секунду раньше противника. Но ведь даже в военное время разведчику поручается не стрелять, а нечто совсем другое и очень тихое. В 90 случаях из 100, если разведчик вынужден стрелять, это означает, что он провалился и с боем уходит со своей позиции. И вот описывается именно это, а не то, как разведчик — без стрельбы! — осуществляет свое умное дело.

Именно в этот период разведчик, на мой взгляд, ценнейший и редчайший объект для наблюдения художника. Ведь в работе разведчика основа совсем не детективная. Один человек живет одновременно двумя жизнями: своей и той, которая определена ему «легендой». И каждая жизнь требует от него предельного напряжения ума, нервов, всех его физических и духовных сил. Когда ты даже внешний мир видишь одними глазами, а воспринимаешь двояко: как советский человек, коммунист, разведчик... и — как тот человек, из «легенды». И нельзя тебе сегодня жить жизнью одного, а завтра — другого. Два человека в тебе — каждую минуту, а ты должен быть один в двух лицах.

А между тем — какие острейшие нравственные конфликты могут возникать между этими двумя, живущими в тебе! Это — психофизическое состояние, владение им определяет силу разведчика. Но чаще всего именно это оказывается за пределами многих художественных произведений. Раскрыть это, и раскрыть так, чтобы стало интересно и поучительно, конечно, нелегко. Для этого надо быть художником... Мне скажут: вы правы, но мы-то создаем детективы, которые строятся по своим законам. Не знаю, не знаю... Меня тревожит, что в статьях о книгах про разведчиков все чаще мелькает это это словечко — «детектив» — и употребляется оно совсем не в критическом или ироническом аспектах, а вполне всерьез, как довод, объяснение и даже как оправдание явно плохому».

Так говорил Р. И. Абель. Хочу прибавить, что я целиком с ним согласен.

Теперь отвечу на прямой вопрос тов. Хилова. Нет, я не отношу свои книги о разведчиках к жанру «детектива». И дело не только в том, что такого ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА действительно нет. Если же согласиться с Большой Советской Энциклопедией, что есть зарубежная «детективная» литература как «вид авантюрно-приключенческой литературы», то какое это имеет отношение к нашим книгам? Более того, на мой взгляд, не стоит относить к этому «виду» и книги А. Конан-Дойля, С. Моэма, У. Коллинза, Ж. Сименона и даже А. Кристи. Произведения перечисленных авторов — разная по уровню художественности, но все же ПРОЗА. Только этим и объясняется долголетие их успеха у читателей. Когда вы в третий раз беретесь читать А. Конан-Дойля, вы заранее знаете все сюжетные секреты. Значит, вас позвали к этой книге не содержащиеся в ней криминальные головоломки — вас позвало желание еще раз встретиться с созданными автором живыми образами великого сыщика Шерлока Холмса, его наивного друга доктора Ватсона, приносящих к жизни и быту Англии. Но вот книгу А. Кристи вы вряд ли возьмете даже второй раз — проза куда похуже...

Не отношу я к жанру «детектива» и книги, скажем, А. Адамова. Но-моему, это тоже проза. Герои А. Адамова — работники милиции, а фабула — борьба нашего общества с преступниками и преступностью. Писатель хорошо знает то, о чем пишет. От книги к книге он пишет все лучше, глубже и интереснее. Меня даже удивляет: сам он вроде бы примирился с тем, что его произведения относят к «детективу»...

Однажды мне пришлось выступать перед читателями вместе с автором книги «По тонкому льду» Г. Брянцевым. Писателем он стал в последний период своей славной жизни, а прежде был чекистом, разведчиком. Я знаю, как трудно он писал, с каким огромным чувством ответственности работал над каждой страницей. И он ничего не выдумывал, его книги — это его жизнь, его работа... Вступительное слово делала заведующая библиотекой. Дошла она до книги Брянцева, бегло их похвалила и, обернувшись к автору, сказала: «И все же я хочу отметить, товарищ Брянцев, что в ваших книгах закручено не так крепко, как в книгах...» — и она назвала имя одного популярного тогда автора. Вдруг сидевший в президиуме Брянцев — человек исключительно сдержанный, скромный — вскочил и буквально закричал: «Товарищи! Я ничего не закручивал! Я не умею этого делать! Я пишу только о том, что сам пережил! Извините, пожалуйста!» И, багровый, он сел, а в зале грянули аплодисменты.

Теперь постараюсь объяснить, что я имею в виду, говоря о документальной основе своих книг. Все мои последние работы — «Сатурн почти не видел», «Возмездие», «Ленинградская зима» и только что законченный роман «Две дороги» — рассказывают о подлинных событиях, имевших свое точно определенное время и место. Многие герои этих книг названы их подлинными именами.

Историю делают люди. Я стремлюсь рассказать об этих людях, об их работе и борьбе. Важным моментом является выбор события, а значит — и героев. Так, в свое время я должен был решить, писать ли мне об исполненной громадного риска судьбе советского разведчика, которому довелось одолеть невероятные ситуации, или же — поведать об операции наших чекистов против разведывательно-диверсионного гитлеровского центра «Сатурн». Первая история была очень соблазнительна, она позволяла написать документальную книгу, которую люди читали бы затаив дыхание. Но дело-то в том, что подвиг того разведчика объективно существовал как бы сам по себе и ему одному принадлежал. В этом вина была, конечно, не разведчика, а той невероятной ситуации, в какой он случайно оказался... Я выбрал «Сатурн», хотя в этой операции никаких захватывающих дух ситуаций не было. Но была тяжелая работа наших разведчиков, которые сорвали вражеский замысел — заслать в Москву банды диверсантов и террористов. В шеститомной Истории Великой Отечественной войны об этой операции — всего две строчки. Я написал о том же книгу, основанную на документах, в ней все правда. В ней — страница истории. В момент, когда история делалась моими героями.

В документальном романе «Возмездие» я рассказал не только о том, как был обезврежен один из опасных лидеров эсеровщины Б. Савинков, но и о том, что представляли собой эсеры и до чего они докатились, став наемниками контрреволюции. Описание операции против Савинкова в романе абсолютно документированное. Каждый диалог чекиста Федорова с Савинковым обоснован служебными отчетами Федорова об их встречах в Париже.

Но документально обосновывается не только это. Скажем, описываю я разговор в поезде по поводу отношений Савинкова с женой Деренталя. Это тоже не выдумано. Я располагал письмом Савинкова к его сестре, в котором он рассказывает о своей поездке из Варшавы в Париж вместе с Деренталем и состоявшемся между ними объяснении. Только имея это письмо, я позволил себе написать сцену в поезде.

Создание документальной основы книги требует очень длительной, но крайне интересной работы по поиску и сбору материала. Подготовка к «Возмездию» заняла почти два года. Но мне это время не кажется потерянным...

Что же касается предложения тов. Потаповой — «ограждать» читателей, как я понял, от остросюжетной, с элементами авторского домысла «детективной» литературы, — делать этого, по-моему, не надо. Вкус читательский у миллионов выработается. Но не следует также занимать позицию иных продавцов из книжных магазинов, стремящихся во что бы то ни стало «сбыть» продукцию, независимо от ее качества. Надо настойчиво и убедительно звать нашего читателя к лучшим книгам, независимо от жанра.

Василий АРДАМАТСКИЙ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Григорий БАКЛАНОВ

Михаил ДУДИН

Владимир ТЕНДРЯКОВ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

СРЕДИ КНИГ

ГЕРОЕМ СТАТЬ НЕ ПРОСТО

ЛЮБОИ ЛИ может стать героем, если понадобится? Лично я считаю — нет, не любой. Не так-то все просто. Где, в чем источник героического начала, определяющего в решительную минуту поступки человека? Проблема эта очень важна, она неизменно возникает, когда речь идет о формировании характера, о его проявлениях в тех особых обстоятельствах, которые требуют от человека полной отдачи всех сил. Она не только важна—она чрезвычайно сложна, эта проблема большого, нравственного значения. От нее нельзя отмахнуться, ее нельзя решить примитивно. Ее не обойти писателям-беллетристам, авторам книг, посвященных судьбам людей, совершивших подвиг в годы Отечественной войны.

Их немало — книг, призванных не только описать героическое деяние, но и проследить процесс воспитания характера героя. Этот материал неисчерпаем. Здесь важно, как написана та или иная книга, как и с каких позиций решает автор затронутые проблемы. В частности, проблему: любой ли способен стать героем, совершить подвиг...

В этом плане привлекает внимание новый роман Юлия Анненкова «Штурманок прокладывает курс», адресованный нашей молодежи. Герой романа Алеша Дорохов провел детство в городке Южнобутске. Такого географического названия, быть может, и не отыщешь на карте, но перед нами — типичный скромный провинциальный городок, населенный «обыкновенными», как принято говорить, советскими людьми, каждый из которых, естественно, не такой уж «обыкновенный»...

Много лет назад в Южнобутске произошло наводнение, грозившее гибелью жителям, в том числе и жене кузнеца Ивана, и ребятам, которых уносила льдина вниз по разбушевавшейся реке, и, вероятно, самому герою романа... Глазами Алеши Дорохова мы видим отца его, командира Красной Армии. Во весь опор мчится он на своем коне к берегу реки. «А следом, в пене, в мокром ледяном крошеве, в жарком храпе тяжелых артиллерийских лошадей, скакала вся отцовская 2-я батарея». Красноармейцы во главе с Алешиным отцом начали самоотверженную борьбу со стихией...

Это не только эпизод. Автор не случайно начинает роман с воспоминаний своего героя. Пример отцовской самоотверженности отразился на характере сына. И вскоре, что вполне логично, Алеша сам бросается в реку, чтобы принести на помощь девушке, к которой он неравнодушен.

В начале повествования приводятся слова Л. Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» Юлию Анненкову эта фраза нужна не сама по себе. Дело в том, что его герой — будущий моряк. Увлеченный романтикой моря, он увидел на Матросском бульваре каменное изваяние ладьи. Высоко в горячем воздухе плыла она из далеких прошедших лет. Лаконичная надпись гласила: «Казарскому. Потомству в пример».

Писатель показывает, как окружающая действительность и героическое прошлое воздействуют на юношу. Поэтому художественно подготовлены и оправданы раздумья героя романа: «И представлял себя на мостике корабля и уже оттуда видел исчезающий за кормой Севастополь. Мы шли по зову сердца, по велению долга в необъятный взрослый мир, где еще очень много несправедливого и злого... мы шли, чтобы навсегда истребить это зло...» Ведь именно с такими мыслями уходили сверстники Алеши Дорохова на Большую войну...

Алеша стал моряком. Первый морской десант в тыл врага, затем рейд на Констанцу и... гибель корабля, накрытого залпом береговых батарей. Плен, лагерь, побег, короткие дни свободы и снова лагерь, встречи с людьми большого жизненного опыта, сильного характера, глубокой убежденности. Все эти события, участие в них продолжают формировать характер Алеши. Автор избегает лобовых сентенций. Но писательское мастерство в том как раз и заключается, чтобы суметь направить мысли читателей без указующего перста и назидательности.

После побега из лагеря молодой моряк сталкивается с боевым разведчиком Степовым, который угадывает в Алеше черты прирожденного бойца разведки. И привлекает его к работе, которая становится военной профессией Алексея Дорохова.

Вторая часть книги, показывающая события в тылу врага, будит работы разведчика, более динамична, нежели первая. Автор рассказывает о разведке с большим тактом, без тех пречвелений, которыми изобилуют подчас иные книги аналогичного содержания.

Юлий Анненков сумел убедительно показать, как формируется характер человека, готового и способного в нужный момент совершить подвиг.

Юрий КОРОЛЬКОВ

ТАК БЫЛО...

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Герои сборника рассказов Михаила Скороходова «Портреты отцов» — люди, живущие сегодня. Но я не ошибусь, если скажу, что главная тема ее — война. И дело вовсе не в том, что большинство тех, о ком пишет Скороходов, служат или служили в армии — ведь многие их них еще очень молоды и войну знают только по книгам и воспоминаниям старших товарищей. Просто все, от давно ушедшие юные герои рассказов Скороходова, чувствуют неразрывную связь с героическим прошлым Советской Армии, преклоняются перед памятью павших.

...«Воспоминаний минные поля» — так назвала в одном из стихотворений память военного прошлого Людмила Татьянинчева. Словно мины, хранятся в глубинах памяти воинов, победивших фашизм, ждут своего часа эпизоды военной жизни. От этих эпизодов в настоящее тянутся связующие нити времени. Кто-то случайно задел эту ниточку, и — взрыв, вспышка памяти: герой заново переживает, переосмысливает былое. День сегодняшний оживается памятью вновь ожившего героического прошлого.

Казалось бы, мелкий бытовой факт — у героя рассказа «Библиотека Брошова» переполнен книжный шкаф. Жена предлагает избавиться от старой, истрепанной книги «Как закалялась сталь»—ведь уже «есть последнее издание...». Но для героя эта книга и тянется та самая связующая нить, уходящая в военные годы. Книга оттуда, как нашли бойцы эту книгу в разрушенной немцами школе, как разделили на главы, «чтобы все могли читать», как, нарочно, полевой почтой дописывали потерянные в боях страницы...

В книге М. Скороходова мы не найдем панорамных батальных сцен. Каждая новелла посвящена эпизоду военных будней. Но и в таких эпизодах писатель умеет показать в человеке те лучшие душевные качества, которые советские люди проявили в борьбе с фашизмом и благодаря которым была одержана великая победа.

Рассказы Скороходова посвящены не только прошлому и настоящему — они устремлены в будущее. Мы никогда не забудем о славных подвигах и горестных утратах во имя счастливого завтра, именно об этом говорится в рассказе «Зимой». В степи, где над братской могилой стоит памятник, постамент которого сложен из разрушенных немцами русских печей, в степи, где проходили кровопролитные бои, найдены залежи каменного угля. Запроектированный город будет разрастаться вокруг памятника. «Возможно, будущие поколения сочтут, что город пошел еще с того момента, когда фронтовики сложили постамент из разрушенных врагом русских печей», — размышляет автор.

М. Скороходов пишет о своих героях убежденно и убедительно. Однако в некоторых рассказах все же прорывается нарочитая приподнятость интонаций, прикрашивание персонажей. Это лишнее. Описываемые события настолько выразительны и красноречивы сами по себе, что не требуют дополнительных оценок. Истины, взыр в таких рассказах тоже становится неестественным, порой штампованным.

Но книга «Портреты отцов» привлекает прежде всего тем, что наждая новелла в ней еще раз напоминает о солдатах, трудом и жизнью которых была добыта победа.

А. ЯХОНТОВ

Юлий Анненков. «Штурманок прокладывает курс». Издательство «Детская литература». М. 1972.

Михаил Скороходов. «Портреты отцов». Ташкент. Узбекистан. М. 1973.

А. Абрамов. «Лирика и эпос Великой Отечественной войны». Издательство «Советский писатель». М. 1972.

МУЗА В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

БОЛЕЕ четверти века прошло с того времени, когда Советская Армия одержала блистательную победу над гитлеровским фашизмом. Историками и следопытами найдены сотни новых фактов, увековечены имена бесчисленных героев, по достоинству оценены крупные операции наших войск и бои местного значения. Искусство же все больше и глубже интересует философия великой войны: психология ее участников, характеры, взаимоотношения людей, ковавших победу, общественные и нравственные ее истоки.

Поэтому и пишутся новые книги о войне. И книги об этих книгах.

«Лирика и эпос Великой Отечественной войны» А. Абрамова далеко не первая в этом ряду, но, пожалуй, самая подробная и обстоятельная. Она задумана как обширная панорама поэзии военных лет. Критика интересуют хроники военных будней. Патетические стихи-воззвания. Стихи-очерки. Страницы исповедальной лирики, книги дневника. Баллады. Особо идет разговор о лирической и эпической поэме. О традициях и новаторстве, стилистических направлениях, диалектике национального и интернационального.

В книге А. Абрамова читатель найдет анализ того, что написано крупнейшими поэтами в годы войны: А. Твардовским, М. Исаковским, Н. Тихоновым, Н. Асеевым, П. Антокольским, И. Сельвинским, А. Сурковым, И. Уткиным, К. Симоновым, С. Шипачевым, О. Берггольц, В. Инбер, П. Шубиным... Конечно, перечень этот не исчерпывающ. В книге рассказывается о творчестве поэтов, погибших на войне. О поэзии антифашистского Сопротивления. И тут снова надо называть десятки имен, книг, стихотворений.

А. Абрамов не стремится написать серию портретов или некое собрание характеристик. Его интересует состояние поэтических жанров в годы войны, их идейное наполнение и действенная сила. Потому он вынужден обращаться по многу раз к творчеству одних и тех же поэтов. И чем шире творческий диапазон поэтов, тем чаще их имена возникают в книге.

Но с другой стороны, это обстоятельство как раз и усложняет ее чтение. Для тех, кому важны прежде всего лица и судьбы поэтов, а не тематическое их представительство в том или ином жанре, придется из каждой главы по частям извлекать сведения и характеристики. Наверное, стоило бы дать в книге А. Абрамова указатель имен и произведений.

Это тем более необходимо, что автор стремится дать широкую панораму поэзии Великой Отечественной войны. В отдельных конкретных поэтических фактах он ищет их обобщающий и высокий смысл.

Следует подчеркнуть, что масштабность, историчность мышления — одна из характерных примет стиля А. Абрамова. Другая характерная примета его стиля — эмоциональность, взволнованность, непосредственность, с которой он умеет передать читателю обаяние анализируемых стихов. Это особенно ярко выявляется на страницах, посвященных Твардовскому, Симонову, Уткину, Шубину.

Если и стоит упрекнуть автора, то, наверное, за то, что он мало сказал о поэтах, рожденных войной. Таких, как А. Недогонов, М. Луконин, С. Наровчатов, Б. Слуцкий, А. Межиров, Д. Самойлов, К. Ваншенкин, Е. Винокуров, М. Максимов... А ведь они внесли в военную тему много нового. В их стихах характер героя предстает не как данность, а как напряженная, нравственно-психологическое восхождение. Как судьба личности в пору великих общественных испытаний и потрясений.

Эта новая, уже после войны возобладавшая традиция помогает глубже оценить ее истоки в военной лирике и поэмах А. Твардовского, в поэзии П. Антокольского, понять пафос стихотворений Н. Асеева, опубликованных позже в книге «Самые мои стихи».

А. Абрамовым написана большая и интересная книга о лирике и эпосе Великой Отечественной войны. Но, конечно, еще и еще будут писать об этом — так богата и разнообразна поэзия тех памятных лет.

Адольф УРБАН

Иллюстрации художника Г. Новожилова к повести Е. Воробьева «Капля крови». Издательство «Художественная литература».

Иллюстрации художника А. Зайцева к роману П. Проскурина «Судьба». Издательство «Советский писатель».

«СОТВОРИТЬ УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР...»

Микола АРОЧКО

ЕСТЬ среди новых стихов Максима Танка интересное признание: «Теперь я подхожу к заветной цели. Она понятна — сотворенье мира» (здесь и далее переводы Я. Хелемского). А в другом месте — та же эмоционально повторяющая мечта: «сотворить удивительный мир...» В этих словах — мир танковской поэзии, мир действительности, сотворение которого началось для него свыше сорока лет назад в революционной борьбе западнобелорусского подполья. С того времени муза Танка, говоря его словами, претерпела «тектонические сдвиги», неожиданно открывались нам то одной, то другой качественно обогащенной гранью. Два недавно вышедших новых сборника — «Хай будзе святло» (Минск), «Нарочанские сосны» (Москва),— на мой взгляд, дают основание говорить о важных уроках творчества крупного советского поэта.

Если, скажем, десяток лет назад эстетические программы провозглашались им зачастую в плане страстной публицистики и многие его стихи оставляли впечатление вулканов, в которых клокочет «расплавленная лава песни», то в последнее время безудержные подспудные силы той же «лавы» все чаще пробиваются наружу как бы из-под земли — из подтекста, из многозначительности, весомости замысла. Концентральность начала искать более углубленные, опосредованные формы выражения. Гражданская и эстетическая позиция сегодняшнего Танка насквозь просвечивается в остроумно-лаконичной миниатюре «Маска»:

В музее маска поэта,
Окаменелая,
Равнодушная ко всему.
Разбейте ее
Или хотя бы уберите.
Нужно вам не понятно,
Что если б он был таким,
Наверняка еще жил бы!

Да, настоящий художник не может быть равнодушным регистратором. Поэзия требует горения, страстной самоотдачи, мужества. Без этих притягательных качеств разве было бы возможно сотворение удивительного мира?

М. Танк наделен исключительным даром поэтического видения—от его прикосновения, словно под рукой мифического царя Мидаса, все превращается в песню — земля, трава, огонь... Но замечу: способность эта нисколько не умаляет социального обращения к большим земным тревогам и делам.

Вот одно из новых его стихотворений — «Несостоявшееся путешествие». Поэту позволили: есть место на космическом корабле, но неотложные дела на Земле не отпустили его.

Мне, хоть я
не присутствовал
При сотворении мира,
Не хотелось бы стать
сотворителем
Его заключительных дней
И горестно исповедаться
Перед могилами
И наяться в том,
Что в решающую минуту
Меня не было
На главном участке фронта.

М. Танк поражает нас страстной обеспокоенностью человека, глазам которого открываются все новые жгучие проблемы века.

Но Земля в ее глобальном масштабе неотделима от земли, взрастившей поэта, заполняющей каждый его день, каждое мгновение запахом свежей борозды и голубизной теплого вереска, певучестью родного языка и щедростью молодых всходов. Гражданская лирика сегодняшнего Танка — это своеобразная, полная любви и тревог «переписка» с землей.

Каким глубоким смыслом наполняются метафорические строки о «снятии лемехов, перед зеркалами которых охраняются лелеют! Земля «охраняется»! Когда-то ей, измученной, усталой, словно матери в беспросветном труде, было не до «зеркал» — да и не было их тогда, этих «зеркал», такого удивительного свойства — отражать оновленный облик земли и человека.

«Лемехи» поэзии Танка берут глубоко — они входят в историю родной земли, и тогда «плуг может низвлечь из почвы замшелый валун или гром позабытой мины». Поэт с достоинством говорит о своей «мужицкой династии», глубоко укоренившейся на этой земле «Ее строки начертаны головешками сожженных помещичьих имений, стиснутыми кулаками...»

Палачи вырывали не раз
Страницы из этой летописи,
Перечеркивали историю
рода
Плетьми и штыками,
Но строки ее,
Словно кровь сквозь бинты,
Проступают сквозь
борозды пашни,
Сквозь мои бессонные
песни.

В этой летописи много пережитого, личного, выясненного поэтом из борьбы. Может, потому все, что родилось и выросло на земле, —нарочанские сосны («стане валить... ваш топор будет в зазубринах от пуль»), и хаты, в которые «ломились все войны, все бури века», и щедрые на душевное тепло, трудолюбивые, гостеприимные люди, которые никогда не считали «розданных друзьям ржаных лоптей», — все для поэта кровно родное, священное, это один из живительных истоков моральной чистоты, внутренней собранности, по-народному мудрой широты мироощущения.

Хочется привести в белорусском звучании одну очень колоритную, богатую на ассоциации строку: «Дарога, заваляная жытам» («дорога, убаюканная колыханьем хлебов»). Раскрывая секрет, скажу: М. Танк не случайно приберегает ее для заглавия новой книги стихов — ведь это дорога, которая не только «колыхалась», растила его, выводила на путь борьбы; это дорога, которая и сейчас связывает широкий мир поэта с отчей землей; она стала его судьбой, жизнью, вечностью. Поэтому так неразрывно связано творчество Танка и с общественным бытием человека, и с его отношением к природе.

Лирика поэта учит удивляться таинству и чуду жизни, учит полноте ощущения всего прекрасного в мире. Разве не поражает мудрым предостережением такая, например, пастораль: «Деревья умирают, когда перестают различать времена года... Человек погибает, когда лишается дара удивляться всему живому...»?

В поэтическом восприятии природы М. Танк всегда оставляет место для образных ассоциаций. Читая стихотворение «Летний дождь», будто дышишь животворной свежестью грозы:

Хлынет ливень
или пройдет стороной?
Он бы нас не задел,
пожалуй,
Но ансты, вылетевшие
из гнезд,
И ласточки,
в небе снующие низко,
И чибис,
взмывшие над лозняком,
Неосторожно присели
на кромку
Тучи, которая,
словно корыто,
Вдруг накренилась
и нас накрыла
Гремящим ливнем...

Сбивать цветы, топтать травы, всюду оставлять следы своей «встречи» с природой — может, в этом упоение красотой природы, ощущение полноты жизни? Нет, у Танка познание красоты идет на грани соприкосновения: замирая в восхищении, поэт даже не решается ступать по этой рассветной земле в цвету — «по устам ее певучих трав, по былинкам, влажным, как ресницы»...

Для поэта естественное состояние — слиться с душой природы, раствориться в ней («я слился с вереском, с мохом, с игольчатой осыпью») и подслушивать фантастически удивительные вещи, «занятные сказки о людях, которыми звери и птицы развлекают своих детей». Раздумья поэта о кровном родстве человека с миром природы неизменно озарены жизнеутверждающей философской мыслью, связаны с острыми социальными и нравственными проблемами века.

М. Танк—в высшей мере современный поэт. Даже в своей данной приверженности к образам античности и Возрождения он остается верен современности. В миниатюрах «Микеланджело», «Однажды с Данте...» впечатляет поворот мысли:

Однажды с Данте
и спустился в ад.
Прошли мы по спиралям
преисподней.
Был мой великий спутник
потрясен:
Ведь с той поры,
когда впервые он
Спустился в царство
горестных теней,
Прибавилось в аду
немало новых,
Неведомых ему кругов...

В фактуру стихов часто вкрапливаются, оживая, предания, легенды, притчи — причем поэт не только пересказывает бытующие, а нередко сам рождает их удивительной подвижностью своей фантазии («Готика Святой Анны», «В Татрах»). Многие стихи Танка напоминают мудрые народные притчи, из которых извлекается автором предельно актуальная мысль. Вот полушуточная «Полуказка» про то, как решил Полудед объехать Злобеду («Запряг полугнедого в полутелегу-полусани. Надел полушубок...» и т. д.). Но вынужден был возвратиться с полдороги. Почему? Невольно присматриваешься к этому «полу») — не в нем ли причина? Чтобы объехать Злобеду — разве можно брать в попутчицы половинчатость?..

Многое вмещает в себя понятие «мир танковской поэзии». Сколько тут подлинных ценностей, сколько материала для раздумий над новаторскими путями высокого искусства и, в частности, творчества самого поэта!

Взять, к примеру, свободный стих. Почему Танк вновь обратился к нему? Ведь известно, что когда-то он еще молодой поэт-революционер, начал именно с верлибра, но потом отошел от него, как будто для того, чтобы овладеть гармонией «дисциплинированной» строки. В чем же дело? «Я мог бы еще долго писать так, как пишу, но я перестал бы быть интересен сам себе» — эта дневниковая запись, конечно, многое объясняет. Поэт неустанно испытывает новые формы художественного вторжения в жизнь, в том числе — и в возможности верлибра. Но это ничего общего не имеет с модой: у Танка мы видим прежде всего углубленную психологизацию свободного стиха. Вступая в сложные ассоциативные связи, слова группируются в такие образные структуры, из которых добывается максимум духовно-эмоционального смысла («Партизанская школа», «Всю жизнь я собираю голоса Вселенной...»).

Каждый новый этап творчества Танка, каждая его новая книга, как говорит поэт устами Скорины, «...своим существованьем порождает другую, ту, что к правде чуть поближе». Встреча с его стихами «заряжает» читателя душевной стойкостью, нравственным опытом. На широком магистральном направлении гражданственности и гуманизма советской поэзии Максим Танк неустанно ведет битву за каждый росток духовной красоты в человеке, которому принадлежит будущее.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Ф. Ф. КНОРРЕ — 70 лет

Исполнилось 70 лет Федору Федоровичу Кнорре. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

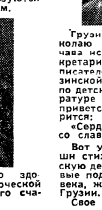
«Примите наши добрые пожелания в знаменательный для Вас день 70-летия со дня рождения и 40-летия литературно-творческой деятельности.

Кинодраматург, драматург и прозаик, плодотворно работающий и для детского и юношеского читателя, Вы завоевали широкий круг читателей и зрителей. Ваши повести и рассказы пользуются неизменным признанием.

Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет творческой деятельности и личного счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Н. В. ЧАЧАВА — 70 лет



Грузинскому писателю Николаю Владимировичу Чачаве исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по грузинской литературе и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

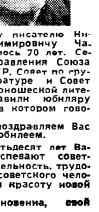
«Сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем.

Вот уже пятьдесят лет Ваши стихи воспевают советскую действительность, трудовые подвиги советского человека, жизнь и красоту новой Грузии.

Свое вдохновение, свой творческий труд Вы отдаете благородному делу развития литературы, предназначенной для юного поколения новой страны. Благодаря Вам грузинская детвора познакомилась с прекрасным произведением А. Гайдара «Тимур и его команда». Вы возглавляете Комиссию по детской и юношеской литературе Союза писателей Грузии. Благодаря Вашей энергии и старанию молодое поколение знакомится с лучшими произведениями писателей многих стран и народов.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих свершений».

Б. И. МЕЙЛЕРУ — 60 лет



Исполнилось 60 лет Борису Израйлевичу Мейлеру. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского еврейского писателя, с шестидесятилетием.

В Ваших повестях, рассказах и драматических произведениях воссозданы запоминающиеся образы наших современников — борцов за построение социалистического общества, защитников Отечества, тружеников полей и промышленных предприятий. Ваши прозаические книги «Смена за сменой», «Золото», «Ясность», пьесы «С неба ничего не падает», «Дыхание моей любимой», посвященные жизни трудящихся Еврейской автономной области, получили признание широкого круга читателей. Свою творческую работу вы постоянно сочетаете с активной общественной деятельностью.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов».

А. В. СЕКОЯН — 50 лет

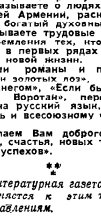
Писательнице Анне Вагаршаковне Секоян исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Искренне рады приветствовать Вас и от души поздравить с днем пятидесятилетия со дня рождения.

Мы знаем и ценим Вас как одного из известных армянских прозаиков, посвятивших свое творчество, весь свой талант современной теме. За сравнительно короткое время Вы завоевали признание и заслуженное уважение читателей своими романами и повестями, в которых увлеченно рассказываете о людях сегодняшней Армении, раскрываете их богатый духовный мир, показываете трудовые успехи и стремления тех, что находится в первых рядах строителей новой жизни.

Ваши романы и повести «Среди золотых поэз», «Весна под снегом», «Если бы заговорил Воротан», переведенные на русский язык, полюбились и всесоюзному читателю.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов».



***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

«ПОЧЕМУ-ТО ГРУСТНО КОШКЕ...»

ПЕСНЯ... ЧТО РАДУЕТ И ЧТО ОГОРЧАЕТ СЕГОДНЯ В ЭТОМ МАССОВОМ И ПОПУЛЯРНОМ ЖАНРЕ, В РАЗВИТИИ КОТОРОГО УЧАСТВУЮТ КОМПОЗИТОРЫ, ПОЭТЫ, ПЕВЦЫ... РАЗГОВОР О СОВРЕМЕННОЙ ПЕСНЕ НАЧИНАЕТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК.

ПОГОВОРИМ о песне. «Нам песня строить и жить помогает». Эти слова В. И. Лебедева-Кумача, положенные на музыку И. Дунаевским, прозвучали в годы первых пятилеток. Энтузиазм строителей нового мира находил яркое эмоциональное выражение в песне. Сколько силы, здоровья, молодости и жажды действия несет в себе «Песня о встречном» Бориса Корнилова, музыку к которой написал Дмитрий Шостакович!

Не зря Михаил Исаковский, один из самых блистательных поэтов-песенников, заметил как-то, что в 30-е годы появление некоторых новых песен становилось своего рода событием. Да, это было время расцвета советской массовой песни, которая теперь уже имеет свою славную историю. И в этой истории Исаковскому принадлежит особое место.

Исаковский создал десятки песен, которые можно оценивать по строгим эстетическим мерам именно как стихи. Он создал свою поэтику песни, опирающуюся на народнопоэтическую традицию, развивающую и обогащающую ее. И он же страстно отстаивал и отстаивает чистоту и благородство, поэтическую ценность песен от «набегов» людей бесталанных, резко обрушивается на ремесленные поделки, выдаваемые за песни, скрывающие пустоту содержания и эстетическую беспомощность «под музыкой».

Поэтическая культура песни, естественно, не стоит на месте. Да и как ей не развиваться, не обогащаться идейно и эстетически, если песня получает все более широкое распространение, если новую удалую песню радио и телевидение, пластинки и магнитофонные записи почти мгновенно делают достоянием миллионов людей и если эти миллионы любят хорошую песню, поют ее в праздничном застолье и в воскресной электричке, и в отдаленном уголке парка, и в минуты грусти, печали, веселья, а иногда и за работой, коли песня создает подходящее настроение.

Лучшие советские песни — как вехи на историческом пути народа и государства: каждая отражала время, его существенные черты. От старых людей на севере я слыхал поговорку: песня да вздох — неразлучные сестры. Так оно и было. Печаль, тоска — вот наиболее характерные состояния, которые нашли выражение в протяжных северных народных песнях.

Многообразие состояний, чувств, переживаний — вот особенность современной песни. Но наследует и развивает она все лучшее, что создано в этой области народом, ибо — в совокупности — народная песня полифонична, в ней есть запевы множества мелодий.

Огромный интерес к песне, ее популярность в народе вызвали уже литературу о песне. Кроме известных выступлений М. Исаковского, о песенном творчестве писали Е. Долматовский, Л. Ошанин, К. Ваншенкин — поэты, которые сами создали немало замечательных произведений этого жанра. Но текущая литературная критика в большом долгу перед поэтами-песенниками.

МАТЕРИАЛ для серьезного критического разбора есть. Сборники эстрадных песен издаются в огромном количестве, и спрос на них все растет.

Количественно песенный репертуар производит внушительное впечатление. Поэты и композиторы стараются не отстать от времени и максимально удовлетворить потребность народа в массовой песне. И в их совместных творческих усилиях рождаются хорошие песни, доставляющие нам истинное наслаждение.

Но с другой стороны, рядом появляются вещи, которые не могут не настораживать и о которых, на мой взгляд, стоит поговорить подробнее.

Известно, что далеко не всегда, слушая песню, человек оценивает тонкости поэтического текста. А не вдумываясь в содержание, не придавая ему значения, и сам напевает какие-нибудь «Ландыши». А если забылись эти самые «Ландыши», то всегда найдется им заменитель, что-нибудь вроде: «Ромашки спрятались, поникли лютики, когда застыла я от горьких слов...»

Не будем вторгаться в сопредельную область — музыку, но если, хотя бы выборочно, окинуть критическим взглядом печатную песенную продукцию...

Профессиональный слух, конечно, улавливает эстетическую фальшь и пустословие в песнях, исполняемых с эстрады или по радио, но, честно говоря, знакомство с печатными текстами повергает в уныние. Как мало хороших, поэтически выразительных песен и как много безликих стереотипов, пошловатых шлягеров, холодных речитативов, имитирующих подлинно высокие чувства!

Самые сложные для разбора — песни туристские, праздничные, патетические. Слова в этих песнях настолько «правильные», что их можно переносить в газетную передовицу (а может быть, они оттуда и заимствованы?). И мысли выражены дорогие нам, верные. Но не мало ли этого для песни?

Вот начало песни на слова С. Бенке, которую рекомендуется исполнить «в светлом настроении. Неторопливо»:

От Курильской гряды
до Балтийского моря,
От полярных снегов
и до южных широт
Весь советский народ
на бескрайних просторах,
Как большая семья,
в братской дружбе живет.

Повторяю: здесь все верно — и про «бескрайние просторы», и про «большую семью». Нет только поэзии, свежести. Образный ряд разнороден, «бескрайние просторы» разъясняют то, что и так ясно из двух первых строк, сравнение в последней строке натянутое, ибо семейные отношения характеризуют нечто иное, чем братская дружба: в большой семье представлены разные поколения и разные родственные связи, не только братские и сестринские.

Но даже не это главное. Главное то, что автор и не попытался найти какой-то свежий образ, чтобы отразить в песне великое завоевание социализма — союз братских народов Советской страны.

Или вот такая милая пустопорожняя импровизация, вроде песни О. Левицкого «Над Уралом радуга-дуга»:

Над Уралом радуга-дуга
Кружевной каймою залегла,
Будто в небе перекинул ты
Самые широкие мосты.

Если, следуя капризному воображению автора, радугу еще можно представить «кружевной каймою», то одновременно с этим — представить ее еще и «широкими мостами» уже довольно затруднительно.

Творческая фантазия влечет О. Левицкого все дальше и дальше, «через горы и леса», через реки... Стоп! «Вьется через горы и леса не река, а девичья коса». Но и этого мало: «То не зорька в небе занялась, огненная тройка пронеслась». Про радугу-дугу автор уже забыл, на крыльях вдохновенной импровизации он несется вперед, отметая грубую реальность во имя красивого вымысла:

Не поверю я никогда,
Будто есть уральская гряда.
Это на земле твой, Урал,
Молодец уставший
задремал.

Не знаю, как звучит эта песня (к тому же мы решили не вторгаться в сферу музыки), но читать ее невозможно, не испытывая при этом чувства неловкости. В прибеле, кстати, сказано о том, что уже много «песен об Урале спето». Верно. Многие из них поются сейчас. Но вряд ли обогатит «уральский» репертуар песня О. Левицкого, особенность которой — в полном пренебрежении к смыслу.

Довольно распространенный вариант эстрадного сочинительства — песни о песне. Здесь, пожалуй, легче всего составить из готовых блоков нечто цельное. Вот, пожалуйста:

Разметалось поле
Без конца и края,
Рожь в рассветных росах
Дали открывает.
А ветра накрыли
Золотое море,
И летит на крыльях
Песня на просторе.
ПРИПЕВ:
Песня, моя песня,
Ты лети, как птица,
В голубую небыль,
Солнцу на ресницы.
Песня, моя песня,
Радость ты умножишь,
И, как добрый вестник,
Ты любви поможешь.

Можно не продолжать? Поверьте, сочинение П. Леонидова «Песня, моя песня» целиком выдержано в таком же стиле. Песенные блоки видны тут невооруженным глазом: поле «без конца и края», «золотое море» ржи, песня, летящая «на крыльях» и «на просторе» и «как птица», песня, как «добрый вестник» и помощник в любви... все это достаточно обкатанные и — после их первооткрытия — проверенные на выносливость и беспроигрышность образы. Теперь их уместно **называть штампами.**

Есть в приведенных выше стихах П. Леонидова и открытие. Не будем останавливаться на в высшей степени оригинальном противопоставлении ржи, почему-то «открывающей» дали ветрам, как то укутывающимся «накрыть» «золотое море». У каждого лишь на «голубую небыль», столь остроумно заменяющую голубое небо, и на солнечные «ресницы» — куда, не без самоуверенности, адресует свою песню автор.

О том, как легко, без особых, видимо, душевных затрат составляются песенные конструкции из готовых деталей (как в детской игре), свидетельствуют довольно многочисленные примеры. Возьмем еще один:

В праздничном наряде
все улицы Москвы,
Звонкие припевки
поют гонцы весны.
Пришел на радость людям
веселый месяц май.
Спеши к нему навстречу,
навстречу, навстречу
И радостной улыбкой
его встречая!

Ветром быстрокрылым
к нам в гости прилетел.
Старый клен у дома
опять зазеленел.
Такой уж он волшебник,
весенний месяц май!
Спеши к нему навстречу...

и т. д.

Текст этой песни сочинил М. Семенов. Не буду специально выписывать заимствованные песенные образы и детали, обращу лишь внимание на то, какой свежестью веет от повторения особо понравившихся самому автору (и, видимо, композитору?) слов и словоблоков. «Веселый месяц май» — как, к удовольствию исполнителя и слушателя, не повторить этот весенней свежести поэтический образ! Или энергичное: «навстречу, навстречу, навстречу»!

Одна только загадка в этой песне не дает покоя: кого это М. Семенов имеет в виду под «гонцами весны», поющими «звонкие припевки»? Уж не эстрадных ли певцов, исполняющих его песни? Засекречено также, кто «ветром быстрокрылым к нам в гости прилетел». То ли это «веселый месяц май», то ли «старый клен», зазеленевший у дома. Но, может быть, именно загадочность является новацией в поэтике такого рода песен?..

ЛОВОЛЬНО быстро плодятся стилизации под народные песни — игровые, хороводные, любовные, но это настолько специфическая и обширная область песенного творчества, что она заслуживает специального обсуждения. А если все же для примера взять несколько последних песен на традиционную тему о деревенских вечеринках, то обнаружится редкостное однообразие выразительных средств и реквизита. Поэзия невечерний, застывший в постоянстве: синее небо, месяц, звезды. Варианты: «В чистом небе звезды вечером затевают хоровод» (В. Суслов); «Над домом после заката месяц рогатый звезды скликает со всех сторон...» (А. Горохов) и т. д. Реквизит: балалайка, гармошка (бали), платочек (косынка).

Мне могут возразить, что, мол, так оно и в жизни, что все это не выдумано. Но разве только в этом дело? Ежже в перечислении внешних атрибутов есть поэзия? У Исаковского тоже гармонь. Одинокая гармонь. Но проследите за ней:

То пойдет на поля,
за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в
потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Гармонь — а видишь парня, тоскующего, неприкаянного, и слышишь, как эта тоска выливается в мелодии... И пейзаж ощущаешь: «Веет с поля ночная прохлада, с яблонь цветет облетает густой...» Тут все есть: свежий поэтический образ, настроение, естественность поэтической речи и интонации. Тут есть поэзия, независимо от музыки. Нам же иногда приходится встречаться с музыкой, не зависимой от... чуть было не сказал «от поэзии», а ведь точнее сказать — от текста.

Развязность, пошловатость, безвкусица некоторых песен, видимо, не смущают редакторов репертуарных сборников. Зачарованные мелодией, они под маркой «Советского композитора», «Музыки» и других издательств печатают то, что, я думаю, решительно отвергли бы «Советский писатель» или «Современник».

В самом деле! Могли ли появиться в серьезном издательстве такие строки того же П. Леонидова:

Если ты и он вдвоем —
Одно целое.
Вот тогда ты можешь шить
Платье белое.

Какой неловкостью, каким вульгарным огрублением темы оборачивается здесь попытка «пощутить»...

В песне В. Харитонова «Обещала не прощать» девушка следующим образом собирается «отомстить» своему возлюбленному за то, что он опаздывал на свидания:

Подберу (!) такой я вечер —
Будет сыро и темно —
Позову его на встречу,
Позову его на встречу,
А сама, а сама пойду
в кино!

Должно быть, автор тоже рассчитывал здесь на эффект шутки, но — боже мой! — до чего же она неизящна!

Кочующие из песни в песню образы, штампованные словоблоки, естественно, обедняют поэтику песни. Понятно, что песня — жанр специфический, сюжетная и метафорическая усложненность ей противопоказана. Но ведь и простота бывает разная. Нельзя же путать высокую простоту искусства с простотою, не причастной к искусству. Между тем нечто простое, как мычание, но не имеющее отношения к поэзии, то и дело выдается за песню. То, что не имеет никаких шансов в искусстве слова, широко тиражируется вместе с музыкой, под прикрытием музыки.

Удручающее однообразие приемов говорит о том, сколь легко сочинить текст расхожей песни, этакий песенный «суррогат». Маяковский в свое время зло и едко высмеивал стихотворное варево «из любвей и соловьев», но ведь и в наши дни не так уж сложно обнаружить лирическую похлебку — ну пусть не из «любвей и соловьев», так из других столь же часто употребляемых компонентов. Например, из моря, ветра, облаков, если надо спеснить с возлюбленным (или возлюбленной). Конечно, моря — синего, голубого, ветра — быстрокрылого, облаков — белых.

У В. Семернина в песне «белые облака» плывут ва-юг и именно им поручается донести песню поэта до возлюбленной («Пусть до тебя эту песню мою донесут облака, облака»). На это же надеется и А. Дербенев в песне «Если не вспоминишь меня» из кинофильма «Седьмое небо»:

А облака плывут, плывут,
не падают (?)
Над каждым днем (!)
плывут, над ночью (!)
каждою.
И глаз твоих коснутся
тенью слабою,
Чтоб обо мне ты
вспомнила однажды.

Песни-близнецы, песни-двойники вызывают озорное желание сделать из двух или трех одну, и такая процедура вполне удается. Может быть, только где-то лишний раз повторить «облака, облака» или «плывут, плывут». Но кто заметит это, если подобные повторы в песнях стали обычным приемом для заполнения пустот!

Впрочем, иной песенник нет-нет да и поразит читателя (слушателя) броской образностью.

Такой, например: «друг другу навстречу летят листья, как наши сердца». Это строки из текста Л. Дербенева. Какова метафора! Сердца летают! Наверное, как летающие тарелки, не иначе!

Или вот, в другой песне можно прочитать (услышать), «как за стеклами осенними листают люди сны глазами сонными». Так прямо и сказал А. Горохов, что его герои не просто «листают... глазами», но именно — «сонными» листают. И не что-нибудь листают, а «сны». Очень удачная вариация на знаменитую тему «масляного масла»!

А вот в каких словах выражена тоска любви в песне, которая называется «Без тебя». Текст Е. Федоровой:

Сохнет кактус на окошке
Без тебя.
Почему-то грустно кошке
Без тебя.

Грустно кошке. Грустно и нам. Но уже не от любви — от таких вот песен.

Ал. МИХАЙЛОВ

ЧТО СТОИТ ЗА ПСЕВДОНИМОМ?

ПИСЬМО: В РЕДАКЦИЮ

КАК ТО я разговорился с одним итальянцем о русской литературе. Он воодушевился, когда мы упомянули имя Горького.

— Массимо Горки! Его в Италии все знают. Ведь он прожил у нас немало лет!

И гордясь своей эрудицией, мой собеседник добавил:

— На самом деле его звали Алексей Пешков, а Массимо Горки — псевдоним.

— Что он означает, вам известно?

— О да! Имя он принял в честь отца, которого звали Массимо.

— А фамилия?

— Горки? Это множественное число от «горка», маленькая гора. В России много деревень называются Горки. Ленин умер в Горках, теперь это Горки Ленинские. Вероятно, ваш великий писатель родился в деревне Горки и в честь ее принял такую фамилию...

Мой собеседник очень удивился, когда я объяснил ему, что означает слово «горький» и какая глубокая символика скрыта в литературном имени автора «Песни о Буревестнике».

— Выходит, надо называть его у нас Massimo Amaro?

Очень часто русские читатели находятся в том же положении, что и мой итальянец. Кому не знакомы имена великих поэтов Востока Фирдоуси, Низами, Навои, Хафиза, Хайяма, Саят-Новы? Но смысл их остается за семью замками. Лишь специалисты-востоковеды знают, что фирдоуси по-персидски — райский, навои по-узбекски — мелодичный, а Низами происходит от арабского корня «назм», означающего мерную речь, а также нанизывание жемчуга (аналогия с «нанизыванием слов» поэтом).

А кому из читателей известно, что по-арабски хафиз — знающий наизусть (коран), хайям — делающий шатры, саят-нова — царь песен или владыка музыки?

В справочниках и энциклопедиях, правда, упоминается: настоящие имя и фамилия — такие-то, известен под таким-то прозвищем, писал под таким-то псевдонимом. Но что этот псевдоним означает, почему он был принят автором — никогда не говорится. Между тем смысловые псевдонимы понятны лишь знающим родной язык автора; для всех прочих значение псевдонима — загадка, даже если автор популярен за пределами своей страны.

Приведем примеры из Краткой Литературной Энциклопедии, где можно прочитать:

«Сеспель, Мишши (Михаил Кузьмин Кузьмин) — чуваш. сов. поэт».

«Севак (псевд.; наст. фамилия Казарян), Паруйр — арм. сов. поэт».

«Нерис, Саломея (псевд.; наст. фамилия — Бачинскайте-Бучене)—литов. поэтесса».

«Мадарик, Юхан (псевд.; наст. имя — Иоханнес Лаурингстин) — эст. сов. писатель, публицист и гос. деятель».

Почему бы не добавить в скобках, что сеспель по-чувашски — подснежник; что севак по-армянски — черноглазый; что Нерис — литовское название реки Вилии; что литературное имя погибшего при обороне Таллина председателя СНК Эстонии Мадарик — производное от мадар — подмаренник, цветок, которым пестрят весной луга Прибалтики и из корней которого добывают яркокрасную краску?

Там же указано, что Сабир — псевдоним азербайджанского поэта Мирзы Алекперова Таирзаде; что Текки Одулок — псевдоним Н. И. Спиридонова, автора «Жизни Имтеургина-старшего», где впервые была описана жизнь народов нашего Крайнего Севера. Насколько больше эти литературные имена говорили бы читателям, если бы те знали, что по-азербайджански сабир — терпеливый (подразумевается — терпеливо сносивший притеснения царской цензуры), а текки одулок значит маленький юкагир.

Литературоведам, конечно, известно, какой смысл вложен в псевдонимы: Пласидо — кубинского поэта начала прошлого века Габриэля Вальдеса; Чаренц — выдающегося армянского поэта Егише Согомоняна; Яшен — узбекского писателя Камиля Нурмонова; Арайс — Августа Берце, прозванного «латышским Горьким» и расстрелянного белыми в 1921 г. Но сколько надо рядовому читателю рыться в словарях, пока он узнает, что пласидо по-испански — кротчий, чаренц — злой, неистовый, неукротимый (по-армянски), яшен по-узбекски — молния, арайс по-латышски—пахарь...

Встречаются и такие случаи, когда не только не указано значение псевдонима на русском языке, но даже не упомянута настоящая фамилия, которую он вытеснил.

Примеры из той же Краткой Литературной Энциклопедии:

«Варужан, Даниел — арм. поэт. (...) Пал жертвой турецких зверств в 1915 г.». Не сказано, что в жизни он был Чебукаряном, а варужан по-армянски — канарейка.

«Андалиб, Нурмухамед-Гариб — туркм. поэт, основоположник жанра дестанного эпоса в туркм. литературе». Не сказано, что андалиб по-туркменски — соловей: автор туркменского варианта поэмы «Лейли и Меджнун», живший в XVIII веке, был прозван так за звучность и напевность его стихов.

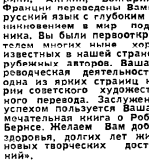
Так читатели лишаются информации, имеющей существенное значение. Ведь у многих литературных имен емкий смысл, они дают подчас представление то о наружности автора: Кер-Молла (туркм.) — слепой, Кепчеголл (туркм.) — борода лопатой; то о его общественном положении: Бичаре (туркм.) — бедняк, Хан-гызы (азерб.) — ханская дочь; то о его характере: Махзуна (узб.) — печальная, Мюшфик (азерб.) — добрый.

Целесообразно во всех случаях, когда упоминается смысловой иноязычный псевдоним или прозвище, давать в скобках его перевод на русский. А может быть, следует издать семантический словарь псевдонимов, хотя бы писателей многонационального Советского Союза?

Валентин ДМИТРИЕВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Р. Я. РАЙТ-КОВАЛЕВОЙ — 75 лет

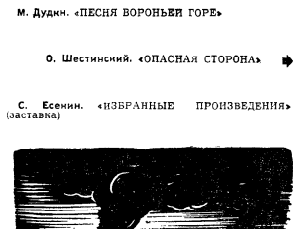


Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по художественному переводу в связи с семидесятипятилетием Раисы Яковлевны Райт-Ковалевой направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится: «Сердечно поздравляем Вас, одного из видных мастеров художественного перевода, с днем рождения. Лучшие произведения классической и современной литературы Америки, Англии, Болгарии и Франции переведены Вами на русский язык с глубоким проникновением в мир подлинника. Вы были первооткрывателем многих ныне хорошо известных в нашей стране зарубежных авторов. Ваша переводческая деятельность — одна из ярких страниц истории советского художественного перевода. Заслуженным успехом пользуется Ваша замечательная книга о Роберте Бернсе. Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих достижений».

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету сердечно поблагодарить всех друзей и организации, которые поздравили меня с пятидесятилетием и с высокой правительственной наградой.

П. ДАРИЕНКО



М. Дудин. «ПЕСНЯ ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ»

В. Боков. «ЗАСТРУГИ» (заставка)

Ю. Стволинский. «ЧИСТОЕ ЗОЛОТО»

О. Шестинский. «ОПАСНАЯ СТОРОНА»

С. Есенин. «ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ» (заставка)

СТУДИЯ ГРАФИКИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ АНДРЕЯ УШИНА

Сегодня мы представляем читателям творчество ленинградского графика, заслуженного художника РСФСР Андрея Ушина. Десятки книг оформил мастер линогравюры: произведения классиков, поэтические сборники, романы и повести, посвященные рабочей теме, Великой Отечественной войне.

Я. БАРКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ имени А. М. ГОРЬКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ

В ОЧНУЮ АСПИРАНТУРУ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:
русская литература,
литература народов СССР,
зарубежная литература,
теория литературы;

В ЗАОЧНУЮ АСПИРАНТУРУ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:
советская литература,
теория литературы.

Принимаются лица, имеющие рекомендации республиканских писательских организаций.

Заявления с приложением соответствующих документов и рефераты принимаются до 1 октября с. г.

Конкурсные экзамены проводятся с 11 по 20 ноября.

За справками обращаться по адресу: 103104 Москва, Тверской бульвар, 25.

Петр САЖИН

ОХОТНИКИ ЗА МИНАМИ

— Рассказ, предлагаемый читателям, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» писатель Петр Сажин, — взят из второй книги «Севастопольской хроники», законченной мною недавно. «Севастопольская хроника» — это повесть документальная. Чисто литературно, то есть за письменным столом, я работаю над ней с 1967 года. Но все предыдущие годы, прошедшие с Великой Отечественной войны, я так или иначе был ею занят, не раз обдумывал ее, мысленно возвращался к событиям тех лет. Бесконечные бои, дымы сражений... В одних случаях я был участником, в других — свидетелем. Со временем сложился как бы лирический герой книги, от лица которого ведется повествование. Перед его глазами разворачиваются события кровавой, напряженной, полной мужества борьбы с фашистскими захватчиками.

Вторая книга «Севастопольской хроники» будет напечатана в ближайших номерах журнала «Москва».

МИННАЯ война была очень сложным делом на морских театрах. В принципе этой войны страшны не столько сама взрывная сила мины и ее последствия, сколько тайна, которая окутывает эту силу.

Обнаруженная мина, как правило, обезвреживается, а вот та, что скрыта под водой, — патентованная союзница трагедий.

В схватке с минами первые успехи выпали на долю краснофлотца Максима Хореца, водолаза, служившего в бригаде торпедных катеров, базировавшейся в Очакове.

Когда на фарватере подорвался шедший из Николаева буксир, Хорец, как и все моряки-черноморцы, еще не вошедшие в прямое, личное соприкосновение с врагом, но жаждавшие подвига, придумал план борьбы с фашистскими минами.

Командиру бригады план водолаза понравился, он связался с минными специалистами и после обстоятельной консультации дал «добро».

Хорец вышел в море.

Пока водолазный бот качался на волне, он бродил по дну, искал мины. Свои находки «засекал». Затем требовал спустить пеньковый трос, стропил их, давал команду наверх.

Рыбачьи суденышки с деревянными корпусами осторожно, самым малым ходом «выбирали слабину», то есть натягивали трос и затем волокли «полуторатонную смерть» подальше от населенных пунктов и бойких морских дорог — тут взрывы мины истречивались с громадным шумом.

Первую Хорец стропил с похожей на нежность осторожностью, вторую — с нарождавшейся уверенностью, а со следующими обращался уже как со старыми знакомыми.

Минные специалисты восхищались отвагой трудолюбивого водолаза.

После Очакова — Севастополь.

Здесь еще смелее стропил поблескивавшие свежей, пронзительно-зеленой краской мины (морская вода не успела смыть фабричный лоск с этих смертельных туш) — водолазу продолжало везти.

Командование наградило охотника за минами орденом Красного Знамени.

С новеньким орденом он отправился в Новороссийск освобождать от мин Цемесскую бухту.

Накануне отъезда из Севастополя я узнал печальную весть: Максим Матвеевич не добрался до Новороссийска — корабль, на котором он шел, подвергся атаке вражеских самолетов...

Крейсеры Черноморского флота возвращались после набеговой операции на Констанцу.

У створа корабли были встречены катерами охраны водного района, которые и повели их по входному фарватеру в базу.

На Стрелецком рейде впередсмотрящий с шедшего головным катера лейтенанта Глухова заметил на фарватере всплеск, похожий на тот характерный, словно бы вспарывающий воду всплеск, какой бывает при появлении на поверхности перископа подводной лодки.

Молниеносная команда, и морской охотник, развертывая длинный бурлящий шлейф за кормой, сбрасывает одну за другой четыре глубинные бомбы.

За кормой вскидываются фантастической формы фонтаны. Глухов считает: «Один... два... три... четыре... пять...»

Четыре бомбы — пять взрывов!

«Значит, что же, — размышляет про себя Глухов, — четыре взрыва дали бомбы, а пятый? Пятый дала фашистская мина! Значит, она взорвалась от детонации!»

...Пока Глухов вел крейсеры через ворота бонового заграждения в Северную бухту, на традиционное место их стоянки, созрела мысль: «А что, если пробомбить фарватер, ведь могут взорваться и остальные мины!»

Возвратившись на свою базу в Стрелецкую бухту, Дмитрий Андреевич Глухов, как только катер притерся к пирсу, спустился в каюту, навел бритву и, нурясь перед крохотным зеркальцем, снимал с красного лица сиринящим лезвием белесую щетинку.

Руки плохо управлялись с бритвой. Руки... Они у него были, как у бывалого, собаку съевшего боцмана, с твердыми, словно бы ороговевшими мозолями.

Черт его знает, раздумывал он, почему это он не загорает — покраснет, да еще веснушками обсыплется, и все... И брови у него белые, как волосы у детишек, которые все лето на речке да на солнце торчат... И выражение на лице — как будто он на кого-то обижен. А ведь чего ему и на кого обижаться: службой доволен, экипаж подобрался — морпехи и в огонь кинутся...

Побрился, обдернул китель. Одеколоном не стал поливаться — не любил...

Можно идти: вибрился все же чисто, и китель ничего, свежий, на замечание не нарвешься: контр-адмиралу все равно — война, из похода ты...

У Глухова походка боксера, ноги шагают легко, пружинисто, нащупно.

Глаза впередсмотрящего: цепкие, все сразу схватывающие и вместе с тем легко дробящие панораму на части и проглядывающие каждую из частей до дна!

Вошел в штаб. Огляделся. За столами флагманские специалисты. У всех озабоченный, сильно занятой вид. Остановился у первого стола и «выложился», а в ответ: «Что-о-о? Бомбить фарватер!.. А что это даст?.. Людей и катер погубите — вот и весь результат!.. Не-ет, батенька, вы слишком упрощаете... Мина — вещь серьезная: торопливых не любит! Мину уважать надо... С нею...»

Глухов вприщур осмотрел столы, за которыми сидели другие флагманские специалисты. От всех их хорошо знал...

Флаг-штурман был занят: перед ним на высоком штурманском столе — карты с синими кружочками, под каждым из которых значилась мина.

Не удалось и полчаса полежать, как была объявлена воздушная тревога.

Ночь стояла душная и темная. Причем темень была густая и как будто даже вязкая. Прожекторы ощупывали небо. Гитлеровские самолеты шли высоко, где-то среди далеких и ярких звезд. Прожекторы неловко брали их своими щупальцами: схватят и потеряют. Наблюдающие переживали все неудачи прожектористов. Зато радовались, когда три мощных луча, скрестившись, «повели» самолет под огонь зенитных батарей.

Налет оказался комбинированным: сначала шла волна самолетов-бомбардировщиков, потом появились минные постановщики.

Полночи в небе гудело и грохотало.

Рассвет застал Глухова на ногах.

Несмотря на бралянную ночь, он чувствовал себя бодрым и полностью готовым к походу.

Вода в бухте стояла тихая, сонная и переимчивая: что в небе, то и в бухте — небо румянится, и бухта за ним.

У летнего утра век короткий: только что всем владела предрассветная сутемь, и вдруг, откуда ни возьмись, привалил день, да какой румяный и торопливый!

Только что вода у берегов дымилась, как на догорающем погореньке, а теперь уже сверкает зеркалом.

Только что край неба акварельно розовел, как изрезыли арбуз, а теперь полыхает таким буйным пламенем, что легко представить, что же делается там, в невидимых просторах мироздания, — уж там-то солнце кипит, как сталь в мартене.

Тишина и в море, и на холмах, и в этой тишине воспоминание о шумной ночи кажется сном или наваждением.

Скоро придет штурман, и катер сомнет зеркальную гладкость воды и эту сонную тишину...

Глухов вел катер, не думая, какое опасное дело ожидает его, а сосредоточившись лишь на том, как лучше, вернее, с большим эффектом пробить глубинами фарватер так, чтобы и мины не остались невзорванными, и катер с командой сохранен; от взрыва глубинной бомбы он всегда успеет уйти, а какой маневр надобен при взрыве фашистской мины? Ведь она же, чертово семя, должна взорваться от детонации... А какая из них среагирует на детонацию? Та ли, что с левого борта, или та, что с правого? И все ли мины засечены и обвехованы?

Когда рвется мина, она выбрасывает с большой глубины вместе с массой воды и грунт. Если смотреть со стороны, то можно представить себе, что вот так и начинаются извержения подводных вулканов, в результате которых рождаются острова.

Пришла пора выходить на боевую позицию.

Стоящий рядом флаг-штурман легонько притронулся к плечу Глухова.

Командир молча кивнул, перевел ручку телеграфа на «малый» и, когда катер взял ход, перевел дальше — на «средний» и вскоре на «полный вперед».

Катер понесся по фарватеру, как горнолыжник на слаломной дистанции, ловко маневрируя меж буйков, ограждающих местонахождение немецких донных магнитных мин.

Весь экипаж катера — и впередсмотрящий, и сигнальщик, и рулевой, и штурман, и расчеты, приготовившиеся к бомбометанию, — стоял в напряжении, ожидая команды с мостика.

Такое же, если не большее, напряжение охватило и другой круг людей во главе с командующим Черноморским флотом, который с выходом Глухова на позицию передал через оперативного дежурного: «Командующий интересуется работой катера Глухова. Докладывать обо всем немедленно!»

Дежурные катера стояли «на товсь», если только потребуется помощь Глухову.

Море тяжело притихшее, как перед грозой. Берег был скрыт туманной дымкой. Чайки с голодным криком летали над водой, выискивая добычу.

...Морской охотник, рокоча моторами, продолжал нестись по гладкой, как зеркало, воде, а Глухов все не давал команды: «Бомбы товсь!»

Флагманский штурман вопросительно смотрел на него, а Дмитрий Андреевич словно бы задумался о чем-то и забыл, что пора, пора бомбить фарватер, — флоту позарез нужен свободный выход в море, и тут не то что час, а и минута дорога!

Но Глухов, по-видимому, хотел действовать наверняка — он пристально глядел вперед, как бы прицеливался. Вскоре он кивнул и, повернувшись к корме, скомандовал:

— Бомбы товсь!..

На катере все замерли. Тем же негромким, чуть глуховатым голосом он крикнул:

— Глубинные бомбы сбросить!

Бомбы, с виду похожие на бочки, покатились по направляющим к корме. Докатившись до среза, они неслышно плюхнулись в воду, и вскоре один за другим раздались два сильных взрыва.

Третьего не последовало.

Глухов круто положил руль на левый борт, катер описал полудугу и, как и в первый раз, полным ходом понесся вперед, с таким расчетом, чтобы пролететь между двух буйков.

Как только морской охотник оказался на траверзе буйков, снова раздалась команда:

— Бомбы товсь!.. Сбросить глубинные бомбы!

За кормой поднялся высокий, грязный, полный донного ила выброс — взорвалась магнитная мина.

Катер сильно встряхнуло. Глухов почувствовал, как палуба уходит из-под ног. В следующий момент катер сильно затрясся: взрывной волной его выбросило из воды, и оголившиеся, оказавшиеся без нагрузки гребные винты бешено закрутились и залихорадили корабль...

Прошло более двух часов, катер носился, как чешлок, меж буйков, под которыми на дне морском лежали мины. Доклады в течение этого времени были однообразными...

Время приближалось к полудню, когда при очередном звонке телефона оперативный дежурный, настроившийся записать стандартное сообщение, вдруг услышал нечто новое и, сразу же побледнев, в установившейся тишине произнес: «Повторите!.. Что?.. Катер-охотник подорвался... тонет?!»

Начальник штаба подбежал к оперативному дежурному, взял у него трубку и закричал: «Повторите, что там у Глухова?»

Выслушав сигнальщика, он опустошенно и тихо проговорил: «Этого я и боялся!» Тут же потребовал соединить его с дивизионом охотников и отдал приказ выслать на рейд дежурный катер.

Прошло совсем немного времени, но для всех, кто с нетерпением ждал новых сообщений, эти минуты были долгими. Работники штаба и флагманские специалисты оставили свои дела и принялись обсуждать результаты глуховской операции и предполагаемые последствия. Те, кто с самого начала был против этой «авантюры», всем своим видом показывали — они ведь говорили, что «этим все кончится»; те же, кто верил в Глухова и в операцию, предлагали не торопиться с выводами. Очередной телефонный звонок с сигнальной вышки прервал споры. Оперативный дежурный, записывая сообщение, повторял с определенным расчетом, что его услышат сидевшие вокруг специалисты. «Та-ак! — воскликнул он. — Катер завел моторы и что?.. Передал семафор?.. Помедленнее... Записываю: «В помощи не нуждаюсь...» Та-а-к!.. Дальше!.. «Продолжаю выполнять задание командования. Глухов». Все? Понял!»

...На базу морской охотник возвращался под одним мотором. Команда линейкой выстроилась на палубе.

Такой же линейкой стояли и экипажи катеров в Стрелецкой бухте, построенные для встречи героев.

У пирса, к которому подходил катер Глухова, полно начальства, а метрах в пятнадцати от него — легковая машина, прислуживающая командующим за Глуховым.

Глухов выглядел усталым, но в глазах его чертиком прыгала радость... Было подорвано одиннадцать мин, и Глухов доложил командованию о том, что задание выполнено — фарватер чист!

Публикуется с сокращениями.

Василий СУББОТИН

РАССКАЗ

КЁШ-ГРАБЕН

КАК ТОЛЬКО мы оказались за городом и дорога пошла среди полей, нас окружила весна. Где бы мы ни были — на Одере или в Берлине, в Москве или Варшаве,— природа одна, и одна природа весны... Весна в этом году в Европе была поздняя, и лето шло с востока. Листья деревьев, в Москве уже развитые, здесь еще только наметились, но обочины канав были зеленые. Было тепло, сыро, набухшие почки готовились к празднику, и повсюду в лесах пели птицы. Мы ехали к Одеру.

Мы выехали рано. Рядом с дорогой с ранцами за плечами ребятишки еще шли в школу. Сначала и слева, и справа от нас была стена леса, потом неожиданно открылось поле.

Мы ехали по дороге, той, что кратчайшим путем вела нас прямо к Одеру, к Зееловским высотам, и мои спутники, немцы, никак не могли понять, почему мне надо съезжать с нее, с этой дороги, зачем мне надо к какому-то Кюстрину, когда есть Зеелов, знаменитый Зелов, как говорят они. Они никак не могли понять то, что я никогда не был в Зеелове.

В конце концов мы все-таки повернули на север, так, как я их просил.

Я только здесь, на полпути от Берлина, на дороге, впервые подумал о том, что, выйдя в том сорок пятом году на Одер, мы оказались под самыми стенами Берлина. Мне это только теперь почему-то стало понятно. Мне было жаль, однако, что мы едем теперь по другой дороге, не по той, по которой мы шли к Берлину в том году, в том апреле.

Нам говорили все, что на Одере в нынешнем году большой разлив, что мы можем, мол, и не проехать. И еще говорили нам про то, что в следующую же за войной весну низина за Одером подверглась какому-то небывалому, невиданному наводнению и что это бедствие принесло много разрушений. Так получалось по этим рассказам...

Мы ехали полями, лесами, в обход населенных пунктов, по прямой автостраде.

Привычное однообразие немецких дорог, привычное поле, лес. Немецкие дороги, когда по ним едешь впервые, все на одно лицо. Особенно вот такие, как эта... По немецким дорогам можно ездить и ни разу не спросить — дорога сама тебя приведет.

Указки говорили, что мы ехали правильно.

К Одеру мы приблизились даже быстрее, чем я ожидал. Для меня все это было даже слишком быстро. Настолько, что я еле-еле успевал сообразовываться с увиденным, приводить в порядок мои воспоминания. Мы уже были, судя по всему, где-то возле цели, когда нашли грозные черные тучи и стал накрапывать дождь. Мелкий, как сквозь реденькое ситечко. Та весна в Берлине была теплая, дружная, эта — сырая и мокрая.

Теперь мы кружили, ездили по полям.

Должен сказать, что я довольно точно знал, куда надо ехать. Это составляло примерно два — два с половиной километра вдоль берега между двумя деревнями.

В одном месте, в поле, возле дороги, я увидел зады коровника каменного, и дом, и сад. У меня мелькнуло какое-то воспоминание. Я понял, что я уже видел все это когда-то.

Мы все еще кружили, все ездили от одной деревни к другой.

Мы заблудились, и спросить нам было совершенно некого. Мы понимали, что мы возле Одера, что мы возле него, он возле нас, что он близко, где-то рядом, но не знали, где он. Переводчица моя была совсем еще школьница, относящаяся к своему делу с необыкновенной серьезностью, но она не бывала здесь никогда. И уж совсем незнакомыми казались эти места моему товарищу, с которым я приехал сюда. Мой товарищ по этой поездке тоже воевал в Германии, но он был летчик, воздушный стрелок. Он был таким же солдатом, как я, но все-таки он летал. Поэтому, несмотря на то, что он воевал, и воевал здесь, в Германии, и даже на самом Одере, он мало что знал. Он мало что знал из того, что делалось на земле, подвергаясь в небе не меньшим опасностям, чем я на земле. Он подвергался страшным опасностям, никак не меньшим, чем я, но то того, что делалось на земле, он не видел. Ведь летчик видит землю сверху без подробностей, без мелочей, земля для него, как карта. Поэтому он и не знал ничего, он как бы и не был здесь.

Мы въехали в деревню, в еще одну деревню. Одер был где-то близко, он был где-то рядом, возле нас, я понимал это, я это чувствовал. Я не знал, куда надо ехать, куда свернуть, но я отчетливо сознавал, что ехать надо вон к тому клочку неба, к посадкам, не туда, куда ведет дорога, а, скорее, туда, куда никакой дороги не было, к цепочке деревьев, сквозящих листвой. Мы и поехали туда. Право же, как будто в голове нашей находится локатор какой или какой прибор тонкочувствительный. Я совершенно точно знал, куда нам надо ехать. Мы поехали туда и вскоре действительно подъехали к Одеру.

Сам же я больше всего этому удивился. Мы были на правом фланге нашей дивизии.

Теперь мы стояли у воды. Дорога из-под ног уходила в воду и долго еще белела в воде там. Вокруг нас — одна сплошная вода. Даже берега противоположного не видать было. Среди волн высились какие-то островки. Там, за ними, чмурились леса.

Я и предполагать не мог, что Одер так может разлиться. Мы сидели в машине, торопиться нам все равно было некуда. Мы только стекла опустили. Вдруг где-то рядом с нами затарахтел мотор, и мы оглянулись. Мокрый человек в плаще остановился позади нас и принялся усиленно рассматривать мотоцикл. Мы продолжали сидеть в машине, дождь все еще лил. Сидя в машине, я вспоминал всякое, рассказывал моим спутникам о том, как я пришел на плацдарм сюда в первый раз. Мост был к этому времени уже наведен. Стояли мы в деревне, в необъятной деревеньке в двух или трех километрах от берега, на том берегу, противоположном, который сейчас окончательно затерялся в разливе. Я рассказывал этой девочке-переводчице и моему другу, как захватили плацдарм, еще в январе, сначала довольно обширный, на котором нас затем потеснили. По большой охоте рассказывать не было. Я рассказывал и думал в то же время о чем-то своем. Вероятно, о том, что я вовсе не такими думал увидеть эти места. Я все оглядывался на этого человека, подъехавшего сзади. Мне хотелось расспросить его. В конце концов мы махнули ему рукой, и он подвел мотоцикл и стал сбоку у колеса. Девушка заговорила с ним. Она сказала этому человеку, что я старший лейтенант, и это, как я увидел, впервые прозвучало внушительно даже для меня самого, что я был здесь, на Одере, в сорок пятом году... А дождь между тем все еще лил, мелкий, мучительный, рябил воду, и мы не могли выйти из машины, только стекла опустили. Да, сказал нам этот человек, он слышал, он знает — он знает, что один из мостов наших был как раз на этом месте, где мы стоим, а ниже по течению была основная переправа. От моста остались только сваи. Других следов не осталось... Он все это показал нам рукой, и ближе, и дальше, где что было и что еще осталось. Мы еще говорили так некоторое время с этим незнакомым подъехавшим сюда человеком, стоя в двухшагах от воды, — я в машине с приоткрытой дверцей, он — у своего мотоцикла, но дождь усилился, и человек, натянув капюшон на голову, извинился перед нами и повел мотоцикл в гору. За ним следом и мы стали выворачивать машину. И, когда он садился, я увидел у него на штанине лампас, шов с встроченным кантом лампаса. До меня это не сразу дошло. Он надавил на газ. Мотоцикл вымчал его наверх. Я только теперь сообразил, что это был пограничник...

Деревня, на окраине которой мы остановились, называлась Гросснойендорфом. Выехав из нее, мы приторможили. Я попросил остановиться среди поля на мостике. Передо мной был небольшой канал, по которому с шумом стремилась вода. Я слушал ее шум и не мог поверить. Это была та самая канава, по которой я полз в тот день в батальон Твардохлеба, в наш прорвавшийся вперед батальон. Я лез туда, не зная еще, что это всего лишь пока разведка боем, всего-навсего разведка боем, последняя разведка перед нашим наступлением на Берлин. Я выскочил из машины. Ну конечно же, это она, та самая канава, вот она какая! Она была побольше метра глубиной и около двух метров шириной. Я полз, держась за края плит, которыми эта канава была облицована, и нули свистели надо мной, когда я пробовал приподняться. Я стоял так, еще не веря, что так бывает, что можно через двадцать пять лет найти на земле какую-то канаву, не город, не хутор, а нечто непримечательное и весьма непостоянное, канаву, почти борозду... Сегодня она есть, завтра ее нет. Я так стоял в этой низине, овеваемой ветром Одера, и не находил слов.

Я, как я уже сказал, ездил на Одер с солдатом, с воздушным стрелком, моим приятелем. Они делали налеты на Берлин, и полк их, как он мне говорил, базировался на небольшом аэродроме, это было, по его словам, возле деревни с кирхой, только он не мог сказать, где это было. Он помнил только, что деревня называлась Шванте. а он был воздушным стрелком, солдатом, и теперь он не мог бы сказать, где это было, в какой части Германии, на северо или на юг от Берлина. Когда вчера ему показали карту, он растерялся, так как обнаружил на этой карте сразу несколько Шванте... Я, конечно, не склонен был принимать обычную, хотя и здесь, на Одере, по первую попавшуюся мне канаву, за ту, для меня так памятную. К тому же та была вовсе узкая, а эта уж больно широка. Та уж, наверно, совсем заросла. Не имея права утверждать что-либо, я постоял, поглядел, сказал себе, что это похоже, но тут же усомнился. Мы влезли в машину и двинулись дальше по той же проплой полевой дорожке. Мы проехали еще метров четыреста и вдруг — стой! Маленькая, наполовину подернутая рябой, заиленная, узкая... Оросительная канава или канал со скошенными бетонными стенками, водоотводящий канал, несущий воду из Одера. По этому лотку я и полз. А Твардохлеб был вон на тех высотах, еще километра за полтора отсюда. Я лазил туда за день до наступления, не зная того, что завтра все начнется.

Со мной был блокнот, где была схема: положение на 15.IV после разведки боем. На клочке белой бумаги черной линией была прочерчена канава, по которой я полз, все было так: справа — Гросснойендорф, слева — Кинитц. И даже, смотри-на, широкий канал с мостом, ближе к Гросснойендорфу,— Брюкзее-грабен. Все есть. За спиной у нас — узкоколейка, также обозначенная на плане. Теперь уже заброшенная, заросшая травой, шпалы окончательно врости в землю, видны только рельсы ржавые, близко от Альт-Кинитц, недалеко от поворота. А прямо перед нами должен быть Золиканте, фольварк, еще удерживаемый гитлеровцами. Вот она, эта канава, по которой я полз! Все было на месте, все так. Мой друг-летчик только руками развел. Мой маленький солдатский масштаб настолько удивил его, что он даже засмеялся счастливо: надо же, нашел канаву! Но если бы, думаю я, не моя схема со мной, я мог бы даже не рискнуть сказать обо всем этом моему товарищу, всем мог бы я не поверить мне. Я долго кружил по полям, отыскивая все новые подтверждения. Чтобы не было промашки, чтобы еще более увериться, что все это так и есть, мы подъехали к одинокому дому возле дороги. Перед воротами стоял трактор, пахать еще было нельзя, земля еще только-только просыхала, и тракторист вышел к нам. Мы спросили у него, что за дворы впереди, а это, так и есть, Золиканте. А безвестная моя канава так же, как все у немцев, оказалось, имела свое древнее название. Кёш-грабен канал — она называлась.

Я долго не хотел отсюда уезжать и все удивлялся, все не верил, что она была на месте, моя канава. Я все еще не мог понять, что земля одна, что ничего неожиданного нет в том, что это та самая канава, что она оказалась на месте. И поскольку она в действительности была, я должен был найти ее.

У меня и в мыслях не было искать ее. Я меньше всего рассчитывал искать на Одере какую-то канаву. Я просто хотел проехать по старым местам.

Мы выбрались на дорогу и тем путем, которым мы две недели шли к Берлину, приехали в Берлин, потратив на это час с лишним.

Между тем дождь окончательно перестал, и над Одером выглянуло солнце. Мы возвращались при хорошей погоде. Небо опять прояснилось.

Я опять увидел и Грос-Барним, и Нойтреббин, город, где гонял Тыгарь, начальник штаба одного из полков. Я увидел и водный рубеж, а в новой, недавно застроенной части, у вокзала, недалеко от площади, на которой он погиб, беседовал с крестьянином, членом сельскохозяйственного кооператива. Он с увлечением говорил о том, кем стали его дети — строители новой Германии. И наконец мы въехали в Кунерсдорф, город нам наиболее памятный, за который дрались два дня. А потом через другие, столь же памятные нам городки, Блисдорф, Мендорф. Я все время держался по пути дивизии: Шульцендорф, Прётцель. Вплоть до самого Бланкенбурга, до Берлина.

Мы сделали большой круг, вернулись мы еще засветло. Я никогда не думал, не гадал, что можно вот так целую область жизни, страну целую объехать за один день. Я никогда не думал, что можно снова так увидеть эту землю. Так, как видит ее только пехота.

ТЕМЫ

- ЗНАКОМЬТЕСЬ: САТТАРОВ, ЛЕСИКОВ И ДРУГИЕ
- ПРЕМЬЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА СОВЕТСКОЙ АРМИИ
- НА СЦЕНЕ — «КЛАССИЧЕСКИЙ БАЛЕТ»

ЛИЦА

- ФИЛЬМ И ЗРИТЕЛЬ ВСТРЕЧИ НА ГОСТЕПРИИМНОЙ ЗЕМЛЕ КАЗАХСТАНА

СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ

К ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

ВСЕСОЮЗНЫЙ 1973 КИНОФЕСТИВАЛЬ АЛМА-АТА

ТЯЖЕЛЫЕ кожаные папки с почетными дипломами бережно приняли режиссеры Станислав Ростоцкий, Даниил Храбровицкий и актриса Любовь Виролайнен. «А зори здесь тихие...», «Любить человека», «Укрощение огня» отмечены высшими наградами VI Всесоюзного кинофестиваля, признаны лучшими художественными фильмами, созданными в прошлом году.

Своеобразными участниками заключительного голосования жюри стали и миллионы советских, зарубежных зрителей трех этих картин, ярко рассказавших с экрана о труде и подвиге советского человека.

Обращение к современнику — светлая, многообещающая примета прошедшего фестиваля. Советское кино сейчас все энергичнее стремится отразить эпоху, «быть... горнистом, барабанщиком нашего времени быть» (точнее Ярослава Смелякова не скажешь).

Герои конкурсных фильмов мало пользовались исторической гердеробной, актеры после съемки могли, почти не переодеваясь, выйти на улицу и не привлечь особого внимания. Зато внимание зрителя к экрану теперь удвоенное, утроенное.

Шесть фестивальных дней дали объективную оценку прошлогодней работе киностудий всех союзных республик, снова подтвердили своевременность, глубину анализа, точность выводов постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии». Мастера кино обсуждали свою работу с высокой требовательностью, строгость оценок резко возросла.

Каждая студия отбирала на конкурс лучшие работы. Соревнование в идеале должно идти на высоком уровне, лауреаты — первые среди равных. Но если представить себе какой-то фантастический осциллограф, фиксирующий зрительские эмоции, то линия на его экране была бы слишком спокойной, и лишь несколько резких «всплесков» отмечали бы переход в иное, высшее качество.

О «Зорях»... писано-переписано. Что можно добавить ко всем добрым словам? Вспомнить восторженный разговор с С. Ростоцким, актрисами Е. Дропеко и Л. Зайцевой в Институте земледелия под Алма-Атой. Вспомнить слезы на глазах старой нянюшки, руку, судорожно вцепившуюся в подлокотник кресла, когда в последнем порыве уводит лихая красавица Женька врагов от смертельно раненной подруги...

Жаль, что часто недооценивается такой художественный фактор, как эмоциональное напряжение зрителя. Успех к фильму приходит, если зал захвачен происходящим на экране, если любого человека до боли волнует судьба героев.

Некоторым фильмам, даже на важную, актуальную тему, не хватает взлета художественной фантазии, яркости формы, своеобразия авторского почерка. Смотря их по отдельности, еще можно отметить чередование удачных сцен, какие-то находки сценаристов, актеров, операторов. Вместе же такие фильмы нередко исчезают из памяти в одно полотно с серым оттенком.

«ЛГ» недавно критиковала литературные произведения, в которых обнаруживается узкое понимание современности, когда начисто исключается дело человека и авторы пытаются замкнуться в узкой сфере нравственно-бытовой проблематики.

Это беда и некоторых фильмов о современнике. Порой тщательно штрихуется фон, а сам портрет остается непрописанным. Рабочего человека словно бы не решаются показать в деле. Кинокамера провожает его утром до проходной, вечером у проходной встречает, иногда заглянет с экскурсией, в постоянного заводского пропуска у ее хозяина нет.

Потому особенно отраден успех узбекского фильма «Ждем тебя, парень...», в центре которого — интересный образ молодого рабочего Тимура.

Нам кажется, что этого конкретного героя — девятнадцатилетного Тимура — нельзя так просто отпускать с экрана. Правда, режиссер Равиль Батыров говорит, что задумал кинодилогию, и хотел продолжить рассказ. Однако при неторопливых темпах киноproизводства от замысла до проката пройдет два-три года, актер А. Ганиев повзрослеет, да и еще одной серией жажды не утолишь. Может быть, быстрее, эффективнее кинематографистам в содружестве с телевидением создать многосерийный фильм, объединенный этим персонажем?..

Третий фестиваль подряд грузинский писатель Сулико Жгенти получает премию за лучший сценарий — на сей раз за «Саженцы». Его герой — старый грузинский крестьянин, лукавый и светлый душой,—привык уважать любой труд и любую работу делать с полной отдачей. Он оставляет многим встреченным в дороге людям саженцы груши уникального сорта. И другие саженцы — доброты, тепла, внимания к человеку. В картине сильно прозвучала тема единой семьи советских людей, дружбы и братства народов.

И все-таки снова приходится говорить о недостаточном внимании кинематографии к кардинальным темам современности. Совсем не было на фестивале художественных политических фильмов—«Пылающий комментатор» Романа Кармена и «Чужого горя не бывает» Константина Симонова — крылом к крылу, посвященной летчикам-испытателям — Неману». Судя по кинопродукции этого года, на следующем фестивале политические фильмы будут. Тем не менее у лучших документалистов не грех поучиться оперативности, точности идеологического прицела, умению осмыслить диалектику факта. Конечно, снять на пленку конкретное историческое событие можно быстрее, чем выразить его художественный эквивалент. Но разве «Пылающий моментальности потребовал от автора меньше таланта, времени, сил, энергии, чем любой полнометражный игровой фильм?

Эти замечания, пожалуй, могут показаться излишне строгими. Но на Всесоюзном фестивале как-то особенно ощущаешь, насколько дорого нашим людям кино, как уважают и ценят они труд его создателей. Столица орденоносного Казахстана с традиционным радушием принимала кинематографистов братских республик, гостей из социалистических стран. Казалось, что Первомай пришел в Алма-Ату на десять дней раньше. Пришел вместе с festивальными эмблемами, забравшимися даже на высокогорье Медео, вместе с зелеными тянь-шаньскими елями, высаженными на киностудии «Казахфильм» в день коммунистического субботника. За Гаврой приглашать к себе творческую делегацию соревновались промышленные предприятия, колхозы, совхозы, институты, школы. Эти встречи превратились в демонстрацию необыкновенного интереса сегодняшнему дню советского кинематографа, к делам и планам его творцов.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,
Ростислав ПОСПЕЛОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
АЛМА-АТА — МОСКВА

Алма-Ата. VI Всесоюзный кинофестиваль. Павел Кадочников (верхний снимок) и Майя Булгакова на встрече со зрителями
Фото **Е. ХАЛДЕЯ**

ТРУДНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО: НА СПЕКТАКЛЯХ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ

В МОСКОВСКИХ театрах с успехом идут спектакли, героями которых являются люди труда. Это и «Сталевары» Геннадия Бокарева, и «Человек со стороны» Игнатия Дворецкого, и пьеса Диаса Валеева «Дарю тебе жизнь», и «Ситуация» Виктора Розова. Произведения эти не просто привлекли внимание зрителей и критики. Они определяют нынешний театральный сезон.

«Человек со стороны», спасем, вызвал незатихающие споры, и, верно, долго еще характеры героев новых пьес будут соотноситься с Чешковым. Даже не потому, что это смело и уверенно выписанный художественный образ. А потому, что Чешков — проблема. Любопытно, что о нем судят, как о живом человеке — был, есть, может ли быть... Судят, как о явлении жизни. Но ведь и характер Чешкова не исчерпывает всю проблему человека труда на сцене.

Итак, выходят на подмостки спектакли, ломающие представление о том, что к «производственной» пьесе зрители охладели лет двадцать назад и что интерес этот уже вряд ли возродится. Конечно, и в те годы дело было не в теме как таковой, а в самих пьесах, спектаклях, поверхностно отражавших производственный материал, не вносивших нового в осмысление характеров современников.

Эти-то неудачные постановки привели к тому, что «просто человек» — не новатор и не консерватор, не рабочий и не директор, «просто» порядочный и «просто» честный (как будто это так просто!), стал в драматургии получать наивысшие оценки. Отсчет на тарификационной шкале шел уже по линии только нравственной. Хотя, конечно, вряд ли кто из авторов пьес всерьез рассчитывал оценить достоинство человека вне его полезной деятельности на благо общества.

Однако попытаемся выстроить схему взаимосвязи человека и дела, схему самую простейшую, но которая в какой-то мере отражает то, что сегодня происходит на сценических подмостках. На наших глазах от спектаклей, воссоздававших лишь самую деятельность человека, через утверждение красоты человека, завоевывающего наше уважение порядочностью поступков и чистотой помыслов, драматургия (я повторяю, схематизирую) перешла к синтезу. Герои пьес, которые в этом сезоне широко вышли на сцену, — обязательно люди высокой профессиональной квалификации, отвечающей требованиям эпохи научно-технической революции. В то же время конфликты, замешенные на производственной основе, носят, как правило, характер морально-этический. И вот примеры.

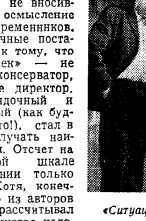
ДЕЙСТВУЮЩИЕ лица спектакля Театра имени Ермоловой «Дарю тебе жизнь» строят город. Спектакль начинается с того, что на сцене высвечивается макет этого будущего города — огромная белая площадка, на которой белыми кубиками рафинада расставлены цехи завода, дома, магазины, ясли...

Обыкновенный человек, в обыкновенном костюме, обыкновенно подстриженный, медленно идет по авансцене. Входит в круг света. Молчит. Смотрит на план-макет. Вероятно, мечтает. Пока мы не знаем, что этого города, который только на плане да еще в мечтах строителей, секретарь горкома Саттаров не увидит. Что город станет реальностью для других. Саттаров умрет. И над ним, скрючившимся в сердечном припадке (В. Андреев сдержанно корректно проводит эту опасную для сценического исполнения картину), будут высыпаться те самые свайные опоры, за которые он бился, потому что только они давали реальную возможность закончить строительство в срок.

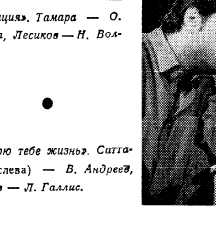
Через гигантскую дистанцию — от массы бурой, взрытой пластами земли до белого города — проведут своих героев Диас Валеев и Владимир Андреев, драматург и режиссер. Мы станем свидетелями борьбы за передовые методы производства. Но особенно важны для создателей спектакля, для нас, зрителей, те нравственные категории, которые выявятся, определятся через производственный конфликт.

Спектакль «Дарю тебе жизнь» — своего рода хроника одного строительства. В нем — калейдоскоп судеб. Они проходят перед нами в коротких эпизодах, бытовых сценках, врезанных в жизнь стройки. Эти эпизоды играются с увлечением, с истинным волнением, так что порой даже разрывают ткань спектакля. История молодоньки Алсу, увлеченной идеей новых методов стройки. Еще одна история — материодиночки Таисии (прекрасная работа Р. Губиной). И история четырех девушек из общежития. И вечно раздраженного начальника строительства, роль которого с успехом исполняет Л. Галлис. И, конечно, грустная и целомудренная история любви секретаря горкома Саттарова и инженера Ахмадуллиной (удачная роль О. Фомичевой).

Весь калейдоскоп человеческих судеб свидетельствует — этот белый сахарный город построить не шутка. Но не демонстрация трудностей и даже не то, что характеры развиваются, мужают по ходу сюжета, делает спектакль современным. А свой угол зрения на проблему «человек и его дело». Желание оценить «дело» через аспект нравственный. Саттаров определяет смысл конфликта приблизительно так: «Что происходит с человеком, когда дело крупнее его? И что происходит с делом, когда человек мельче его?»



«Ситуация». Тамара — О. Яковлева, Лесиков — Н. Волков.



«Дарю тебе жизнь». Саттаров (слева) — В. Андреев, Байков — Л. Галлис.

Альтернатива острая. Вот здесь-то и есть выигрыш спектакля.

ИТАК, в наши дни не сведешь спектакль к демонстрации производственных процессов. И в то же время, не зная человека в деле, не оценишь его нравственный потенциал. И все-таки нелегко соблюсти баланс. Спектакль Театра имени Ермоловой, весь воздвигнутый на строительной площадке, по внешним признакам «чисто производственный», особенно волнует там, где вывает к законам нравственным. А новая пьеса Розова, поставленная в Театре на Малой Бронной, привлекает прежде всего не семейной и не лирической темой, но отношениями людей в сфере производства. Хотя все действие спектакля происходит дома, на квартире у Виктора Лесикова, занятого главным образом выяснением своих отношений с женой Тамарочкой.

Трудный перекресток. Но именно на нем герои и театры обязаны избрать верное направление.

Помнится, один из героев «Традиционного сбора» Виктора Розова, Сергей Усов, не имел профессии. То есть она, вероятно, у него была, но со сцены он о ней не говорил. Недоумевали герои спектакля. Недоумевали зрители, об этом спектакле писавшие. Сергей был просто человек, хороший человек.

Герой новой пьесы Розова, Виктор Лесиков, рабочий. Изобретатель. Мы знаем, что он изобрел. Мы знаем, что для нас имеет возможность следить за самим процессом творчества.

И то, и другое не случайно, и то, и другое сложится в скоиструированную нами схему.

О чем спектакль «Ситуация», поставленный А. Эфросом? А это как сказать. Можно считать — о борьбе со взяточничеством. А можно — о поисках ответа на вопрос, что такое доброта. В чем подлинное достоинство рабочего человека?

Но обратимся к сюжету. Рабочий Виктор Лесиков получил патент на свое изобретение. Счастливые, а потому особенно добрые Виктор и Антон, его друг, придумывают, кому какие сделать подарки. Чтобы у всех — а не только у одного Виктора — был праздник. Но приходит мастер Игнат Васильевич и говорит, что подарки делать не надо, а ему, мастеру, с изобретателя полагается тысяча рублей. Все. Что же дальше? Сражения героя за свои, заработанные?.. Нет. Сражения эти ведет с яростью Антон, по от Виктора он и благодарности не получает. Герой не хочет заменить изобретенный итог своего дела, столь нужного современному производству, а значит, и современному рабочему человеку, результатом не то чтобы меркантильным, но все-таки куда менее значительным, чем его творческий эквивалент.

Свой тезис о том, что делать свое дело надо хорошо и вовсе не для того, чтобы немедленно получить за него плату, Виктор Лесиков доказывает совершенно неожиданно. Уже убежденный Антоном, рьяно сражающимся за его же, Виктора, права, завинченный возмущением матери, а главное, боясь, что его юная, стремительная жена, уже надевшая долгов, очередной раз сбежит из дома, Лесиков идет к директору завода. Виктор Лесиков (артист Н. Волков) с видимым для нас трудом преодолевает ие внутреннюю инертность и ие робость (что кажется сперва), а те нравственные представления, которыми он живет. Лесиков уходит со сцены, расправив плечи и выпятив губы, — решительный борец за маленькое, в размере четырех тысяч, свое личное счастье. А возвращается через несколько минут, улыбаясь смущенно и радостно, — сноеи сомнения и тревоги окружающих он «перекрыл» новым изобретением. На его заводе втулки не будут гореть даже на очень больших скоростях. Их надо делать не из металла, а из пластмассы! И пришла Лесикову эта мысль в голову, когда ои, не спеша на тягостное свидание с директором, остановился у доски объявлений...

Спектакль Театра на Малой Бронной богат актерскими удачами. Это и наполненная увлекательными треволнениями жизни Тамара — О. Яковлева, и гордая своей рабочей биографией мать Виктора — А. Дмитриева, и язвительный друг его Антон — Л. Крупный. Великолепные все образы! Но мне кажется, что «Ситуация» важна прежде всего как разработка иового аспекта в разговоре о нашем современнике. Разоблачение мастера-взяточника тоже, вероятно, могло бы стать темой пьесы. Но здесь это не главное. Есть в ситуации, рассказанной Розовым, кое-что более важное.

Споры о Чешкове, как правило, разграничивали дело Чешкова и нравственную сторону его поступков. Так, не вызывала сомнения правомерность проводимой им модернизации производства. Но всех — и героев, и критиков — волновало: нравственно ли было так круто расправляться с престарелыми секретаршами?! Ни Саттаров, ни Лесиков подобного разделения деловых качеств и человеческих отношений не приемлют, не знают. Для них нравственно то, что нужно людям, в чем есть для людей добро, и в это «нравственно» естественно включается умение человека делать хорошо свое дело.

Нравственно - этические иормы социалистического общежития становятся в эпоху научно-технической революции чрезвычайно важным предметом исследования. Об этом и свидетельствуют новые спектакли. И за ким, как не за Витей Лесиковым, с его талантом мастера виртуоза, с его одухотворенностью изобретателя и щедрым умением отбрасывать с пути мелочное, злое, скоропреходящее, будет нравственная победа!

ВОИНАМ И СТРОИТЕЛЯМ

Недавно главному режиссеру ЦТСА вручали премию имени Д. Д. Попова за работы, посвященные военно-патриотической теме. Андрей Попов принимал медаль с отчеканенным профилем своего отца. Эта премия — не просто дань мастеру постановщика. Театр достойно продолжает традиции, завещанные одним из крупнейших советских режиссеров. И не случайно именно с разговора о традициях началась наша беседа с Андреем Поповым.

— Знаете, — признается Андрей Алексеевич, — меня не вполне удовлетворяют такие понятия, как «сельская тема», «рабочая тема», «военная тема». Жизнь сложна и многогранна, ее трудно разделять по рубрикам. Другое дело — акцент в драматургии, режиссуре, актерской игре. Он помогает выразить то, что волнует в данный момент художника более всего. А тема всегда одна — Человек. В труде, в науке, в искусстве, в бою. Человек на войне... Острота конфликтов и ситуаций, обнаженность человеческих чувств, возможность широкого исследования характеров привлекают к себе мастеров сцены.

На примере героев войны мы обязаны воспитывать в молодом поколении высокие чувства гражданственности, долга, патриотизма.

Помню, с какой благодарностью встречали зрители первые послевоенные спектакли, даже те, в основе которых лежала драматургия не очень глубокая.

Сейчас зритель стал требовательнее, тоньше в своих запросах, и палитра театра пополнилась новыми красками. Я думал об этом, когда, скажем, ставил «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, пьесу глубоко психологическую, тонкую, далекую от наших первых послевоенных спектаклей. Да, искусство может искать, менять свои формы, но незыблемыми должны оставаться его реалистические позиции, его яркая образность, действенность и эмоциональное звучание. Этому учил нас Алексей Попов, этому я стараюсь учить своих студентов в ГИТИСе.

— Кстати, один из них, кажется, успешно дебютировал недавно на сцене ЦТСА?

— Да, мой дипломант Борис Морозов поставил пьесу молодых грузинских драматургов И. Гаручава и П. Хотяновского «Когда придет мой час». Это пьеса о войне, о силе советского патриотизма.

— А что же учитель?

— А учитель пока «раскачивается», — рассмеялся Андрей Алексеевич. — Собираюсь ставить новую пьесу А. Штейна «Ночью без звезд». В ней говорится о жизни современной армии, но проблемы, рассматриваемые автором, интересны всем. Кстати, сын драматурга — режиссер Петр Штейн недавно поставил у нас в театре пьесу «Весенний день тридцатого апреля» А. Зака и И. Кузнецова. Ее действие разворачивается в самом конце войны в Берлине, а герой пьесы — молодой разведчик.

— Герои ваших спектаклей зачастую «помолодели». И «Зори...», и «Неизвестный солдат», и две последние постановки, о которых вы говорили, — тому подтверждение. Чем это объяснить?

— Одну из своих основных задач мы видим в воспитании советской молодежи, тех, кто служит сегодня в армии, и тех, кто, отслужив, разъезжается по стройкам страны.

— Что вы можете сказать о планах театра?

— В эти дни на сцене ЦТСА завершаются репетиции спектакля по роману Ф. Гладкова «Цемент» (автор инсценировки и постановщик М. Буткевич). Полвека отделяют нас от того романтичного и необыкновенно трудного времени, когда, только-только вернувшись с полей гражданской войны, вчерашние воины принялись за строительство новой жизни. Нам хотелось бы напомнить, какими были они, герои 20-х годов. Они близки нам по духу.

Уже сейчас мы думаем о том, как достойно отметить 30-летие победы над фашизмом. Впереди — ровно два года, но уже подбирается репертуар, проверяются творческие возможности коллектива.

Е. ДЕМУШКИН

Идет генеральная репетиция спектакля по роману Ф. Гладкова «Цемент».

НОВАЯ ЖИЗНЬ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА

Года три-четыре тому назад у нас начали создаваться танцевальные ансамбли, увлеченные поисками новых форм концертной миниатюры. Одним из наиболее интересных коллективов — «Классический балет» — руководит народный артист РСФСР Юрий Жданов. В программах ансамбля представлены работы крупнейшего мастера танцевальной миниатюры Наталиа Голдовской, балетмейстеров среднего поколения, в том числе О. Виноградова и самого Ю. Жданова, одаренной молодежи: В. Елизарьева, Г. Майорова, И. Чернышова, Г. Пасчанского.

Успех этих балетмейстеров (подтвержденный медалями концертного ансамбля в Кремлевском Дворце съездов) во многом определяется тем, что они берут в сотрудничество первоклассных композиторов.

Большинство номеров составляют дуэтные танцы. Но содержание этих хореографических диалогов разнообразно, порою неожиданно. Для их воплощения балетмейстеры находят оригинальную пластическую форму, смело соединяя традиционные движения классического танца с простыми, естественными жестами, выражающими душевное состояние героев. Очень многозначен танцевальный язык балетмейстеров В. Елизарьева в «Контрастах», созданных на 2-ю часть камерной сюиты Р. Щедрина, и в «Поэме» А. Петрова, посвященной героям Отечественной войны. Совсем по-иному — угловатой гротесковой пластикой, подсказанной джазовыми ритмами, — характеризует Г. Майоров подростков в популярном номере «Мы» на музыку В. Королева. Словом, в программах ансамбля представлены многие «наречия» танцевального языка. А традиционная лексика академической хореографии остается здесь классическим образцом.

И тут следует отдать должное танцевальному мастерству коллектива. «Классический балет» обладает отличными исполнителями академического репертуара. Особо хочется выделить Н. Ставро, Е. Ф. Гильфанову. В современных номерах выразительны О. Павлова и Д. Брянцев. Высокий профессионализм ансамбля свидетельствует, между прочим, о том, что в нашей стране повсеместно хорошо поставлено хореографическое образование: Жданов пригласил в труппу выпускников разных балетных школ.

Ансамбль привлекает симпатии мастерством своих солистов, пристрастию к новизною программ, которые можно назвать своеобразной антологией современного классического танца.

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

Танцуют солистки ансамбля «Классический балет» Е. Гильфанова и Е. Цибулевская.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

ТОРЖЕСТВУЮТ ИДЕИ ПРОГРАММЫ МИРА

Мировая общественность приветствует итоги Пленума ЦК КПСС, первомайскую речь Л. И. БРЕЖНЕВА и присуждение Л. И. БРЕЖНЕВУ международной Ленинской премии

МЫ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО...

В эти волнующие майские дни у нас, в здании сейма, проходила Международная консультативная встреча деятелей культуры, организованная в рамках подготовки Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. Среди участников встречи — писатели, художники, деятели кино, композиторы. И атмосфера здесь была отличная: полное взаимопонимание!

Нынешняя разрядка напряженности — это заслуга «социалистического содружества, и, разумеется, в первую очередь Советского Союза, последовательно осуществляющего замечательную Программу мира, разработанную XXIV съездом КПСС.

Мы были вместе в трудные годы войны, мы шагаем рядом сейчас, и мы будем идти в ногу с вами в нашем общем мирном наступлении. 25 лет назад в польском городе Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира. С тех пор наступили перемены, которые имеют эпохальное значение, — говорю об этом и как писатель, и как общественный деятель. Идея мирного сосуществования погребла «холодную войну».

Огромна заслуга в этом ленинского Центрального Комитета КПСС и его Генерального секретаря Л. И. Брежнева. Есть нечто символическое, глубоко закономерное в том, что именно Леониду Ильичу Брежневу, политическому руководителю Страны Советов, в нынешнем году присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами»: именно он провел титаническую работу по реализации Программы мира.

Я не забуду и не имею права забыть черную ночь гитлеровской оккупации моей отчизны. Поэтому с надеждой смотрю на предстоящую встречу товарища Л. И. Брежнева с В. Брандтом, которая должна способствовать укреплению мира в Европе.

«Мы, поляки, всегда будем благодарны советскому народу и его руководителям за все сделанное для Польши в прошлом и настоящем, мы восхищаемся их последовательностью и терпением в проведении и реализации ленинских положений о мирном сосуществовании, мы видим в нашем великом соседе гаранта нашей безопасности. Как замечательно сказал Эдвард Герек, мы можем спокойно творить и созидать новую Польшу — достойного и равноправного члена дружной семьи народов социалистического содружества. Наше братство, скрепленное кровью лучших сынов советского и польского народов, пролитой на полях битв против фашизма, остается краеугольным камнем внешней политики народной Польши.

Радостно сознавать, что в преддверии Дня Победы мы одержали новые победы, на сей раз уже на мирном фронте. «Мы» — это все социалистическое содружество, единая когорта борцов за мир и дружбу между народами. Борьба за мир завещана нам гениями человечества — Марксом, Энгельсом и Лениным. И мы будем неуклонно идти по этому пути!

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
депутат сейма Польской Народной Республики, писатель

ВАРШАВА. (По телефону)

НЕОБЫЧНАЯ ВЕСНА НА РЕЙНЕ

После затяжных апрельских холодов и, как говорят здесь, «спасая» на снегу, на Рейн пришли наконец ласковые весенние дни. О рейнской весне писали не раз — каждый народ по праву считает свою весну неповторимо прекрасной. Но в этом году она воистину необычна: цветущий май в Федеративной республике совпал, говоря словами представителя правительства Грюневальда, ко началом новой эры советско-западногерманских отношений, эры, которая открылась с приездом Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнева». Об этом событии сейчас здесь можно услышать буквально повсюду. «Визит Л. И. Брежнева, — писала на днях еженедельная газета «Ди тат», — сердечно приветствуется в Федеративной республике... Это будет самый важный государственный визит, который когда-либо проходил в ФРГ».

Месяц май богат знаменательными датами в летописи Европы. 28 лет назад разгромом нацистского рейха закончилась война. Из великой книги истории нельзя вычеркнуть ни единого слова. Советские люди никогда не забудут тех неисчислимых жертв, ценой которых была завоевана победа. Точно так же и немцы в Западной Германии будут помнить о страданиях, которые принесла им развязанная нацистами война, о тяжких уроках национальной катастрофы.

Многие западные немцы высоко оценили слова из первомайской речи Л. И. Брежнева: «Мы презираем преступления кровавого прошлое Европы не для того, чтобы забыть его, а для того, чтобы оно никогда не повторилось. Ныне, когда социализм стал могучей, неодолимой силой в жизни Европы, это стало вполне реальной задачей».

Миролюбивая политика СССР привела к прорыву фронта «холодной войны» и положила начало разрядке в отношениях между государствами двух систем на нашем континенте. В Западной Германии высоко оценивают ту роль, которую сыграл в осуществлении этого исторического поворота Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Присужденная ему международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» рассматривается здесь как высокая оценка огромного личного вклада Л. И. Брежнева в дело европейской и всемирной разрядки.

В свою очередь, нынешнее правительство ФРГ, признав необратимость результатов второй мировой войны—неучшимость новых европейских границ и существование двух германских государств с различным общественным строем,—открыло путь к взаимовыгодному партнерству и общему улучшению политического климата в Европе. Большая заслуга в этом принадлежит канцлеру Willи Брандту, с чьим именем связана реалистическая «восточная политика».

Наблюдатели на Рейне считают знамением времени то обстоятельство, что оба государственных лидера, встретившись в ближайшие дни, наметят перспективы дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и ФРГ. Отношения эти имеют все шансы стать образцом взаимовыгодного конструктивного сотрудничества между странами с различными социальным строем и идеологией. С бонинской встречей в верхах здесь также связывают надежды на то, что 28 лет спустя после войны удастся заложить основы системы европейской безопасности.

Николай ПОРТУГАЛОВ,
собственный корреспондент АПН специально для «Литературной газеты»

БОННЕ. (По телефону)

ГЛУБОКОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

— Мы, в Индии, с особым удовлетворением встретили весть о том, что Л. И. Брежневу присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». С именем Л. И. Брежнева связаны важнейшие события, происшедшие за последнее время в мире. Назовем лишь некоторые — разрядка напряженности в Европе, прекращение военных действий во Вьетнаме, первые шаги по ограничению гонки стратегических вооружений. Каждое из этих событий является историческим и имеет огромное значение для дела мира...

Это говорит мне известный индийский специалист по международным проблемам, проректор Делийского университета профессор В. П. Датт. Имя Датта хорошо известно широким кругам индийской общественности. Его статьи с анализом международной обстановки оказывают несомненное влияние на формирование общественного мнения страны.

— Постановление апрельского Пленума ЦК КПСС, принятое по докладу Л. И. Брежнева, первомайское выступление Л. И. Брежнева на Красной площади, — говорит далее профессор Датт, — проникнуты стремлением к миру, к проведению политики мирного сосуществования, которая была сформулирована еще великим Лениным. Мир очень нужен развивающимся странам, которые совсем недавно сбросили цепи колониального гнета. Советский Союз внес огромный вклад в обеспечение безопасности и укрепление суверенитета афро-азиатских государств. Где бы ни шла битва за национальное освобождение, СССР всегда оказывал помощь народам, борющимся за независимость. Вспомним хотя бы развитие событий на нашем южноазиатском субконтиненте. Индийско-советский договор о мире, дружбе и сотрудничестве оказал могущую поддержку идеу укрепления независимости Индии и Бангладеш, восстановлению мира на субконтиненте.

— Другой характерный пример,—говорит В. П. Датт, — наше экономическое сотрудничество. Советский Союз помогает развитию именно тех отраслей индийской экономики, которые делают нашу страну экономически независимой, — тяжелой металлургии, машиностроения, нефтедобывающей промышленности, энергетики. Такую помощь СССР оказывает и другим развивающимся государствам. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что Коммунистическая партия и правительство Советского Союза проводят последовательную политику, направленную на укрепление независимости афро-азиатских стран, которая непосредственно связана с борьбой за сохранение мира. Мы глубоко благодарны советскому народу за его усилия по обеспечению мира и безопасности на земле...

О миролюбивом курсе Советского государства пишут в эти дни индийские газеты, заявляют многие политические и общественные деятели. Индийская пресса особо выделяет слова Л. И. Брежнева из его первомайского выступления о том, что крепнут и углубляются искренняя дружба и плодотворное сотрудничество Советского Союза с Индией, арабскими государствами, со всеми миролюбивыми свободолюбивыми странами Африки, Азии, Латинской Америки.

«В своем обращении, произнесенном с трибуны Мавзолея В. И. Ленина, — пишет влиятельная центральная газета «Таймс оф Индиа», — Л. И. Брежнев особо упомянул Индию, чтобы вновь заявить о верности крепнущим узам советско-индийской дружбы».

Обозреватели отмечают, что дальнейшее развитие сотрудничества между Советским Союзом и Индией отвечает коренным интересам народов обеих стран.

Борис КАЛЯГИН,
собственный корреспондент Всесоюзного радио — специально для «Литературной газеты»

ДЕЛИ. (По телефону)

ОГРОМНЫЙ ВКЛАД

Небывало широкий отклик получили в американской печати последние важнейшие события в нашей стране: Пленум ЦК КПСС, первомайская демонстрация и речь на Красной площади Л. И. Брежнева, присуждение Л. И. Брежневу международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

«Советы подчеркивают тему мира» — гласит заголовок в газете «Крисчен сайенс монитор». «Ведущей мелодией первомайской демонстрации в Москве, — пишет московский корреспондент этой газеты, — было: «Брежнев и мир». Корреспондент даже подсчитал, что в речи на Красной площади слово «мир» было произнесено 18 раз. Конечно, такого рода «арифметический анализ» не претендует на глубину, но тем не менее он помогает донести до сознания американского читателя тот факт, что стремление к миру — главная черта советской внешней политики.

Любопытно, что даже в комментариях, выдержанных в привычном для здешней «большой» печати духе упражнений в «кремлеведении», главная идея остается той же: Советский Союз проводит политику разрядки международной напряженности и твердо намерен придерживаться этой линии и в будущем.

Ваш корреспондент обратился к национальному председателю Коммунистической партии США Генри Винстону с просьбой прокомментировать сообщение о присуждении Ленинской премии Л. И. Брежневу.

— Это решение, — сказал товарищ Винстон, — доставляет большую радость как мне, так и всей нашей партии, а также, конечно, и всем сторонникам мира в США. Товарищ Брежнев заслужил эту премию более чем кто бы то ни было, именно он сыграл исключительную и ведущую роль в осуществлении процесса разрядки международной напряженности, руководит борьбой за мир в Европе, за торжество принципов мирного сосуществования, за то, чтобы положить конец угрозе ядерной войны. За все то, что товарищ Леонид Брежнев сделал и делает для дела мира, он заслуживает признания всех людей на земле. В этой деятельности нашла свое выражение замечательная внешняя политика Советского Союза, которая отвечает насущным интересам всего человечества...

Ваш корреспондент обратился также к Ричарду Морфорду, директору Национального совета американо-советской дружбы.

— Господин Брежнев, — сказал Р. Морфорд, — внес огромный личный вклад в дело укрепления международного мира, и в частности в дело улучшения отношений с Соединенными Штатами, взаимопонимания между нашими двумя странами. Активисты, объединенные вокруг Национального совета американо-советской дружбы, много лет работали во имя дружбы между нашими народами. И естественно, что мы шлем господину Брежневу наши самые горячие поздравления с этой заслуженной им наградой — международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

РЕПЛИКА

НИЧЕМУ НЕ НАУЧИЛСЯ...

Китайская народная мудрость предупреждает: не держи камень за пазухой— тебе же не ноги упадет.

Этому благоразумному совету, увы, не внял один из наиболее активных пекинских функционеров Ляо Чэн-чжи. Отправившись более трех недель назад в вояж по Японии в качестве председателя общества китайско-японской дружбы и руководителя многочисленной делегации этого общества, он прихватил из дому увесистые антисоветские кирпичи. Правда, до поры до времени этот «дипломатический груз» так и оставался у него за пазухой, поскольку японская общественность еще до вступления Ляо на японскую землю настоятельно предостерегала его от антисоветских выпадов. 16 апреля, например, токийская газета «Санкэй симбун» писала в передовой статье:

«Содействие развитию японо-китайской дружбы ни в коем случае не должно порождать трения между Японией и третьими странами. В частности, необходимо проявлять особую осторожность в отношениях с СССР. Если прогресс в японо-китайских отношениях приведет к обострению китайско-советских отношений или регрессу в японо-советских отношениях, то это будет идти вразрез с тенденцией к стабилизации положения в Азии, к чему стремится Япония».

Предупреждение дипломатичное, но недвусмысленное. Впрочем, на всякий случай—вдруг Ляо Чэн-чжи сделает вид, что не понимает языка дипломатии, хотя и является советником МИД КНР, — газета «Джапан таймс» высказалась прямее: «Некоторые должностные лица японского МИДа боятся, что члены миссии Ляо... будут критиковать позицию Советского Союза... Указывают, что правительственные должностные лица испытали замешательство, когда китайцы стали нападать на Советский Союз на нынешней сессии Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока» (сессия проходила в Токио).

После такого предупреждения уже нельзя делать вид, будто не понимаешь, от чего тебя предостерегают! И Ляо вынужден был, скрепя сердце, держать кирпичи за пазухой, в язык за зубами. Однако в конце концов он нашел «выход»: на собрании китайцев, проживающих в районе Касай, Ляо выступил с клеветническими антисоветскими заявлениями. Вроде бы он и в японские дела не вмешивался, поскольку китайская аудитория — это не японская аудитория, и в то же время высказал все, что ему давно хотелось высказать.

Однако «дипломатические хитрости» маоистов столь же неуклюжи, как и пекинская пропаганда. Японская общественность быстро раскусила трюк Ляо Чэн-чжи. Газета «Нихон кэйдзай» на следующий же день сообщила: круги МИДа в Токио расценивают высказывания Ляо как стремление помешать улучшению отношений между СССР и Японией. Полагают также, пишет газета, что эти высказывания являются, по-видимому, «предупреждением против японо-советского экономического сотрудничества».

Мы уже сообщали однажды об интервью, данном Ляо Чэн-чжи в Пекине, когда он обрушился с бранью на планы советско-японского экономического сотрудничества (см. «ЛГ» от 21 марта). Тогда эта брань получила в Японии заслуженную отповедь. Минувший опыт, однако, ничему не научил пекинского функционера.

Б. СВЕТОВ

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Джеймс ОЛДРИДЖ: Я ИСПЫТЫВАЮ ОСОБУЮ ГОРДОСТЬ

В Москву прибыл известный английский писатель и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж. Его романы «Дело чести», «Морской орел», «Дипломат», «Герои пустынных горизонтов», «Последний изгнанник», «Не хочу, чтобы он умирал», «Сын земли чужой», страстные публицистические статьи, активное участие в движении борцов за мир снискали ему широкое признание. Олдридж был одним из двенадцати английских писателей, положивших в 1951 году начало организации «Писателя за мир». В 1953 году июри Всемирного Совета Мира присудило Олдриджу золотую медаль за роман «Дипломат».

Прошло уже тридцать лет с момента опубликования писателем его первой книги. И на протяжении всего этого времени Олдридж стремится изображать жизнь в ее революционном развитии; его романы, несмотря на трагизм изображенных в них конфликтов, пронизаны социальным оптимизмом, в своем творчестве он руководствуется законами подлинного гуманизма. «После революции 1917 года у людей появились новые представления о чести, мужестве, долге. И нет более высокой морали, чем эта новая мораль», — пишет он в одной из своих последних статей.

7 мая Джеймс Олдридж был принят в Союзе писателей СССР. Секретари правления В. М. Озеров, С. В. Сартаков и Ю. Н. Верченко тепло поздравили английского писателя с высокой наградой — международной Ленинской премией. Состоялась дружеская беседа.

Наш корреспондент А. Миндалевская попросила Джеймса Олдриджа ответить на несколько вопросов.

— Как вы оцениваете реальные сдвиги, которые наметились в последнее время в деле разрядки напряженности на европейском континенте?

— По-моему, впервые за многие десятилетия народы Европы могут говорить о том, что наступают времена, когда они будут спокойно жить, работать, любить, творить, радоваться, не боясь, что их подстерегает война. Но за все это надо еще бороться и бороться, ни на минуту не давая себе передышки, ни на минуту не позволяя себе расслабиться...

— И в заключение традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас занимаюсь второй частью романа «Дипломат». В ней действуют те же герои, что и в первой части, написанной еще в 1949 году. И хотя время действия — не 1945—1946 годы, а наши дни, проблемы, стоящие перед героями романа, до, впрочем, и перед всеми моими современниками, те же. Народы «третьего мира» борются за политическую, экономическую и национальную независимость. Они хотят спасти свою культуру, свою жизнь от посягательств неоколониалистов. Каковы же ответственность и роль «человека Запада» в этом процессе? — спрашиваю я в романе. Как отражается освободительное движение народов Востока на западном обществе? Народы Востока стремятся к свободе и независимости, а империалистический Запад пытается сохранить свои колониалистские позиции. Вот этот конфликт, эту борьбу я и пытаюсь отразить в новой части романа.

ГОТОВЯСЬ К КОНГРЕССУ В МОСКВЕ

На днях в Варшаве закончилась международная консультативная встреча деятелей культуры, организованная в столице Польши по инициативе Всемирного Совета Мира в рамках подготовки к Всемирному конгрессу миролюбивых сил в Москве.

В центре двухдневных дискуссий представителей культуры, приехавших из многих стран Европы, Америки, Азии и Африки, были вопросы активизации борьбы за мир и проблемы укрепления безопасности народов. Большое внимание было уделено роли деятелей культуры в деле защиты мира.

Среди выступавших член индийского парламента Кришна Менон, профессор Белградского университета Амилия Аврамо, вице-президент Академии педагогических наук СССР Антонина Хрипкова, Георгий Наджаков (НРБ), индийский писатель Мулк Радж Ананд, Альфредо Варела (Аргентина) и другие.

Участники варшавской консультативной встречи единодушно приняли программу заседания комиссии культуры Всемирного конгресса миролюбивых сил. Этот документ затрагивает проблемы развития международного культурного обмена, использования достижений науки и просвещения в интересах мира и безопасности.

Было принято также обращение к деятелям культуры и науки всего мира. В этом документе говорится об огромной ответственности представителей интеллектуального труда за судьбы будущего и содержится призыв ко всем культурным организациям — присоединиться к тем, кто уже заявил о своем участии во Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве.

Участникам встречи прислали приветствия и пожелания успехов в благородном деле защиты мира поэт Пабло Неруда (Чили), писатель Альберт Кан (США) и другие.

По окончании обсуждения встречи, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Р. Чандра подчеркнул, что она еще раз доказала солидарность деятелей культуры в деле защиты всеобщего мира.

В заключительный день встречи состоялось торжественное заседание ее участников, посвященное памяти выдающегося борца за мир Пабло Пикассо и 25-й годовщине Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира, который проходил в 1948 году во Вроцлаве.

ТЕЛЕКС

КОННЭЛЛИ-РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Бывший губернатор штата Техас Джон Коннэлли официально объявил о своем переходе из демократической партии в республиканскую. «Многие политические деятели считают, что это первый шаг в кампании Коннэлли с целью добиться выдвижения его кандидатуры в президенты от республиканцев на выборах 1976 года», — пишет «Нью-Йорк таймс».

ТАСС

200-я ПЕРЕСАДКА СЕРДЦА

Француженка Мария Кармен Гуэрра, 53 лет, умерла в Ионе через 26 дней после того, как ей сделали операцию по пересадке сердца. Она была двухсотым пациентом в мире, подвергшимся такой операции. Во Франции сейчас в живых остался лишь один человек с пересаженным сердцем — марселец Витриа, который перенес соответствующую операцию несколько лет назад.

Рейтер

СКОЛЬКО В МИРЕ АВТОМАШИН

В настоящее время в мире насчитывается 200 миллионов автомашин, допущенных к эксплуатации. К 1980 году их число возрастет до 300 миллионов, а к 1990 году — до 400 миллионов, сообщает западноберлинская газета «Дер Тагесшпигель», ссылаясь на данные организации экономического сотрудничества и развития. Эксперты этой организации опасаются, что для такого огромного количества автомашин в мире окажется недостаточно горючего.

ТАСС

КОКТЕЙЛЬ... ИЗ СТОЧНЫХ ВОД

Принятия более строгих мер по отношению к фирмам, сбрасывающим в водоемы промышленные отходы, потребовало объединение американских рыболовных обществ. Многие реки уже полностью непригодны для ловли рыбы. Дунай ниже Вены, а также реки Му, Ибс, Агер все более превращаются, по выражению австрийской печати, в «коктейль из сточных вод».

ТАСС

СЕКРЕТ ДОЛГОЛЕТИЯ

В деревне Вилкабамба (Эквадор), расположенной на высоте пяти тысяч футов над уровнем моря, живет один из старейших людей в мире, родившийся в 1830 году. Еще девяти жителям этой деревни более ста лет. Секрет долголетия врачи объясняют отсутствием стрессов, а также вегетарианской пищей: старики питаются овощными супами, свежими фруктами; их суточный рацион составляет 1700 калорий, то есть половину того, что имеют англичане. Врачи с удивлением констатировали, что долгожители не прочь выпить и покурить: некоторые из них выкуривают по 40 — 60 сигарет в день.

«Майнити дейли ньюс» (ТОКИО)

ОСПА НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ

В Англии регистрируются все новые случаи заболевания оспой. Имеется несколько смертных случаев.

«Ньюс телеграф» (ЛОНДОН)

ЛУВР ПЕРЕПОЛНЕН

Незадолго до смерти Пабло Пикассо выразил пожелание, чтобы принадлежавшая ему коллекция произведений французских художников — Ренуара, Матисса, Леже, Модильяни и других — была передана Лувру и экспонирована в отдельном зале. Власти, однако, не могут выполнить волю покойного из-за отсутствия места в музее. Коллекцию предполагается разместить в здании бывшей железнодорожной станции Орлан.

«Гардиан» (ЛОНДОН)

БЕГУТ ИЗ КИТАЯ

Число беженцев, проникших из Китая в Гонконг в первые четыре месяца нынешнего года, превысило более чем вдвое число беженцев за тот же период прошлого года. Почти все беженцы добираются в Гонконг на рыбацких джонках и других небольших лодках или же вплавь через бухту шириной в несколько миль.

Ассошиэйтед Пресс

РОСТ ЦЕН

В Италии продолжается стремительный рост цен на продукты питания. Только за последние четыре месяца цены на мясо увеличились на 10 процентов, на фрукты и овощи — на 25 процентов. Непрерывно дорожают также хлебобулочные изделия, рыба, сыр и другие продукты ежедневного рациона итальянцев.

ТАСС

БРЯЦАЮТ ОРУЖИЕМ

В обстановке шовинистического угара и милитаристского психоза израильские правящие круги провели в Иерусалиме военный парад, посвященный 25-летию Израиля. Опасаясь возможных антиправительственных выступлений со стороны прогрессивной израильской общественности и коренного населения оккупированной арабской части Иерусалима, по которой также проходил парад, власти приняли чрезвычайные меры предосторожности: на улицах города курсировали усиленные полицейские патрули и армейские подразделения.

ТАСС

РЕЗОНАНС

* УРОКИ БРАТСКА — ПОРА ИЗВЛЕЧЬ ИХ НА ДЕЛЕ
* СТАНДАРТ — КРАСОТЕ НЕ ПОМЕХА
* АВТОЛЮБИТЕЛЮ — ИНДУСТРИЮ УСЛУГ!

ГОСПЛАН СССР, Госкомитет СССР рассмотрят вопросы, поднятые в статье «Уроки Братска» в «Литературной газете» (см. ЛГ, номер 17 и № 18, 1973), и, учитывая, что статья обращает внимание на важность проблемы планового формирования территориально-производственных комплексов,

ГОСПЛАН РСФСР. Проблемы комплексного формирования территориально-производственных комплексов, подробно обсуждавшиеся в «Литературной газете», являются актуальными и требуют пристального внимания.

СОВЕТ ПО НАУЧНОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ СИЛ (СОПС) ПРИ ГОСПЛАНЕ СССР. Поддержав в «Литературной газете» вопросы, поднятые в статье, и, учитывая, что проблемы оптимальной организации научно-исследовательских работ, повышенной в этом отношении экономической отдачи от них, имеют большое значение для ускорения научно-технического прогресса,

ВНИИСИ ГОСКОМИТЕТА СССР ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ. Поддержав в «Литературной газете» вопросы, поднятые в статье «Уроки Братска», является правильным и своевременным.

СОВЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ (СОПС) ПРИ ГОСПЛАНЕ СССР. Поддержав в «Литературной газете» вопросы, поднятые в статье «Уроки Братска», и, учитывая, что проблемы оптимальной организации научно-исследовательских работ, повышенной в этом отношении экономической отдачи от них, имеют большое значение для ускорения научно-технического прогресса,

ВНИИСИ ГОСКОМИТЕТА СССР ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ. Поддержав в «Литературной газете» вопросы, поднятые в статье «Уроки Братска», является правильным и своевременным.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОВЕЛЛЫ ИПСС. Вопросы, поставленные в статье «Уроки Братска», является правильными и своевременными.

А. ЛЕВИКОВ, В. МОЕВ

ОТ ПРИЗНАНИЯ — К ДЕЙСТВИЮ!

ОБОЗРЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТВЕТОВ, МНЕНИЙ УЧЕНЫХ, ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

ЭКСПЕДИЦИЯ «КОМПЛЕКС» КАПИТАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Планы и формирование территориально-производственных комплексов

Пять недель, всего лишь пятницы и в планировании и в проектировании производственно-территориальных комплексов.

**Так более-менее ясно в Госплане СССР, Госкомитете СССР по делам изобретений и открытий, Госстрое СССР, Госплане РСФСР, Центральном совете по изучению производительных сил (ЦСПС) при Госплане СССР, Минсельстрое СССР, Минсельхозе СССР, Минсельмаше СССР, Минсельхозхимпроме СССР, Минмонтажспецстрое СССР, Минстройдормаше СССР, Минстройматериалах СССР, Минтрансстрое СССР, Минтяжстрое СССР, Минхимнефтемаше СССР, Минхимпроме СССР, Минмашприборостроении СССР, Минприборах СССР, Минсвязи СССР, Минпроекте СССР, Минстрое СССР, Минсоцобеспечении СССР, Минобразовании СССР, Минвузе СССР, Минсоцобеспечении РСФСР, Минобразовании РСФСР, Минвузе РСФСР, Минсельхозе РСФСР, Минсельстрое РСФСР, Минсельмаше РСФСР, Минсельхозхимпроме РСФСР, Минмонтажспецстрое РСФСР, Минстройдормаше РСФСР, Минстройматериалах РСФСР, Минтрансстрое РСФСР, Минтяжстрое РСФСР, Минхимнефтемаше РСФСР, Минхимпроме РСФСР, Минмашприборостроении РСФСР, Минприборах РСФСР, Минсвязи РСФСР, Минпроекте РСФСР, Минстрое РСФС

ОЧЕВИДНОЕ? НЕТ, ТОЛЬКО ДОКАЗАННОЕ

ОСНОВНАЯ идея статьи А. Гиганова «Сахалин—Ессентуки и обратно...» («ЛГ», № 5, 1973) о том, что назрела необходимость упростить уголовно-процессуальную форму по некоторым несложным делам, несомненно заслуживает поддержки.

В самом деле, процедура исследования обстоятельств некоторых простейших дел у нас, по-видимому, не вполне рациональна. Например, вызванный на допрос свидетель или потерпевший отказывается давать показания. Уголовный кодекс за такое преступление предусматривает сравнительно небольшое наказание (исправительные работы без лишения свободы на срок до шести месяцев, штраф до пятидесяти рублей или общественное порицание). Казалось бы, доказать это правонарушение и виновность совершившего его лица без ущерба для гарантий правосудия можно непосредственно в суде, не прибегая к дознанию или предварительному следствию. Для этого нужно составить протокол с участием понятых, тут же отправить правонарушителя вместе с протоколом в суд для решения дела по существу. Если же отказ от дачи показаний произошел в суде, соответствующее наказание может наложить и сам суд. Кстати, именно такой порядок успешно применялся вплоть до начала шестидесятых годов и вполне себя оправдал во всех наших союзных республиках в соответствии с ранее действовавшими законами. Поэтому он воспринят и некоторыми новыми УПК союзных республик (например, Грузинской и Литовской союзных республик). Однако кодексами большинства союзных республик, в том числе и РСФСР, в этом случае предусмотрено обязательное проведение предварительного следствия.

Таким образом, чтобы объявить общественное порицание или оштрафовать на 20—30 рублей, нужно чаще всего выполнить процедуру, связанную с возбуждением уголовного дела, вынести ряд постановлений и допросить нескольких лиц на предварительном следствии, предъявить обвинение и допросить обвиняемого, составить обвинительное заключение и направить дело прокурору, затем прокурор должен изучить все материалы дела, утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд. Но и после этого суд еще не вправе рассмотреть такое дело по существу. Оно еще должно пройти специальную стадию предания суду, на которой решают вопрос о том, можно или нельзя признать обвиняемого подсудимым и можно ли поставить дело на судебное разбирательство. Затем подсудимому должна быть вручена копия обвинительного заключения и предоставлено не менее трех суток для подготовки к защите на суде. И лишь после этого может быть начато разбирательство дела по существу...

Важные и сложные дела требуют, конечно, такой процедуры, это необходимо и вполне оправданно. В приведенном же случае она явно нецелесообразна и создает лишь ненужную волокиту, ставит преграды в применении уголовного закона к правонарушителям, что на практике нередко ведет к их безнаказанности.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Скажем, вряд ли есть необходимость во всех случаях проводить предварительное следствие по делам о покупке заведомо краденого. А именно таково требование закона, даже когда сделка совершена не в крупных размерах, лицо заступчиво с полными и вину свою полностью признает.

Вместе с тем хочу и серьезно возразить автору статьи «Сахалин—Ессентуки и обратно...» Важнейшим критерием для упрощения судопроизводства А. Гиганов считает «очевидность» правонарушения и «ясность» его обстоятельств. Эта мысль даже вынесена в подзаголовок его статьи.

Представляется, что такой подход противоречит краеугольным, азбучным положениям законодательства и теории уголовного процесса.

Критерии «очевидности» и «ясности» настолько неопределенны, что в науке, например, давно уже не принято на них полагаться. Очевидное и ясное для одних людей нередко оказывается вовсе не очевидным и совсем не ясным для других. Кроме того, «очевидность» нередко оказывается в противоречии с реальным положением вещей. В науке давно уже принято полагаться лишь на те факты, которые с достоверностью установлены, **доказаны по всем правилам науки.**

В сущности, такой подход давно уже утвердился и в уголовном судопроизводстве. Суд в соответствии с законом вправе вынести обвинительный приговор в отношении подсудимого, признать его виновным лишь при непременном условии, что **вина его с достоверностью доказана**, то есть непререкаемо установлена с помощью судебных доказательств по всем правилам уголовно - процессуального кодекса. Если же преступление для судьи либо для прокурора, следователя или лица, производящего дознание, очевидно (что вполне возможно, когда любое из этих лиц оказалось очевидцем преступления), то они не имеют права участвовать в производстве по данному делу. Они подлежат безусловному отводу и должны допрашиваться в качестве свидетелей.

Таким образом, «очевидность» преступления и «ясность» его обстоятельств никак не могут служить основанием для упрощения судопроизводства. Другое дело — возможность доказать непосредственно в суде эти обстоятельства (факт преступления, виновность обвиняемого и т. д.) без проведения предварительного следствия. Такие возможности по некоторым категориям дел действительно имеются.

Назрела необходимость специально выделить менее значительные уголовные правонарушения (проступки) и предусмотреть для них применение упрощенного судопроизводства. Такие меры позволили бы значительно приблизить наказание к моменту совершения правонарушения. Цели социалистического правосудия будут достигаться при меньшей затрате ресурсов, в том числе и такого ресурса, как мера уголовной репрессии, которой в условиях развитого социализма вполне возможно пользоваться гораздо экономнее. И особенно экономно, по-видимому, надо относиться к мерам, связанным с лишением свободы. В частности, не подумать ли о том, чтобы вместо ареста за некоторые нарушения на десять и более суток чаще применять арест на два или несколько выходных дней.

Далее, практика показывает, что когда один и тот же судья разбирает дела об опасных преступлениях наряду с делами о мелких нарушениях и проступках, то это отрицательно сказывается прежде всего на качестве рассмотрения сложных и важных дел. Поэтому представляется целесообразным из общей юстиции выделить юстицию специально для мелких дел, как это принято во многих странах. Это не потребует никаких дополнительных материальных затрат, но может значительно повысить эффективность деятельности наших органов юстиции, поскольку такая специализация отвечает требованиям современной научной организации труда в области уголовного судопроизводства и отправления правосудия.

А. ТРУСОВ,
кандидат юридических наук, доцент

СУД СКОРЫЙ И ПРАВЫЙ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», закончив в номере от 31 января дискуссию о Кодексе проступков (статья профессора В. Кудрявцева), в том же номере начала другую дискуссию — об усовершенствовании (упрощении) существующего порядка судопроизводства по некоторым делам (статья А. Гиганова «Сахалин — Ессентуки и обратно...»). И это закономерно, ведь в основе прошедшей дискуссии — при всем различии взглядов ее участников — лежала генеральная идея о необходимости дифференцировать ответственность за правонарушения различной тяжести. Таким образом, вопрос о дифференциации уголовной ответственности сразу же породил проблему дифференциации судопроизводства.

Одно из принципиальных положений нашего уголовного судопроизводства — его единство. В уголовно-процессуальных кодексах почти всех союзных республик записано, что «порядок судопроизводства является единым и обязательным по всем уголовным делам и для всех судов, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания». Из этого общего правила действующий закон установил ряд исключений, предусматривающих либо некоторое усложнение судопроизводства (по делам несовершеннолетних), либо некоторое его упрощение (дела о хулиганстве, частного обвинения и др.).

В науке уголовного процесса существуют по этому вопросу две противоположные концепции. Одни теоретики выступают за тотальную унификацию производства по всем без исключения делам, другие — эту унификацию отрицают полностью. Представляется, что правильный путь дальнейшего развития законодательства (а не необходимость такого развития прямо указано в Программе КПСС) состоит в том, чтобы, сохраняя демократический принцип единства судопроизводства по большинству дел, вместе с тем ввести усложненный порядок для дел о преступлениях, представляющих особую общественную опасность, и в то же время упрощенное судопроизводство для дел о проступках, которые, возможно, будут выделены в категорию «уголовных проступков».

Упрощенное судопроизводство, как правильно отмечается в статье А. Гиганова, проверено опытом не только других государств, но и применением УПК РСФСР 1922 года, принятого при жизни В. И. Ленина и учитывавшего необходимость соблюдения и другого важного принципа — наибольшей быстроты судопроизводства. В. И. Ленин писал: «Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро». Это требование относится и к деятельности суда, об этом примерно в то же время писал один из основоположников советской юстиции П. И. Стучка: «Народный суд должен быть судом правым, скорым и строгим».

Быстрота процесса — необходимое условие и действенности наказания. В середине шестидесятых годов был введен упрощенный порядок рассмотрения дел о хулиганстве, и это, несомненно, повысило эффективность борьбы с нарушителями общественного порядка. Настало время, по-моему, также ускорить рассмотрение дел о мелких хищениях, чаще всего совершаемых при бесспорных обстоятельствах (задержание с похищенным в проходной предприятия, в магазине и т. п.). Между тем правила расследования тут мало чем отличаются от расследования весьма сложных преступлений, крупных хищений. Таким образом, без всякой необходимости значительно отдаляется наказание, а расследование обходится государству гораздо дороже, чем стоимость похищенного.

Против упрощения порядка судопроизводства по несложным делам обычно возражают, ссылаясь на имеющие место отрицательные последствия «процессуального упрощенчества». Конечно, по особо важным делам ныне действующий порядок судопроизводства должен не упрощаться, а, наоборот, обставляться дополнительными гарантиями (скажем, требование единогласия судей при вынесении приговора и т. д.). Но это не имеет никакого отношения к разумной идее об упрощении судопроизводства по несложным делам. Судебная практика свидетельствует, что введение упрощенного порядка производства по делам о хулиганстве без отягчающих обстоятельств не привело к увеличению числа судебных ошибок по этой категории дел.

Нельзя признать основательным и высказываемое иногда опасение, что по несложному на первый взгляд делу могут при рассмотрении в суде возникнуть осложнения, которые приведут к судебной ошибке. В ранее действовавшем советском законе (статья 401 УПК РСФСР 1922 года), а также в современном процессуальном законодательстве ряда зарубежных государств (например, § 260 УПК ГДР) предусмотрена обязанность суда, если он сочтет дело сложным, направить его для расследования в обычном порядке.

В. АРСЕНЬЕВ,
заведующий отделом Всесоюзного НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР, доктор юридических наук, профессор

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

НУЖНО ЛИ УПРОЩАТЬ СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО НЕКОТОРЫМ НЕСЛОЖНЫМ ДЕЛАМ?

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Аркадий ВАКСБЕРГ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

ЗАКОНЧИЛОСЬ судебное следствие, прокурор и адвокат произнесли речи. Осталось заслушать последнее слово подсудимого и огласить приговор.

Председательствующий посмотрел на часы: половина шестого. Рабочий день уже на исходе. «Объявляется перерыв до завтра, — сказал судья. — До десяти утра...»

Адвокат по привычке спросил: «А когда приговор?» «В двенадцать, — ответил судья, давая понять старожам, что разрешает им пренебречь последним словом и явиться к полудню. Он не был педантом.

Ровно в десять судьи заняли места, оставив в совещательной комнате тома уголовного дела, потому что пробыть в судейских креслах им предстояло минуту, не больше. Встанет подсудимый, пробубнит себе под нос: «прошу не лишать свободы, или «не наказывайте строго...», или еще того обычнее — «на ваше усмотрение...». И судьи тут же вернутся обратно, чтобы писать приговор.

Но они не вернулись ни через минуту, ни через час.

Подсудимый, Василий Васильевич Горчаков, двадцати четырех лет от роду, образование среднее, беспартийный, холост, дважды судимый за хулиганство, встал и сказал нечто совершенно ошеломительное:

— Насчет обвинения в краже из ящика табачного ларька... Прошу учесть, что два свидетеля, которые меня опознали, в темноте могли ошибиться. Сигареты, которые нашли у меня, есть у тысяч людей, никаких следов того, что они ворованные, на них нет. Что же остается? Ничего. Домыслы и подозрения. Я два раза судим, и веры мне нет. Потому и решили списать на меня нераскрытую кражу. Я так считаю. Надеюсь, вы, граждане судьи, разберетесь объективно и меня оправдаете. Но отпускать меня на волю пока не надо. Потому что я преступник...

Чуткую тишину расколол звонкий девичий выкрик: «Вася!..» Расколол — и осекся, и было в этом коротеньком слове столько отчаяния, что никто не зашикал, даже судья не слишком-то строго бросил на девчушку проницательный взгляд. И Горчаков посмотрел туда же, сказал: «Мила, не плачь, если любишь — дождешься, тогда заживем, как люди».

Подсудимый начал издалека. Из такого далекого далека, что судья мог бы тут же вернуть его к истории с табачным ларьком. Ибо закон ясен: «...Председательствующий вправе останавливать подсудимого в тех случаях, когда он касается обстоятельств, явно не имеющих отношения к делу».

Но судья молчал. Молчал и слушал, хотя Горчаков «касался» явно не обстоятельств дела. Он рассказывал о своем детстве. О том, как в четыре года лишился отца (тот погиб, сорвавшись со строительных лесов), а в шесть — матери, которая перед этим долго и трудно болела. Как взяла его к себе тетка и как рос он в этой семье. Мальчишка помнил отца, но дядя Ваня, муж тетки, непременно хотел, чтобы «приемыш» звал его папой. «Отцовство» свое утверждал не лаской. И не ремнем. Палкой.

К тому же дядя Ваня ни на день не «просыхал». От полноты отношениях: и пить «завязали», и в дом, где вырос, решил не возвращаться. Не так это просто — в ранней юности оказаться без крова, без родных, без средств к существованию, без образования, без профессии, с пятном в биографии, которое, хочешь не хочешь, то и дело напоминает о себе. Не так просто пройти через все это и не сбиться с пути. А он не сбился. В какие только компании не зазывали: устоял. Снял угол. Устроился на завод. И встретил девушку, которую полюбил.

Она тоже его полюбила. Вроде бы полюбила... Ладно, сказала она, выйду я за тебя замуж, если только позволит мама. Она была примерной дочерью, и ему нравилось это. Тем больше нравилось, что сам он, увы, примерным сыном уже быть не мог.

Легко догадаться: мама не позволила. Ее единственная дочь заслуживала, разумеется, лучшей доли. Уголовников, слава богу, в их семье еще не было. И не будет.

Вот тогда-то он снова напился. Словно недоделка внутри ниточка, которая удерживала его от порочных соблазнов. Все ему было теперь нипочем, и расплата пришли не замедлила. Он опять нахулиганил и опять получил срок. И на волю больше не рвался: перечеркнул, сказал Горчаков, свою жизнь жирным крестом. Перечеркнул, несмотря на то, что девушка, которой мама не разрешила сочетаться с ним браком и которая косвенно была причастна к его беде, писала ему письма. А он не отвечал — не от злости, а от отчаяния: если мама **тогда** не разрешила, то уж теперь и вовсе не разрешит... Скоро и девчонка перестала писать, так что жирный крест перечеркнул, казалось, не только его жизнь, но и их любовь.

Вот тут и подвернулся Валерка. Был бы он парень чужой («посторонний» — осторожно выразился Горчаков), еще куда ни шло. Но Валерка был сыном дяди Вани от первого брака. Родственничек... «Воспользовался, понимаете, моим положением... (Это я цитирую Горчакова). Нашептал про меня разные глупости. Она и поверила — что с нее взять? Дурная была... Словом, добился своего, соблазнил...»

Он молчал чуть дольше, чем принято, и судья спросил:

— У вас все?

— Нет... — неуверенно произнес Горчаков.

— Тогда продолжайте.

Слова, как видно, не шли. Он ждал вопросов. Но вопросов не было и быть не могло. Допрос окончился, шло последнее слово. Последнее — когда никто не может ни перебить, ни оспорить, ни уличить. Когда подсудимый остается с судом один на один и говорит то, что **он** считает нужным. Только он, и никто больше.

Пауза была мучительно долгой. Горчаков откашлялся, снова окреп его голос.

Он отбыл срок — второй срок — «от звонка до звонка». В родные края не поехал: «не тянуло на пепелище». Колония дала ему аттестат зрелости и две профессии: слесаря и шофера. За плечами были возраст и трудный жизненный опыт. И глубокое убеждение в том, что надо начинать жить по-новому.

Но и для девчонки, с которой он расстался несколько лет назад, годы тоже не прошли даром. Она обрела то, чего не имела: характер. Она разыскала своего глупого Ваську и заставила его поверить. В себя и в нее. И еще она заставила его вернуться в родной город. Потому что там было не пепелище, а дом. Ее дом и, значит, его.

Это, наверно, и была роковая ошибка, потому что здесь, именно здесь, перед тем как отправиться в загс, она рассказала ему про Валерку. И он ничего не ответил, не упрекнул, принял рассказ ее с нарочитым спокойствием, только качал головой и цедил сквозь зубы: «Ловко... Мастак...» Она даже обиделась: неужели ему все равно? А ему не было все равно: уже с первых ее слов он знал, как поступит.

— Так вот, граждане судьи, — сказал Горчаков, — в ту ночь, когда воры ограбили табачный ларек, я был у Валерки. Говорили без свидетелей. Больше руками. Точнее — кулаками... Правда, я пострадал не очень, слабак этот Валька. А его разукрасил я здорово. Три недели валялся. Вон посмотрите, и сейчас еще скула набок. А не жалуется. Почему?

Горчаков тянул пальцем в воздух, и все, буквально все повскакали со своих мест, чтобы посмотреть, на кого он показывает. И я, каюсь, тоже вскочил, повинуясь невольному любопытству, но плотная стена других любопытных напрочь закрыла от меня человека с перекошенной скулой, пришедшего сюда, очевидно, за тем, чтобы мстительно насладиться позором своего соперника и врага.

Судья долго водворял порядок, а когда все наконец уселись и угомонились, Валерка поднялся и, втянув голову в плечи, вышел. Его никто не задерживал.

— У вас все? — снова спросил судья, и Горчаков упрямо ответил:

— Нет! Еще немного... Вы, возможно, подумаете: хочет Горчаков уйти от ответственности. Но ведь мне все равно, за что сидеть, срок примерно один — что за ларек, что за Валерку. Хочу правды, вот чего я хочу. Почему не говорил об этом раньше — думаю, вы поймете. А не поймете — что ж, сидите за ларек, в претензии не буду. Отсижу свое и начну жизнь с нуля. Я так думаю: кто может в любой момент начать с нуля, тот еще человек. А нет — пиши пропало.

ВСЕМ ИЗВЕСТНО: подсудимый произносит последнее слово. Но что это за слово? Почему последнее? Зачем вообще оно нужно, и чем оно отличается от слов не последних?

Для свободного, откровенного монолога подсудимого издавна создала правовая мысль институт, именуемый последним словом. Потому что суду, перед тем как он удалится в совещательную комнату для вынесения приговора, необходимо знать, что сам подсудимый думает о себе, о своем преступлении, о том, что произошло в зале суда. Оказал ли на него процесс воспитательное воздействие? Или он по-прежнему хитер и расчетлив? Вопреки фактам, вопреки логике, цепляется за соломинку в надежде хоть как-нибудь выплыть? А может быть, искренне и обоснованно стремится предотвратить ошибку?

Вот что надо знать суду, если он хочет вынести объективный, справедливый, с максимальной степенью предвидения рассчитанный приговор. Предвидения того, насколько приговор окажется эффективным, насколько эта мера наказания нужна **этому** подсудимому, в не какому-то абстрактному преступнику, совершившему деяние, квалифицированное по такой-то статье.

Да вот беда: ничего подобного из последнего слова суд обычно не узнает. Потому что на практике последнее слово нередко представляет собой пустую формальность. «На ваше усмотрение...» — ничего не значащая, ничего не выражающая, сорняковая фраза слишком часто заменяет собою то, что из уст подсудимого должно прозвучать.

Легко сказать: должно... Существуют методики судебных речей, обвинительных, защитительных, но нет и не может быть методики последнего слова. Этому искусству впрок не обучают. И слава богу. Человек, произносящий последнее слово, меньше всего мыслится как искусный оратор, точно рассчитывающий впечатление, которое он произведет на судей.

Но он мыслится как человек, точно знающий, зачем ему будет дано последнее слово, что он может в процессе и что — не может. Иначе гарантированное ему законом право на защиту останется мертвой буквой.

Закон предусмотрел обязанность судьи в начале процесса разъяснить подсудимому его права. И судья разъясняет: «Вы имеете право заявить отвод... возбуждать ходатайства... участвовать в допросе свидетелей... произнести последнее слово... Вам понятны ваши права?» — «Понятны...»

А что, собственно, ему понятно? В каких случаях он может дать отвод судье? Чем ходатайство отличается от показаний? Для чего предусмотрено последнее слово? Этого, как правило, подсудимый не знает, потому что перечисление прав и разъяснение прав — далеко не одно и то же.

И добро бы хоть все права перечислялись!.. Подсудимый может ставить вопросы перед экспертом и лично участвовать в его допросе, он может настаивать на осмотре вещественных доказательств, местности и помещения, где совершено преступление, на оглашении документов, приобщенных к делу. Он многое может, об этом в интересах истины позаботился закон, но правилами судебной процедуры не предусмотрено даже уведомление подсудимого о полном комплексе его процессуальных полномочий. А ведь от такой осведомленности зависит, насколько демократические гарантии законности, предусмотренные советским правом, будут реализованы, будут пущены в дело и, значит, послужат страховкой от возможной ошибки, послужат торжеству правосудия.

Растолковать (а не просто перечислить!) подсудимому его права мог бы и судья, и следователь, который имеет с обвиняемым непосредственный и длительный контакт, и адвокат. А еще того лучше, мне думается, — составить, утвердить и издать небольшую брошюру, где внятно и доступно, с максимально возможной полнотой разъяснялись бы права подсудимого, их назначение, смысл. И чтобы давалась эта памятка под расписку каждому, кому предстоит держать ответ перед законом. Чтобы судьи, приступая к рассмотрению дела, удостоверились: подсудимый **действительно** знает **свои** права, понимает их назначение и может ими пользоваться.

Свои, ибо права защитника и права подсудимого далеко не идентичны, у каждого на них в процессе свои функции, да и не во всех делах участвует адвокат, а постижение истины происходит во всех. И во всех, абсолютно во всех решается судьба человека.

...А ГОРЧАКОВ, между прочим, на «прогадал», решившись на исповедь в последнем слове. Дело возвратили доследовать, ну и, как говорится, факты полностью подтвердились. Вот только истинного грабителя (или грабителей), посягнувшего на табачный ларек, насколько я знаю, не нашли. Упустили... Горчакова же снова судили, теперь уже за то, что он и впрямь совершил. Учли смягчающие обстоятельства. И отягчающие (третья судимость). Словом, все учли, что положено. Он опять отбыл свой срок и на днях, буквально на этих днях вернулся домой. Ведь у него теперь был свой дом. Дом, где его ждали.

Так что у истории этой благополучный конец. А все потому, что судья терпеливо выслушал горчаковский монолог. Мог и не выслушать: та самая оговорка в законе, которую я уже приводил давала ему такое право.

И здесь вполне уместен вопрос: а как, собственно, определить, слушая последнее слово, что относится и что не относится к делу? Все, что бы ни сказал подсудимый в последнем слове, если только это не нарушает общепринятых норм нравственности, судьям вовсе не безразлично. Ибо раскрывает духовный мир человека, судьба которого находится в их руках. Ибо свидетельствует о его умонастроении, о глубине его переживаний, о серьезности отношения к содеянному — словом, о том, чего не может суд не учесть, определяя меру наказания.

И ведь вот что интересно: в уголовно-процессуальных кодексах трех союзных республик — Украины, Узбекистана и Казахстана — оговорки насчет «права останавливать подсудимого» попросту нет. Многие юристы (например, проф. М. С. Строгович) считают, что такое решение более предпочтительно. Убежден, что они правы. Ибо если что-нибудь «угрожает» суду в последнем слове, так вовсе не многоречивость, а лапидарность. Или точнее: неумение выражать свои мысли, незнание того, о чем и как говорить.

Каждый раз, когда оканчиваются прения сторон и председательствующий произносит: «Подсудимый, вам предоставляется последнее слово», — я с волнением жду: вот сейчас он поднимется и скажет...

Ну, так что же он скажет?

Прокурор.

Фото Ф. БОГАТЫРЕВА

МИРОВОЙ ОКЕАН — НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕКУ

ПОД СОВЕТСКИМ ФЛАГОМ

МИНИСТР МОРСКОГО ФЛОТА СССР Т. Б. ГУЖЕНКО ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

На большой карте в кабинете министра морского флота СССР Тимофея Борисовича ГУЖЕНКО тончайшей паутинной линий обозначены маршруты, по которым следуют суда под советским флагом. Их около 1600, и они перевозят грузы в тысячу портов 100 стран.

Линии на карте пересекают четыре океана, 68 морей, 20 заливов — почти весь Мировой океан. Советский Союз ведет широкую международную торговлю, и без флота тут не обойтись.

Обозреватель «Литературной газеты» М. МАКСИМОВ попросил министра ответить на несколько вопросов, связанных с международным сотрудничеством в области судоходства.

Нашему столетию присвоено много имен. О нем говорят — век космический и атомный. Его называют веком информации и кибернетики. Но все чаще звучит имя: «Век акванавтики. Акванавтика — наука, изучающая тайны Мирового океана, проникающая в глубины морей. Знание тайн океана позволит развить новую отрасль — морскую экономику, поможет поднять рыболовство, решить проблему опреснения морской воды, составлять более точные прогнозы погоды. В недалеком будущем Мировой океан, вероятно, в большой степени будет удовлетворять потребности человечества в металлах, нефти, угле, в химическом сырье, в животных белках...

Но проблемы Мирового океана на в состоянии решить каждая страна в отдельности. Необходимы совместные усилия. Об одном таком рабочем содружестве — специализированном объединении социалистических государств — рассказывается в интервью, которое дал корреспонденту «Литературной газеты» Ю. СИНЯКОВУ директор Института океанологии член-корреспондент АН СССР Андрей Сергеевич МОНИН.

ВОПРОС. Тимофей Борисович, в последние годы резко возрос интерес к Мировому океану. Его проблемы и связанные с ними политические, экономические и правовые вопросы привлекают все больше внимания правительств и общественности различных стран, широко обсуждаются на международных конференциях.

В чем, по-вашему, причина столь возросшего интереса?

ОТВЕТ. Мировой океан, как известно, занимает 71 процент поверхности земного шара. Через него проходят основные пути, обеспечивающие связи между странами и континентами. С незапамятных времен человек использует Мировой океан для судоходства, для развития международной торговли.

Роль Мирового океана в жизни человечества особенно повысилась в последние годы. Связано это с колоссальным прогрессом науки и техники, с активизацией межгосударственных связей и возросшими техническими возможностями разработки и использования его огромных биологических и минеральных ресурсов. Значительное развитие получила и традиционная деятельность на море — судоходство.

За период с 1950 по 1972 год тоннаж мирового торгового флота возрос с 85 миллионов регистровых тонн до 268 миллионов, то есть более чем в 3 раза. Сейчас морскому транспорту принадлежит ведущая роль в международном обмене: морем перевозится 78 процентов физического объема внешнеторговых грузов.

Немалая доля в этом обмене приходится на советский морской флот.

До революции Россия выплачивала заграничным судовладельцам ежегодно фрахтовую* дань по 100—150 миллионов долларов. А сегодня мы сами предоставляем свои суда зарубежным странам для перевозки их грузов. Советский Союз, наша партия и правительство постоянно заботятся о развитии морского флота, его технического совершенствования. В Директивах XXIV съезда КПСС предусматривается увеличить грузооборот морского транспорта за пятилетку в 1,4 раза. Мы пополняем и будем пополнять наш флот высокоэкономичными, универсальными и специализированными судами с комплексной автоматизацией управления механизмами и системами, то есть делать все необходимое, чтобы удовлетворить потребности страны во внешнеторговых и каботажных перевозках.

ВОПРОС. Недавно в Москве состоялось 43-е заседание Постоянной комиссии СЭВ по транспорту. Какие проблемы судоходства решает эта комиссия?

ОТВЕТ. Постоянной комиссией СЭВ по транспорту и на двусторонней основе согласовываются и координируются перспективные планы развития морского транспорта стран — членов СЭВ. Планы предусматривают расширение научно-технического сотрудничества, открытие новых судоходных линий. Скажем, на Черном море начала действовать регулярная контейнерная линия между советским портом Ильичевск и болгарским — Варна. Ее обслуживают суда СССР и НРБ. Новая контейнерная линия скоро свяжет наши балтийские порты с портами ГДР.

Морские организации стран — членов СЭВ широко сотрудничают не только в перевозках своих грузов, но и на международных океанских путях, перевозя различные товары других государств. Судоходные организации ГДР, Польши и советское Балтийское пароходство организовали регулярную линию, известную под названием «Балтамерика» — между портами Балтийского и Северного морей и портами Южной Америки. Эта линия быстро завоевала популярность грузовладельцев и является, с моей точки зрения, примером делового, взаимовыгодного морского сотрудничества трех братских стран.

Мы плодотворно работаем и в области фрахтования. В течение ряда лет при Совете Экономической Взаимопомощи функционирует Бюро координации фрахтования судов. Для совместного обсуждения вопросов судоходства создана международная ассоциация судовладельцев (ИНСА), в которую входят Болгария, Венгрия, ГДР, Куба, Польша, СССР, Чехословакия и Югославия.

Важным шагом в реализации положений о морском транспорте, записанных в Комплексной программе социалистической экономической интеграции, явилось заключение в декабре 1971 года в Будапеште правительствами стран — членов СЭВ Соглашения о сотрудничестве в области морского судоходства. Это был первый документ подобного рода в межправительственной практике за всю историю торгового мореплавания. В нем нашли отражение и общие положения о режиме мореплавания между социалистическими странами, основанном на полном равноправии, взаимном уважении интересов и стремлении к укреплению морских связей, и более частные условия пребывания судов в портах. Известно, что такие члены СЭВ, как Венгрия и Чехословакия, не имеют непосредственного выхода к морю. Однако по соглашению у них равные возможности с партнерами, располагающими собственным морским побережьем. Как видите, в этом документе отражен основополагающий принцип, определяющий деятельность СЭВ: через решение общих задач — к наиболее полному удовлетворению нужд и интересов каждого из его членов.

Комплексная программа предусматривает и ряд других экономических задач в области морского судоходства: внедрение новейшей транспортной технологии, более широкое использование Дуная для транспортных целей, совершенствование существующих форм сотрудничества, вплоть до возможного создания в будущем совместных судоходных предприятий. Все эти вопросы явились предметом обсуждения на 43-м заседании Постоянной комиссии и по ним были приняты соответствующие решения.

ВОПРОС. Согласно международной статистике, за последний период в морских перевозках относительно уменьшился удельный вес развитых капиталистических стран. Если в 1938 году объем перевозок в европейские страны, Северную Америку и обратно составлял 68 процентов общего объема, то в 1970 году он понизился до 51. Чем, по-вашему, вызваны такие сдвиги?

ОТВЕТ. Прежде всего — образованием мировой социалистической системы и распадом системы колониализма. Обратите внимание, что особенно быстро растут перевозки наливных грузов, в основном нефти и нефтепродуктов. Направления основных потоков подобных грузов, отражающие острейшую борьбу нефтяных монополий за рынки сбыта, претерпели значительные изменения. Три пятых экспорта нефти падает сейчас на районы, где до войны добыча было ограничена или вообще не осуществлялась: Ближний Восток, Индонезия, некоторые районы Африки.

Но у развивающихся стран не хватает собственного флота, и поэтому они находятся до сих пор в транспортной зависимости от судоходных концернов империалистических держав.

Большое значение в этой связи приобретают международные организации, прежде всего Комитет по морским перевозкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В состав комитета входят 45 стран: 18 афро-азиатских, 7 латиноамериканских, 15 промышленно развитых капиталистических и 5 социалистических.

Если раньше капиталистические государства монопольно осуществляли все морские перевозки грузов развивающихся стран, не считаясь с тем, желали того последние или нет, то теперь они вынуждены идти на обсуждение подобных вопросов в комитете и решать их на международно-правовой основе. Социалистические государства выступают в поддержку борьбы развивающихся стран за создание независимой экономики, своего флота. Советская делегация, в частности на сессиях ЮНКТАДа, неоднократно заявляла, что правительственное содействие развитию судоходства — суверенное право каждой страны.

ВОПРОС. Международную торговлю именуют союзницей мирного сосуществования, а морской флот — ее своеобразным инструментом. Как проходит сотрудничество на море с нашими партнерами из капиталистических стран?

ОТВЕТ. По нескольким направлениям.

Прежде всего у нас подписаны двусторонние соглашения по судоходству с такими морскими странами, как Франция, Англия, Голландия, Италия, США, Бельгия, Швеция, и другими.

Советские судоходные предприятия держат более 50 заграничных линий. На ряде из них мы плаваем совместно с судоходными компаниями Англии, Франции, Бельгии, Голландии, ФРГ, Японии. Большинство этих линий, действующих в течение многих лет, завоевало добрую репутацию. Ежегодно на них перевозят миллионы тонн грузов.

Еще одно направление — фрахтование иностранных и отфрахтование советских судов. Все эти операции осуществляет у нас Всесоюзное объединение «Совфрахт». Оно поддерживает деловые связи с 3000 судовладельческих, брокерских (посреднических), агентских и других фирм.

Может возникнуть вопрос: а зачем нам фрахтовать иностранные суда, когда своих достаточно? Да просто по коммерческим соображениям. Весьма невыгодно посылать суда в балласте, скажем, за кунленными в Австралии или в странах Южной Америки товарами. Выгодней зафрахтовать суда на месте совершения торговой сделки или в соседнем порту, а свои отфрахтовать под другие перевозки. Часто возникает потребность фрахтовать специализированные суда — рефрижераторы, газовозы, виновозы и прочие.

Хочу отметить, что количество сделок, заключаемых «Совфрахтом», постоянно растет. И это закономерно, поскольку флот наш состоит из технически совершенных судов, а экипажи укомплектованы отлично обученными моряками, всегда точно выполняющими условия контрактов.

Увеличивается и число операций по фрахтованию иностранного тоннажа — расширение внешней торговли СССР требует активизации и этой деятельности.

ВОПРОС. До сих пор, Тимофей Борисович, мы говорили с вами о перевозках грузов. Но ведь морской флот — это еще и пассажирские линии, и туристские круизы?

ОТВЕТ. Дело в том, что эта часть нашей работы больше на виду. Пассажирами или туристами многие из нас были или еще будут. Но, поскольку вопрос задан, следует на него ответить.

Около сорока миллионов человек перевозят в год советский морской флот. Большую популярность в последнее время завоевали регулярные туристские черноморские линии, а также международные, связывающие Одессу, Ялту, Сочи и Батуми с Константацей, Варной, Стамбулом, Пиреем, Генуей, Неаполем, Венецией, Дубровником, Бари, Фамагустой, Марселем, Александрией, Бейрутом.

Регулярным пассажирским судоходством связан Ленинград с Хельсинки, Стокгольмом, Лондоном, Гавром и Монреалем. Действует туристский маршрут Ленинград — Гдыня — Варнемюнде — Копенгаген — Осло — Гамбург — Стокгольм — Хельсинки.

Маршруты по Черному и Балтийскому морям на комфортабельных лайнерах, конечно же, интересны и привлекательны. Но многих зазвятых туристов они уже не устраивают. Им хочется открывать для себя новые моря. Учитывая это, мы проложили маршрут от порта Находка, что на Дальнем Востоке, до японских островов и Гонконга, которым пользуются пассажиры не только СССР и Японии, но и европейских стран. Или, сев во Владивостоке на теплоход «Русь», можно пойти по маршруту Нагасаки — Манила — Замбоанга — Сингапур — Токио.

Советские пассажирские суда совершают круизные рейсы и из портов Австралии в порты Юго-Восточной Азии.

Наконец, благодаря Соглашению по некоторым вопросам морского судоходства, заключенному между СССР и США, стало возможным проложить маршрут Ленинград — Нью-Йорк. 28 мая советский лайнер «Михаил Лермонтов», рассчитанный на 700 пассажиров, отправится в путь, чтобы 11 июня пришвартоваться в порту Нью-Йорка.

ВОПРОС. Вы упомянули о советско-американском Соглашении по судоходству. Нельзя ли остановиться на нем подробнее?

ОТВЕТ. Известно, что «холодная война» вычеркнула 25 лет из истории развития советско-американских связей во многих областях. После московских переговоров между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном отчетливо намечаются черты нового этапа их развития. По своему характеру переговоры в Москве далеко вышли за рамки двусторонних отношений, они оказали воздействие на общую обстановку в мире.

Вскоре после встречи на высшем уровне было подписано несколько соглашений, затрагивающих сферу экономического сотрудничества двух стран. Среди них — и Соглашение по некоторым вопросам морского судоходства, которое в октябре 1972 года мы подписали в Вашингтоне с бывшим министром торговли США П. Питерсоном по уполномочию своих правительств.

В чем суть этого Соглашения?

До недавнего времени для торговых судов СССР, а также других социалистических стран в портах США действовали крайне сложные, я бы даже сказал, дискриминационные правила захода, которых не было ни в одной другой стране мира. Капитан торгового судна через соответствующие административные и дипломатические органы обязан был, например, подать ходатайство о разрешении на заход в порт Соединенных Штатов за месяц и получить на это специальное разрешение государственного департамента. Затем нужно было сообщить американским официальным органам не только цель захода и название судна, но и точную дату прибытия, и полный список всех членов экипажа. Количество портов, куда разрешался заход судов социалистических стран, было крайне ограничено. Все это, конечно, исключало возможность поддержания сколько-нибудь стабильного судоходства и было рассчитано на сдерживание развития экономических связей.

Подписанное Соглашение устанавливает упрощенный режим доступа и пребывания торговых и некоторых других гражданских судов в 40 портах каждой из стран.

Оговорено, что в морской торговле СССР и США будут участвовать третьи страны, что они тоже смогут перевозить по крайней мере одну треть грузов советско-американской торговли.

Хочу обратить внимание, что предусмотренное соглашением разделение грузов СССР и США на основе принципа по $^1/_3$ — для перевозки флотами договаривающихся стран и $^1/_3$ — для перевозки тоннажем третьих стран является первой не затрагивающей основ свободы торгового мореплавания попыткой справедливого решения этой сложной проблемы на межправительственном уровне.

В целом советско-американское Соглашение о морском судоходстве означает весьма существенный сдвиг в этой важной для обеих стран области взаимоотношений. Недаром государственные деятели США и американская пресса охарактеризовали его как «первый шаг в начале новой эры расширения торговли с Советским Союзом».

СОВЕТ ПЯТИ ГОСУДАРСТВ

— Недавно в Гдыне проходило заседание Совета уполномоченных. Этот совет был создан в прошлом году для решения одной из задач, записанных в Комплексной программе социалистической экономической интеграции, а именно — «Изучение химических, физических, биологических и других процессов важнейших районов Мирового океана». В него входят ученые пяти стран — членов СЭВ: Болгарии, ГДР, Польши, Румынии и Советского Союза. Одна из обязанностей совета — руководить деятельностью Международного координационного центра. Созданный на базе нашего института, центр налаживает контакты ученых-океанологов, координирует работу многочисленных организаций и ведомств. Задача, записанная в комплексной программе, содержит в себе множество проблем. Поэтому решать их поручено различным научным учреждениям стран СЭВ. Назову некоторые из них — болгарский Центр научно-исследовательских и проектных работ рыбного хозяйства, Институт мореведения (ГДР), польский Институт морского рыболовства, румынский Институт морских исследований, Государственный океанографический институт Гидрометеослужбы СССР и другие.

Остановлюсь на некоторых совместных работах ученых братских стран. Вот одна из них — «Исследование процессов взаимодействия океана и атмосферы». Это грандиозная по своей сложности и масштабам задача. Ведь всестороннее изучение тепло-, влаго- и газообмена между Мировым океаном и атмосферной оболочкой поможет раскрыть секреты точного прогнозирования погоды.

В чем недостаток современной метеослужбы? Сбор сведений ведется только станциями, расположенными на суше. Обширные пространства Мирового океана остаются на карте погоды «белыми пятнами». Науке же нужны наблюдения в границах всего земного шара.

О значении прогнозов погоды говорить не приходится. Они крайне нужны целому ряду отраслей экономики, и прежде всего сельскому хозяйству. Подсчитано, например, что при улучшении долгосрочных прогнозов погоды ущерб сельскому хозяйству Западной Европы, СССР, Северной Америки и Японии может быть уменьшен минимум на 1 миллиард долларов в год.

ПЕРЕСТРОЙКА ПОДВОДНОГО ЦАРСТВА?

Другая, не менее важная задача, стоящая перед учеными стран СЭВ, — изучение биологических ресурсов Мирового океана. Сегодня не приходится доказывать значение морей как поставщиков животных продуктов. Известно, океан дает белков больше, чем все животноводческие хозяйства земли. Необходимо только разумно использовать эти неисчерпаемые богатства, знать условия подводной жизни, уметь влиять на них.

Я уверен, что человечество стоит на пороге перестройки подводного царства. Речь идет о том, что в недалеком будущем станет возможным переселение и акклиматизация рыб, создание искусственных подводных пастбищ. Уже не писатели-фантасты, а ученые, основываясь на последних достижениях науки, спорят о проблемах морского земледелия и животноводства. Вполне реальными выглядят и такие цели, как искусственное выращивание рыб и моллюсков, удобрение морей, уделение с их дна «сорняков», подогрев воды с помощью атомных реакторов и т. п.

ЗОЛОТОЕ ДНО

До сих пор мы говорили о биологических ресурсах. Ныне ставится вполне конкретно и иная задача — создать в океане «горную промышленность». Технический прогресс, достигнутый в XX веке, открывает возможности для разработки всех минеральных ресурсов, лежащих на больших глубинах морского дна. Предполагают, что эти ресурсы ежегодно возрастают на величину, превышающую годовое потребление металла промышленностью всего мира.

...И ВЕК АКВА-НАВТИКИ

А. МОНИН,
член-корреспондент Академии наук СССР

Ученых социалистических стран морское дно интересует и в другом аспекте. Наука стремится понять процессы современного осадкообразования Мирового океана. Ибо здесь спрятан ключ ко многим тайнам природы. Прежде всего эти исследования помогут ответить на вопрос, давно волнующий людей: что первично — материковая или океаническая кора? В фокусе внимания ученых социалистических стран и такие проблемы, как современное развитие дна, закономерности размещения полезных ископаемых, влияние осадкообразований на фауну и флору, исследование морских шельфов и т. д.

СОВМЕСТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Сейчас мы готовимся к проведению серии международных экспериментов в Мировом океане по единой программе. Корабли под флагами Болгарии, ГДР, Польши, Румынии и СССР выйдут в нейтральные воды Атлантики, изучат глубины Черного и Балтийского морей. При этом научные программы отдельных экспедиций будут заранее согласованы в нашем международном координационном центре. Затем ученые смогут вести совместную обработку результатов исследований.

И, наконец, состоятся совместные комплексные экспедиции. На кораблях выйдут в плавание научные команды, составленные из специалистов разных стран. В частности, в такой рейс отправится советское судно «Академик Курчатов», «Александр Гумбольдт» из ГДР. В открытом море они проведут целый ряд исследований по программе международного сотрудничества.

Выполнение этой программы, кстати, уже началось в прошлом году. Судно «Альбрехт Пенк», на борту которого находились ученые ГДР, Польши и СССР, в течение месяца бороздило воды Балтийского моря, изучая степень загрязненности Балтики.

СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА

Ныне все согласны с тем, что загрязнение морей превращается в серьезную проблему. Печать капиталистических стран сообщает о многочисленных случаях, когда концерны, пренебрегая официальными запретами, затапливают бочки с ядовитыми отходами в прибрежных районах моря. Сточной ямой Западной Европы называют Северное море, которое варварски загрязняется частными предприятиями. Некоторые районы Моря у берегов Великобритании настолько пропитаны нефтью и нефтепродуктами, что утратили рыбопромысловое значение, стали опасными в пожарном отношении.

Для предотвращения тяжелых последствий, связанных с загрязнением вод морей и океанов, необходимо решить ряд важных вопросов. Например: способно ли море «переработать» все количество сточных вод, сбрасываемых в Мировой океан; как загрязнения влияют на биологические ресурсы подводного мира; какие нужно провести технические мероприятия по очистке.

ЗАСЕЛЕНИЕ ГИДРОКОСМОСА!

Сегодня в истории освоения Мирового океана наблюдается новый важный этап — заселение морского дна. На наших глазах осуществляется давняя мечта человека проникнуть в морские глубины и жить в них. Об этом свидетельствуют успешные эксперименты, проводимые во многих странах мира, опыты французского ученого Жака Ива Кусто, создавшего первые подводные дома. Последний, в частности, говорит о возможности возникновения в будущем подводных людей — «гомо аквативус».

Не разделяя этой крайней точки зрения, мы вместе с тем считаем, что метод непосредственного погружения человека на дно морей является наиболее эффективным в современной океанографии. Ибо он позволяет провести целый ряд ценнейших непосредственных наблюдений.

С этой целью ученые социалистических стран решили организовать международную базу океанологических исследований. Она, вероятно, будет находиться в болгарском городе Варна. Почему именно в Варне? Это наиболее теплая точка Черного моря, к тому же здесь очень удобный берег. На базе будут постоянно работать специалисты пяти социалистических стран, международный отряд аквалангистов и водолазов.

— Перед учеными социалистических стран, так же как и перед нашими коллегами из других государств,—сказал в заключение А. Монин, — стоит грандиозная и благородная задача — всесторонне изучить Мировой океан и сделать все для того, чтобы человек мог воспользоваться его несметными богатствами.

---

* Фрахтовать — нанимать судно полностью или частично для перевозки грузов. — Прим. ред.

МОРЕ — НАЧАЛО ЖИЗНИ

В последнее время в буржуазной печати появляется все больше материалов о загрязнении морей и океанов, об исчезновении в них всего живого. Мы предлагаем вниманию читателей статью В. Д. Росси из итальянского журнала «Эпока». Перепечатывается с сокращениями.

НОЧЬ полна невидимых вещей, даже тех, что и вовсе не существуют. Вот и море полно вещей, которых не видно: они есть и нет. Потому-то, когда имеешь дело с ночью или с морем, кажется, будто у тебя за спиной кто-то стоит, и ты не знаешь, друг это или враг. А потом, совершенно неожиданно, почуть распахивается и рой: кажется рассвет, распахивается, и из его струящихся недр выходят дельфины и начинают свою игру. Потом они исчезают, и вскоре опять появляются, и море полно вздохов.

Когда я детстве я смотрел на дельфинов, мне казалось, что передо мной что-то еще невиданное. Тогда я был наивным мальчишкой; но и сейчас мне всякий раз кажется, будто я вижу их впервые. Может быть, такая наивность сохраняется в каждом из нас, а мы об этом и не подозреваем?

Пока я рос, дельфины всегда были у меня перед глазами, как соль и хлеб на столе. И когда я вижу убитого дельфина, я чувствую, что это не просто мертвый дельфин, а мертвец, и что я утратил что-то, хоть и не знаю, что именно. Во времена моего детства дельфины были всегда, каждый день. А сейчас, чтобы увидеть их, нужно отправляться в плавание, уходить в открытое море. Попадаются стаи дельфинов голов в пятьдесят или даже в сто. Из воды им не видно берега, но они знают, что берег есть и что там их ждет смерть. Как они представляют себе смерть, человеку неизвестно, но что-то такое, похожее на эту мысль, у них должно быть. Они знают, что смерть существует и что это скверная штука.

Но вот теперь человек принялся убивать море, а ведь море — начало жизни. И тот, кто убивает море, убивает землю. Человек умен, но вот в чем и никогда его ум не проявляется так, как в момент, когда он убивает; тогда он выплескивает из себя все, как каракатица, выпускающая свои чернила.

Страшно, когда гарпун вонзается в спину дельфина. Загарпуненный, распростертый на бревенче дельфин плачет, как ребенок. Однажды пять дельфинов, опутанных крепкой сетью, тащили к берегу, и когда сеть попадала на отмель, они все плакали вот так же, как дети. Казалось, плачет сама морская вода, плачут донные камни и лодки, утянувшиеся в прибрежный песок, плачет все.

Иногда дельфины запутываются своей длинной мордой в сетях; они неистово мечутся, стараясь освободиться. Но тщетно. И тогда дельфины гибнут. Быть мертвой в море невероятно трудно — даже человеку это известно. Все, что живет в море, нам бесконечно чуждо. Взгляд рыбьих глаз водянист. Они не видят нас, мы не ощущаем их взгляда на себе: просто вода и стекло. А дельфины, как мы. У них наша кровь, наше дыхание, им нужно подниматься на поверхность, чтобы дышать нашим воздухом. Я видел одного дельфина, который погиб, запутавшись в сети для ловли омаров. Тело его было длиннее лодки, на которой его везли. По-видимому, под водой разыгралась страшная трагедия: это большое животное, несмотря на свою огромную силу и мощный хвост, не могло разорвать сеть и всплыть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Когда он, такой бесполезно мертвый, лежал в лодке, казалось, что нет в море ничего более близкого человеку, чем этот дельфин. Он умер не как рыба, как человек.

Акула — чудовище; но вид она красивей дельфина, изящнее. Но когда ее, еще живую, ловко разрубают топором, зрелище это не вызывает жалости. И дельфин — чудовище, но стайка дельфинов — все равно, что стайка резвящихся школьников; они играют, весело подпрыгивают, падают в воду то плашмя, то боком, они — воплощенная радость и бодрость. Ныряя в воду, падения на упругую гладь моря. Дельфин умен — так говорят люди, знающие, что такое ум. Он идет за трактором и, проделав в сети дыру, подбирает вываливающуюся оттуда рыбу. А если рыбаки оплетают трал специальной предохранительной сеткой, дельфины ухитряются развязать ее, действуя зубами, словно ловкими пальцами. Сейчас дельфинов дрессируют, заставляют играть на потеху публике, то есть лишают их самого прекрасного качества, которое есть у животного, — права быть дикими...

Вблизи берегов вода отравлена химическими веществами. Химия убивает мельчайших обитателей моря, которыми кормятся сардины, макрели, сельдь, а ими питаются тунцы и другие крупные рыбы. Все живое стремится уйти в открытое море. И дельфины тоже. Когда-то по скорости никто не мог сравниться с дельфином. А теперь есть катера и яхты, делающие более тридцати узлов в час. Пустить из специального карабина гарпун в спину животного — просто пустяк, светская забава. Даже детчонки это могут...

В такой же весенний майский день, как сегодня, двадцать восемь лет назад в Европе смолкли залпы самой кровопролитной войны в истории. Полным разгромом гитлеровской военной машины, всего нацистского рейха, его европейских союзников и сателлитов завершились героические усилия антигитлеровской коалиции, и в первую очередь Советской страны, ее Вооруженных Сил. На наш многострадальный континент пришел наконец мир, пришла Победа.

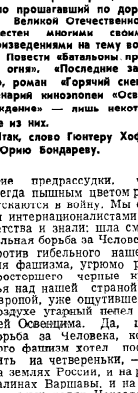
В канун праздника Победы и Дня освобождения Германии от фашизма корреспондент «Литературной газеты» Д. Бенеславский попросил поделиться мыслями об уроках второй мировой войны двух писателей, которые принимали в ней участие, — Гюнтера Хофе из Германской Демократической Республики и Юрия Бондарева из Советского Союза.

Гюнтер Хофе, ныне директор популярного в ГДР издательства «Ферлаг дер национ», знаком советскому читателю по двум опубликованным в нашей стране романам — «Красный снег» и «Мерси, камарад!», где описываются события на советско-германском фронте и во Франции накануне и в первые дни высадки англо-американских войск в Нормандии.

Интересно, что оба писателя — один в рядах Советской Армии, другой в составе вермахта — в 1943 году оказались на одном участке фронта. Гюнтер Хофе принимал участие в движении «Свободная Германия» и после войны сразу же включился в строительство новой жизни на немецкой земле, был рабочим, журналистом, руководил народной школой. С первых же послевоенных лет он стал заниматься и литературным трудом.

Юрий Васильевич Бондарев, фронтовик-артиллерист, немало прошагавший по дорогам Великой Отечественной, известен многими своими произведениями на тему войны. Повести «Батальоны просят огня», «Последние залпы», роман «Горячий снег», сценарий кинооперы «Освобождение» — лишь некоторые из них.

Итак, слово Гюнтеру Хофе и Юрию Бондареву.



ВЕСНА ПОБЕДЫ. ВЕСНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Гюнтер ХОФЕ: УРОКИ ВОСЬМОГО МАЯ

Среди книг советских авторов, выпускаемых нашим издательством, немало посвящено Великой Отечественной войне. Назову для примера «Дни и ночи» и «Из военных дневников» 1941—1945 годов» Константина Симонова, «Джамилю» Чингиза Айтматова, «Альпийскую балладу» Василя Быкова, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Место под солнцем» Веры Инбер...

И, конечно же, хотелось бы сказать о книгах моего доброго знакомого Юрия Бондарева, о его «Последних залпах» и о сталинградском романе «Горячий снег», который пользуется у читателей ГДР большим успехом. Созданный на его основе фильм вскоре выйдет на экраны ГДР.

В годы минувшей войны я был офицером вермахта, пережил тяжелые бои. Я видел героическую борьбу Красной Армии во имя освобождения человечества от фашизма и именно тогда пришел к твердому убеждению в несокрушимости нового, социалистического строя, государства, созданного Лениным. И с тех пор я считаю своей главной задачей отражать в своем творчестве события, связанные с историей разгрома гитлеровского рейха и с великой победой Советских Вооруженных Сил.

Действие первого романа задуманной мною тетралогии — «Красный снег» происходит в решающем для исхода войны 1943 году. Военно-стратегической кульминацией этого периода стала, как известно, битва на Курской дуге, продемонстрировавшая военное, политическое, моральное превосходство Советской державы.

В следующей за «Красным снегом» книге «Мерси, камарад!» повествуется о днях высадки войск западных союзников в Северной Франции в июне 1944 года. Успех этой операции также в огромной степени определился победами Советской Армии, достигнутыми к тому времени на Восточном фронте.

Сейчас я завершил работу над третьим томом тетралогии, основным содержанием которого является так называемое «Арденское наступление» дивизий фельдмаршала фон Рундштедта в Бельгии. И в этом случае опять-таки широкое наступление Советской Армии в Польше, начатое раньше намечавшихся сроков, сорвало последнюю отчаянную попытку гитлеровского генштаба вернуть утерянную стратегическую инициативу.

Наконец, заключительный, четвертый том моей работы будет посвящен уже послевоенному периоду в жизни двух германских государств.

Сегодня, через двадцать восемь лет после войны, я размышляю: чем же явилась победа над фашизмом для народов Европы?

Восьмое мая 1945 года. Событие всемирно исторического значения: ликвидация гитлеровской Германии. День освобождения немецкого народа от фашизма — венец стоившей стольких жертв борьбы народов против самой варварской системы, какую когда-либо порождал империализм.

День восьмого мая стал двадцать восемь лет назад для очень многих немцев началом их морального, их политического обновления. Сейчас мы видим: это был длительный, противоречивый, мучительный процесс, в ходе которого они смогли трезво оценить свою прошлую жизнь в условиях фашизма и милитаризма. За минувшие с тех пор годы миллионы людей сделали жизненно важные для себя и судеб своей родины выводы. Они стали последовательными и убежденными противниками империализма. Что касается нашей республики, то подавляющее большинство ее граждан сознательно и неукоснительно поддерживает рабочий класс, понимая и признавая закономерность его ведущей роли в поступательном развитии первого в истории немецкого рабочекрестьянского государства.

Сегодня мы можем с большим удовлетворением сказать: да, 8 мая 1945 года мы получили на своей земле поистине исторический шанс, и мы его использовали, доказав это развернутым строительством социализма в ГДР. Никто в наши дни не может оспорить, что власть народа, идущего вперед под водительством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии, нерушима. Надежная гарантия тому — возглавляемое Советским Союзом социалистическое содружество, неотъемлемой частью которого мы являемся.

Дружба с Советской страной и ее людьми нынче исходит из опыта прошлого сознания наших граждан. Эта дружба выражает глубокий смысл Дня освобождения, она непоколебима, ибо зиждется на общности наших целей, на решимости бороться против империализма и агрессии, за мир и прогресс, за торжество социализма и коммунизма.

Сегодня мы вспоминаем и о тех моих соотечественниках, которые кровью и трудом способствовали победе советского оружия в великой битве с фашизмом. Мы никогда не забудем немецких антифашистов-подпольщиков, сохранивших в те трудные годы верность идеалам пролетарского интернационализма. Для меня незабываемо и движение «Свободная Германия», зародившееся и оформившееся в разгар войны на советской территории. В те годы представители партии немецкого рабочего класса при активном содействии испытанных антифашистов из других социальных слоев провели огромную работу с пленными солдатами и офицерами вермахта. Впоследствии многие из военнопленных стали активными строителями демократии и социализма на моей родине.

Хочу попутно сказать, что наше издательство за последние годы выпустило немало работ бывших активистов движения и национального комитета «Свободная Германия». Среди них книга Генриха Хомана, нынешнего председателя Национально-демократической партии Германии «По чести и совести». Бернт фон Кюгельген, также бывший член национального комитета, рассказывает в книге своих воспоминаний «Фронт был повсюду» о делах немецких патриотов, служивших в рядах Красной Армии. Издательство выпустило в свет и записки бывшего адъютанта Паулюса полковника Адама, воспоминания бывшего майора Бруно Винцера и др. Все эти книги повествуют о встречах их авторов с новым общественным строем в ГДР и о рождении у них нового мировосприятия.

День освобождения празднуют с нами наши друзья во всем мире, и в первую очередь в странах социализма. Мы — с советским народом! Для всех нас день восьмого мая — не только историческое напоминание, но и постоянное руководство к действию.

Юрий БОНДАРЕВ: ОСМЫСЛИТЬ ПРОШЛОЕ РАДИ НАСТОЯЩЕГО

Дорогой Гюнтер Хофе!

Многие из моего поколения начали войну на Волге, и после сталинградских боев мы особенно верили в жизнь, ее молодость и бесконечность и верили в бессмертность справедливости и добра — еще где-то далеко была враждебная Германия, но каждый наш выстрел был шагом к концу войны.

Потом на Днепре, захватывая плацдармы на правобережье безоблачными августовскими ночами, мы представляли свой долгий и трудный путь — и при свете ракет, под гулкий стук пулеметов нам мерещились за багровым горизонтом клочки советских километров, пройденных позднее до плацдармов на Висле и Дунае, на Одере и Шпрее.

За четыре долгих года мы полной мерой познали смысл ответственности за жизнь других, за судьбу Родины и судьбу целого мира, ибо нам не свойственны были националистические предрассудки, что всегда пышным цветом распускаются в войну. Мы были интернационалистами с детства и знали: шла смертельная борьба за Человека, против гибельного нашествия фашизма, угрюмо распростершего черные крылья над нашей страной и Европой, уже ощутивший в воздухе угарный пепел печей Освенцима. Да, шла борьба за Человека, которого фашизм хотел поставить на четвереньки, — и на землях России, и на развалинах Варшавы, и на золотистых полях Чехословакии, и в самой Германии.

Мы все помним, как железный поезд войны, перевалив через высоты невиданно кровопролитных боев в истории человечества, на всей скорости остановился в мрачном и закопченном Берлине, среди его дымящихся развалин, среди его уцелевших каменных улиц с вывешенными белыми флагами на балконах, и над миром распространилась тишина.

Это был месяц май — месяц обновления жизни.

Прошло 28 лет со дня окончания войны — немалый срок, когда, казалось бы, нет смысла возвращаться к прошлому, отошедшему в историю. Но человеческая память, потрясенная невообразимыми потерями (вторая мировая война унесла 50 миллионов человеческих жизней), возвращается к тому времени, пытаясь осмыслить первопричины и следствия. И можно заметить одну закономерность: бывшие солдаты, ставшие писателями, не в силах забыть годы смертельного конфликта, решившего судьбу мира и самой Германии.

Я убежден, что современный писатель, знающий, что такое война, не имеет права быть нейтральным, безадресным, лишенным цели и социальной направленности. Ведь пропагандистское искусство обязано говорить об одном: о борьбе человека за человечность, а значит — о его ответственности, объединяющей людей.

Я помню, как в Берлине несколько лет назад мы говорили с Вами о том, что убеждение морального порядка должно стать гуманистической идеей, так же как идея должна стать убеждением, — только тогда возникает действенность и только тогда ты особенно нужен и полезен, когда способствуешь взаимопониманию, товариществу, объединению не только отдельных людей, но и стран. В Ваших двух книгах, которые прочитал, я уловил эту действенность мысли и как бы еще ближе познакомился с Вами.

Я знаю, что в нашей стране велик интерес к искусству и литературе Вашей родины, знаю, что и в ГДР интерес к советской культуре весьма значителен. Несколько раз мне приходилось бывать в Вашей республике, и каждый раз я приобретал все новых и новых друзей, единомышленников, твердо убежденных в великой закономерности пути социализма, прочно уверенных в нерушимости дружбы наших народов, в том, что никогда наши страны не разделит поле боя.

Как нашей солдат я ненавижу разделяющую людей ненависть и особенно ценю дружеское взаимопонимание, поэтому испытываю чувство глубокого удовлетворения от того, что мои книги внимательно читают в ГДР, что фильмы, рассказывающие о времени, которое не должно повториться, смотрит молодежь Германской Демократической Республики. Мы все осмысливаем прошлое для того, чтобы с полной ясностью оценивать настоящее в сложном современном мире.

ТУШИКИ ДВУХМЕРНОГО ИСКУССТВА

В ТЕАТРЕ Тяньцяо раздвигается красный занавес, и девушка с нарумяненными щеками громко скандирует слова пролога:

— Председатель Мао учит нас...

Так начинается новый китайский балет «Гимн Имэну». В том же духе, только еще более «впечатляюще», он кончается: над сценой поднимается большое красное солнце, которое постепенно превращается в портрет улыбающегося Мао Цзэ-дуна. По ходу действия, естественно, слов нет, поскольку это балет, но все его содержание должно наглядно продемонстрировать неизмеримую мудрость «председателя Мао» и неизбежное поражение его врагов.

Таков один из трех новых спектаклей, которыми обогатилась китайская сцена после «культурной революции». И если в пекинской прессе, рассчитанной на зарубежного читателя, спектакли характеризуются более или менее скромно («Это новое достижение работников искусства, которые упорно следуют духу трудов председателя Мао Цзэ-дуна»), то внутренняя пропаганда Китая не скупится на восторженные оценки («Создание этих пьес — великое достижение в истории человечества»,— без тени смущения писала газета «Нэймэнгу жибао»).

«КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»?..

Появление после хаоса «культурной революции» новых спектаклей, так же как издание нескольких запрещенных до недавнего времени книг, дало повод некоторым западным журналистам для разговоров о «культурном возрождении» в Китае. В 1971—1972 годах они обнаружили, будто Пекин отрекся от идей «культурной революции», отказался от нетерпимого отношения к культурному наследию. В ряде газет появились хвалебные отклики на те немногие образчики сценического искусства, с которыми довелось познакомиться иностранцам.

Трезвые журналисты, впрочем, оговариваются, что применяемый ими термин «культурное возрождение» надо понимать весьма относительно: как для путника, проведшего много дней и ночей в пустыне, струйка воды и чахлые кустики отрады не меньше широкой реки и густого леса, так и в Китае появление после «культурной революции» даже самых слабых признаков культуры представляется праздником.

Но возникает вопрос: действительно ли пробилась «струйка воды»? Сколько, а главное — какие спектакли появились за последний год, чем они отличаются от прежнего поделки «культурной революции»?

Как известно, под руководством жены Мао Цзэ-дуна Цзян Цин в 1966—1967 годах были созданы семь так называемых «революционных образцовых спектаклей» — эталона маоистского «искусства». До 1970 года нельзя было ставить на сцене ничего, кроме этих «образцовых спектаклей». Положение, казалось, могло измениться в 1971 году. В преддверии 30-й годовщины выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства в Яньани пекинская пропаганда вдруг вспомнила о старом-давнем указании Мао («Надеюсь, что будет создано еще больше еще более хороших произведений»), стала призывать деятелей театра «преодолеть яд» теории, бытовавшей среди творческих работников: «работать в области культуры — опасно», и предлагала показывать в пробном порядке «пусть еще недостаточно зрелые», но «в основе своей хорошие спектакли».

И вот в прошлом году «в пробном порядке» были показаны три новых спектакля: «Гимн Лунцзяну», «Война на равнине» и в стиле пекинской музыкальной драмы, а также упоминавшийся уже балет «Гимн Имэну». Всего в репертуаре ной афише китайских театров сейчас значится одиннадцать спектаклей («Красный женский батальон» идет сразу в двух вариантах). Из них военной тематике посвящены девять, гражданской — два.

Много это или мало? Конечно, когда в театральном портфеле всего семь постановок, прибавление еще трех означает рост на сорок процентов. Однако для 750-миллионного китайского народа десять-одиннадцать спектаклей — капля воды в пустыне.

Но дело даже не в этом. Чем обогатили китайское искусство новые пьесы и балет? В чем здесь можно усмотреть если не живой родник, то хотя бы «струйку воды»?

БЕЗЛИКИЕ ПЬЕСЫ О БЕЗЛИКИХ ЛЮДЯХ

Вот пьеса «Гимн Лунцзяну». Речь в ней идет об ирригации, о том, чтобы спасти от засухи большой массив полей. Секретарь парторганизации в деревне Лунцзян, женщина Цзян Шуй-ин (героиня спектакля) предлагает построить плотину и пустить воду реки на поля. При этом, однако, окажутся затопленными 300 му пахотной земли. Бригадир Ли Чжи-тянь (колеблющийся персонаж) протестует: «У тебя на уме одно — принести жертвы, жертвы, жертвы, тебя мало заботит то, что у крестьян — сплошные беды, беды, беды». Хуай Го-чжун (отрицательный персонаж, классовый враг) подстрекает, угрожает и запугивает. Толпа крестьян, декламируя изречения Мао Цзэ-дуна, не боится трудностей, готовится к войне и стихийным бедствиям. Простудившись в холодной воде, Цзян Шуй-ин с высокой температурой, в лихорадке разучивает с крестьянами статью Мао «Памяти Бетьюна», мимоходом переносит дома, которым грозит затопление, на высокое место и разоблачает настоящее имя и темное прошлое затаившегося классового врага, а также клеймит колебания Ли Чжи-тяня.

Эта двухмерная фигура героя, никогда не испытывающего сомнений, никогда не размышляющего, а лишь повторяющего маоистские лозунги, прямо перешла из «образцовых» спектаклей в новую пьесу. Да и остальные два персонажа — «классовый враг» и колеблющийся элемент, не успевший всех идей председателя Мао, здесь точь-в-точь такие же, как и в прежнем «образцовом» спектакле «Морской порт». Все эти вещи скомпонованы по одной и той же схеме, и недаром их зовут близнецами. Их трудно назвать даже иллюстративными — они бледнее любой иллюстрации.

Кто авторы? На этот вопрос ответить нельзя. У пьес нет создателей, каждая из них, как сообщается, есть «продукт коллективного творчества». Безликие пьесы о безликих людях. Говорить о художественных особенностях подобного творчества нелепо. Язык бедный, убогий и удивительно однообразный. Представляется, что все пьесы составлены из одних и тех же условных блоков и неделовых выражений. Впрочем, это связано с общим обеднением языка в нынешнем Китае.

В «новых» спектаклях нет слов, прежде обозначавших категории сознания, принципы морали, нормы поведения, которыми так богат китайский язык, зато в изобилии присутствуют бранные слова, «крепкие» выражения, вроде «выколоть им глаза», «содрать с них кожу».

Маоисты придерживаются мнения, что примитивные, грубые схемы легче будут усвоены широкими массами. Спектакль не должен давать пищу для размышлений, раздумий — это опасно. Чтобы овладеть «маоцзэдун-идеями», вовсе не нужен богатый или даже средний словарный запас. Главное, что нужно вдолбить зрителю при помощи театрализованных схем, — убеждение в абсолютной правоте маоистов. Все, кто не следует слепо за Мао Цзэ-дуном,— изменники, враги, мошенники и «ревизионисты».

«Борьба с ревизионизмом» — в адаптации для «рядового китайца» — показана, например, в пьесе «Морской порт». Начинается она с того, что рабочие шанхайского порта грузят мешки с китайским рисом для Африки. Диспетчер Цинь Шоу-вэй дает новое распоряжение: в первую очередь отправить судно, «пришедшее с севера», а потом уже погрузить китайский рис для Африки. Он ссылается на то, что стекловолокно, предназначенное для первого судна, помешает грузить рис (что, кстати, и произошло — по явному недосмотру авторов пьесы).

Конечно, такое распоряжение мог отдать только классовый враг! Всему миру известно, в один голос утверждают положительные персонажи пьесы, что только Китаю свойство пролетарского интернационализма, что только китайская помощь Африке есть настоящая помощь, а злонамеренный диспетчер, ссылаясь на «экономическую целесообразность», игнорирует китайский рис! В итоге «классовый враг» разоблачен, «судно с севера» отодвинуто на задний план. Нехитрый замысел авторов пьесы еще более подчеркивается антисоветскими репликами на этот спектакль, появившимися в пекинских газетах.

Атрофия культуры, упадок театрального искусства — к такому выводу пришли многие зарубежные критики, ознакомившиеся с «последними величайшими достижениями», созданными, как вновь настойчиво подчеркивает пекинская пропаганда, под непосредственным руководством Цзян Цин.

Интересно, как оценивает пьесы китайский зритель? Ответ на этот вопрос совершенно неожиданно дал сама «Жэньминь жибао», которая писала в прошлом году: «Сюжет в таких произведениях прямолинеен и лишен напряженности. Читателю неинтересно вникать в содержание: отсутствуют описания, а вместо них даются одни лишь политические речи. Язык беден и изобилует диалектизмами. Авторы заявляют главную тему, но не раскрывают ее должным образом, и потому даже сам политический заряд выглядит крайне неубедительно».

Разумеется, это написано не о драмах Цзян Цин (критиковать их в условиях Китая абсолютно запрещено), а о каких-то прозаических произведениях, но все оценки вполне можно отнести к новым спектаклям.

ПЕРЕМЕНЫ НЕОБХОДИМЫ

Может показаться невероятным, что такое высказывание напечатано на страницах «Жэньминь жибао», которая без устали расхваливает подобные прямолинейные схемы, признает одни лишь политический примитивизм в искусстве. Однако надо заметить, что в той же газете публиковались и другие — пусть гораздо более завуалированные — сигналы о необходимости перемен. Так, за подписью Тянь Чжи-суй появилась статья «Правильно понимать и разрешать вопросы связи между политикой и искусством», где говорилось о необходимости усиления политического руководства литературой и искусством, о том, что «обманщики типа Лю Шао-ци» пытались «огульно отбрасывать все, бить по всему, отрицать все» (это делала не кто иной, как Цзян Цин), «наносили удары по революционному творчеству в литературе и искусстве профессиональных работников литературы и искусства и игнорировали их». Что это, как не попытка снять с маоистского руководства ответственность за нигилистическое отношение к культуре, к деятелям культуры и переложить ее на неких «обманщиков»? И в то же время здесь содержится прямой намек на необходимость перемен в искусстве.

Маоистская верхушка стала чувствовать, что уже нельзя больше выдавать аляповатый лубок за «высочайшее достижение мировой культуры». «Прозрение» это вызвано вполне реальными причинами. Плоские схемы, призванные подменить живую жизнь, оказались недейственными, они не вызывают того эффекта, на который рассчитывали вдохновители и организаторы «культурной революции в культуре». Сейчас они, видимо, согласны, не меняя существа дела, применить какие-то новые, более убедительные формы.

Вторая причина — выход Китая на широкую международную арену.

Открыто заявив о своих претензиях на роль гегемона всюду, где это возможно, маоисты сразу же предприняли попытки расположить к себе общественное мнение за рубежом. Пекин в числе прочих своих шагов предпринял и посылку артистических групп и срочно изготовленных кинофильмов (все по тем же «образцовым спектаклям») в разные страны. Хотя известная категория журналистов и дала блестящие оценки этим «образцам искусства», реакция зрителей и искусствоведов оказалась обратной тому, что ожидал Пекин.

Так, например, что писал западногерманский еженедельник «Цайт» в связи с демонстрацией фильма «Красный женский батальон»:

«Иные кадры заставляют зрителя только пожать плечами... Так называемые «революционные пекинские оперы», не только «Красный женский батальон», — это мелодии из путаных и раздражающих зрителя сцен, классического танца, впечатляющей пантомимы, наивных декораций, наивного действия и политических цитат и высказываний. Соответственно и воздействие их: скорее смех и растерянное удивление повсюду в Европе, где только были показаны экранизированные оперы».

«Судя по всему, вдохнуть жизнь в современную китайскую культуру, уничтоженную в ходе «культурной революции», окажется весьма трудным делом», — отмечал итальянский журнал «Эспрессо».

Не удивительно, что в китайской печати все чаще раздаются призывы «писать больше хороших пьес». Но пьес нет. Нет новых произведений, под запретом находятся лучшие образцы классической драматургии. В чем же дело?

НА МЕРТВОЙ ТОЧКЕ

«Образцовые постановки», осуществленные Цзян Цин, — «это прекрасный драгоценный камень пролетарской литературной линии председателя Мао; все они, несмотря на различные формы и различное содержание», полностью воплощают политическую «линию председателя Мао», — утверждает «авторская группа парткома» в Цинхае (а вместе с ней повторяет эти слова и вся пропаганда КНР).

Действительно, «линия» Мао Цзэ-дуна является краеугольным камнем всех пьес. Но отсюда следует вывод: перемены недопустимы, ибо это означало бы помышление на самые основы «линии председателя», на его и Цзян Цин руководящую роль в искусстве. Поэтому и заклейменная теория «работать в области искусства опасно» так живуча: она подкрепляется воспоминаниями о плачевной участи тех, кто пытался развивать искусство в Китае по социалистическому пути.

Перемены недопустимы еще и по другой причине. В наше время культура, искусство не могут развиваться в полном отрыве от прогрессивной мировой культуры, в первую очередь — социалистической. Уже в «образцовых спектаклях» критики отметили любопытную особенность, которая пришлась не по душе маоистам. Вот как пишет об этой особенности тот же еженедельник «Цайт»: «То, что у нас заслужило одобрение (в «образцовых балетах».— **Авт.**), базируется в основном на образцах советского реалистического балета. Солирующая скрипка поет точно так же, как в «Лебедином озере» Чайковского. Когда отряды преследуют противника, их сопровождает аранжировка позднего Прокофьева, а когда силы крестьянской обороны идут на врага, звучат резкие, отрывистые ритмы Хачатуряна».

Уж если «ревизионистская музыка» сумела проникнуть даже в стопроцентно маоистские спектакли, много раз проверенные, переделанные и отфильтрованные, чего можно ожидать в случае, если тиски «политики председателя Мао в искусстве» будут хоть чуть-чуть ослаблены? Это может принести неисчислимые беды...

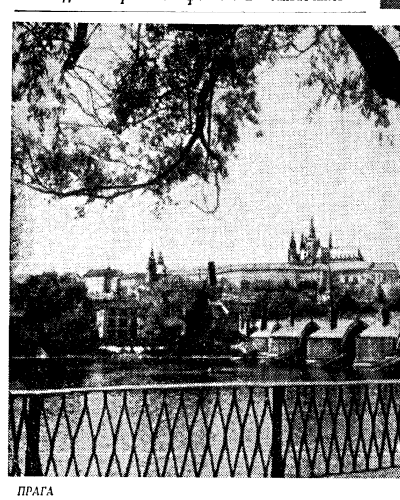
Для искусства в условиях сегодняшнего Китая закрыт путь вперед: это означало бы «пойти по ревизионистскому пути», прежнему знамени маоистской верхушкой. Для него закрыт путь и к революционным традициям тридцатых — сороковых годов, перечеркнутым официальной пропагандой. Маоистская «культура», достигшая сегодня якобы своей вершины, напоминает человека, находящегося на Северном полюсе: куда он ни глянет — кругом ледяная пустыня, всюду будет южнее.

Сдвинется ли с этой мертвой точки искусство Китая?

Марина ТАРАСОВА,
Борис КРЫМОВ

Сегодня народы Чехословакии отмечают национальный праздник — 28-ю годовщину освобождения страны от фашистских захватчиков

ЛИТЕРАТУРА БРАТСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ



ПРАГА

Мирослав ФЛОРИАН

Новобранец

О, сколько строчек
я сложил, в которых
Я сам свои не узнаю слова,
Так спирт сгорает,
так сгорает порох.
Так опадает осенью листва.

Мои стихи — не стройная
когорта,
Нет, иногда я падал
в пыль пищом,
Но никогда не падал
духом гордым.

Я был всегда солдатом,
был бойцом.
Средь призванных,
средь юных новобранцев.
В их молодом и крепнущем
строю

И кровь моя —
как свернутое знамя,
И даже молча
я походный марш пою.

Донат ШАЙНЕР

Верю

За жизнь! — я говорю. —
Всегда за жизнь,
За каждую былинку
голосую.

За травы свежие,
что соком налились.
За крылья слов,
за песни ткань живую.

Зерно и колос,
ветер и волна,
Я — жизнь, в себе несу
ее начала, —

Быть каплею росы
для горелка,
Чтоб красота цветка
не увядала.

То, что цвело, не может
умереть,
Нет смерти, есть лишь дар
исчезновенья.

Я — жизнь, всегда
о ней я буду петь,
Я верю в май, в тебя,
весны кипенье.

Перевел с чешского
Н. РАЗГОВОРОВ

Юлиус ЛЕНКО

Плотина

Бетонный лоб белеет
над долиной,
В нем — смелость мысли,
в нем — полет труда.
Но грустно мне, что скоро
волны синие

Луга и рощи спроют
навсегда.
И сад зальют, в котором ты
когда-то
Мне подарила розу —
помнишь! Нет! —
Но верю я, как розу,
луч заката

Окрасит волны
в нежно-красный цвет,
И в сумерках на землю
павшей ночи
Сверкнут огни на
новых берегах.
И только краше станет
край наш отчий
В гирлянде света,
в радости цветах.

Перевел со словацкого
В. СТЕПАНОВ

ДРУЖБА С ЧИТАТЕЛЕМ

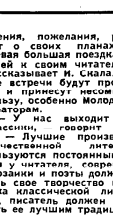
Директора издательства «Чехословенски списователь», известного поэта Ивана Скалу мы застали накануне его отъезда. Вместе с группой чешских писателей он собирался в Плзень, на встречу с читателями — рабочими завода «Шкода», студентами, учащимися.

— Писатели познакомят со своими новыми произведениями слушателей, узнают их мнения, пожелания, расскажут о своих планах. Это первая большая поездка писателей к своим читателям, — рассказывает И. Скала. — Такие встречи будут продолжены и принесут несомненную пользу, особенно Молодым литераторам.

— У нас выходит много классики, говорит И. Скала. — Лучшие произведения отечественной литературы пользуются постоянным спросом у читателя, современные прозаики и поэты должны питать свое творчество из родника классической литературы, писатель должен следовать ее лучшим традициям. В понятие классики мы включаем не только образцы прошлого, но и лучшие произведения нашей социалистической литературы.

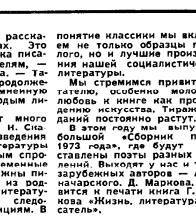
Мы стремимся привить читателю, особенно молодому, любовь к книге как произведению искусства. Тиражи изданий постоянно растут.

В этом году мы выпускаем большой «Сборник поэзии 1973 года», где будут представлены поэты разных поколений. Выходят у нас и труды зарубежных авторов — А. Луначарского. Д. Марова, готовится к печати книга Г. Маркова «Жизнь, литература, писатель».



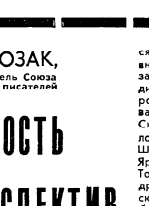
Мария Пуйманова. «Пациентка доктора Хегла»

Иван Скала. «Камнедробилка»



Ян КОЗАК, председатель Союза чешских писателей

ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ



ЧЕШСКАЯ прогрессивная литература росла вместе с борьбой трудящегося народа за национальное и социальное освобождение. Творчество и гражданская жизнь ее представителей после Октябрьской революции и возникновения Коммунистической партии Чехословакии тесно связаны с революционными боями рабочего класса за новый, социалистический мир. Достаточно вспомнить выдающиеся произведения Иржи Волькера, Ст. К. Неймана, Ивана Ольбрахта, Владислава Ванчуры, Петра Илемницкого, Юлиуса Фучика, Марии Майеровой, Марии Пуймановой, Витезслава Незвала, Вацлава Ржезача и многих других. Для их творчества характерны жанровое богатство, разнообразие стилей, яркое новаторство социалистического реализма. Это течение нашей литературы всегда было связано и со всем международным социалистическим фронтом искусства, и оно — прежде всего советское искусство — обогащало его.

Русло этой идейной, партийной и поэтому глубоко действенной, гуманистической литературы пытались в недавние годы перегородить люди, которые оказались на стороне классового врага. Они старались превратить нашу литературу в оружие идеологической диверсии и разложения социалистического общества, в оружие подготовки контрреволюции. Неисчислимый урон нанесли они нашему искусству, но не смогли уничтожить его чистые истоки.

Вновь набирает силу литература, которая стремится к художественно конкретному, полнокровному и живому изображению человека в его борьбе за общественное и личное счастье. Эта борьба открывает ясные жизненные перспективы, обогащает чувства человека, воспитывает у него высокие моральные качества, формирует социалистическое мировоззрение.

За последние два-три года наши писатели написали десятки новых, заслуживающих внимания поэтических и прозаических произведений. Среди них такие авторы, как народный художник Вилем Завада, Иржи Тауфер, Иван Скала, Богумил Рикта, Милош Кратохвил, Донат Шайнер, Рудольф Кальчик, Яромир Томечек, Мирослава Томанова, Зденек Плугарж и другие. Премий Союза чешских писателей за 1972 год были удостоены Мирослав Флориан за книгу стихов «Инициалы», Вацлав Пекарек за исследование о Б. Вацлавеке, Владимир Пазоурек за роман «Беспокойные борозды», Ян Козак за книгу «Охотник в тайге», Норберт Фрид за роман «Императрица» и Эдуард Петишка за книгу «Свидетельные ночи». Поэт Йозеф Рыбак написал прекрасную книгу «Воспоминания о Юлиусе Фучике». По сценарию Милослава Фаберы снят интересный двухсерийный фильм «Дни предательства». Радио и телевидение передали ряд пьес и инсценировок произведений, изображающих жизнь нашего общества. В этом году выйдет уже 117 новых книг и переизданий значительных произведений членов нашего союза. На страницах «Литературни мнесичник» наряду с именами известных авторов появляются и имена новых талантов. Сегодня мы уделяем большое внимание именно им, и советские читатели наверняка скоро познакомятся с произведениями наших молодых писателей.

ПРАГА

Андрей ПЛАВКА, народный художник, председатель Союза словацких писателей

ГЛАВНОЕ — СОВРЕМЕННОСТЬ

Я ПИШУ эти строки, думая о том, что «Литературная газета» решила разослать миллионам своих читателей визитную карточку чешской и словацкой литературы. Страница «ЛГ» познакомит их с нашей современной литературой, переживающей период бурного развития. Ведь словацко-русские отношения уходят в далекое прошлое, и нет значительного произведения словацкой литературы, которое не было бы известно в СССР. Так же, как нет значительного произведения советских и русских писателей — недавнего и далекого прошлого, — которого не знал бы словацкий читатель.

В минувшем году словацкими прозаиками написано 53 прозаических произведения. Это мемуары, романы, новеллы, эссе, лирическая проза, исторические вещи, но главным образом — романы о современной жизни. Такие известные авторы, как Л. Новомеский, Я. Сирек, В. Минач, М. Валек, Г. Зелинова, М. Крно, а также молодые П. Ярош, Я. Папп, Я. Ленчо, В. Шикула,—это широко читаемые писатели, которым есть что сказать своему народу. По собственному опыту я знаю, с каким большим интересом приняли читатели мою книгу «Влюбленный в жизнь». Но я знаю также, что наша молодежь обращается не только к мемуарам, но и к творчеству младших по возрасту авторов, которые помогают юношам и девушкам найти путь к пониманию проблем сегодняшней жизни.

Наш народ любит песню, любит поэзию. Поэтому не удивительно, что таким успехом пользуются стихи Города, поэтические жемчужины Костры, а также прекрасное поэтическое прославление Советской страны и ее героического народа в новом сборнике В. Райсела «Глаза березы». Интересна книга М. Руфуса «Стол бедных», совершенны стихи Вильяма Турчани, любимая лирика Павла Бунчака. Достоин внимания поэтический дебют Франтишека Швантнера, великолепны стихи Яна Шимоновича, Йозефа Миталковича и многих других. Нельзя не вспомнить посвященный славным знаменательным датам СССР и его героическим гражданам сборник «Есть такой человек» Павла Койша.

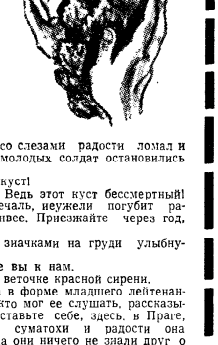
Словацкая драма, можно сказать, переживает свой Ренессанс. Я особо упоминаю об этом еще и потому, что в конце этого года в СССР должен пройти фестиваль чехословацкого драматического искусства. Я был бы счастлив, если бы как можно больше советских зрителей увидело пьесы Ивана Буковчана «Прежде чем пропоет петух», «Первый день карнавала», «Почти божественная ошибка», комедии Яна Соловича «Загадочный нищий» и «Башня надежды», а также «Соло для часов с боем» молодого Освальда Заградника, пьесы Штефана Кралика, Ладислава Лужнара, Петера Шевчовича. Эти пьесы решают важные проблемы жизни современного человека.

БРАТИСЛАВА

Иржи МАРЕК

ПРАЖСКАЯ СИРЕНЬ

РАССКАЗ



ЭТО ЛЕГЕНДА о кусте сирени, который рос и цвел недалеко от старого дома на склоне пражского холма.

Дом был ветхий, а сквер — весь заросший. Людям было некогда заботиться о нем. Они ходили усталые и хмурые, потому что шла война и время тянулось бесконечно долго, принося печаль, боль и слезы. Куст сирени здесь рос с незапамятных пор. Он возвышался над углом полуразрушенной каменной стены. Это укромное место никому теперь не было нужно, а раньше дети тут скрывались, играя в прятки. Но война заглушила топот их ног и звонкий крик.

Сирень одевалась листвой и цвела в положенное время фиолетово-розовыми цветами. Старый дворник говаривал, что надо бы прореднуть куст, чтобы пустить сквозь ветви солнце. Но кто позаботится о кусте, прятавшемся в углу запущенного сквера?

Однажды весенней ночью к кусту подошел молодой человек. У него были темные волосы, в которых выделялась белая прядь. Он с лопатой возился у куста, а дворник наблюдал за ним. Иногда он подавал юноше какие-то знаки. Тот прекращал работу, и оба прислушивались к звукам весенней холодной ночи.

— Это хорошее укрытие. Тут никто ничего не найдет, — сказал молодой человек, когда они закончили работу.

— Удивляюсь твоей смелости. Не успели тебя выпустить, а ты опять за свое, — заметил с упреком дворник.

— Я продолжаю борьбу. Бой-то еще не закончен.

Он улыбнулся, молча пожал старику руку и, как тень, исчез в темноте. После этого он стал приходить чаще. Иногда один, иногда вдвоем с другом и всегда — со сверком. Под кустом в старой стене было хорошее сухое укрытие. В нем поместились гектограф и рации. А куст сирени спокойно шумел над головой людей, которые ходили в темноте, но носили в сердце сияние завтрашнего дня.

Как то весенней ночью юноша с прядью седых волос пришел один. Он вынул все спрятанное, а укрытие засыпал землей. Распрямившись, он посмотрел в темноту цветущего куста и прошептал: «Прощай, друг, ты молчал и стерег хорошо. Но пришло время расстаться». Юноша протянул руку, сломал веточку и медленно пошел. В ночи были слышны его затихающие шаги. А ветер шумел в кустах и разносил аромат сирени.

Через несколько дней молодого человека арестовали, но не нашли у него ничего, кроме веточки сирени, которую он прижимал к груди, когда его били, и на которую бессильно опустилась его окровавленная голова.

Было приказано осмотреть все улицы и скверы, но так ничего и не нашли. Тогда те, кто украшал себя эмблемой смерти, решили уничтожить все кусты сирени на склоне холма, потому что они помогали скрывать людей, враждебных рейху. И вот из деревни пригнали мужчин с топорами и пилами, которые нехотя, ругаясь, стали исполнять приказание. Дошли они и до куста сирени, под которым был пустой тайник. И, может быть, потому, что они уже устали, или потому, что куст еще цвел, они его не спилили. Обрезали только ветки, так что его не стало видно, а дворнику сказали:

— Не бойся, на будущий год снова зацветет.

— Может быть... — вздохнул старик. — К тому времени война кончится... И тот паренек вернется...

Но через год война не закончилась и юноша не вернулся. И сиреневый куст в углу старого сквера не зацвел.

— Не набрал еще силы, — ворчал дворник. — Он, как и мы: препшет, восстанавливает силы где-то внутри, а снаружи не видно. Но однажды прорвется зелень, и начнется цветение.

Когда пришел последний год страданий — была весна и близился май, — сиреневый куст весь покрылся листвой и бутонами. Жильцы дома смотрели на него, как на чудо. Ведь это — единственный куст, который пережил войну и теперь готовился цвести. Но что самое удивительное — цветы стали совсем иного цвета. Раньше, как это прекрасно помнил дворник, они были фиолетово-розовые, а теперь покраснели.

— Как кровь, — говорили люди, и никто из них не знал, что одну ветку сирени несколько лет тому назад обагрила кровь молодого человека с седой прядью: он вышел из тюрьмы, снова ринулся в бои и погиб.

Весна того года была бурной: она гнала по деревьям живительные соки и заставляла их наливаться, как бы не замечая того, что война неистовствовала у ворот Праги. Весна спешила, ей хотелось завоевать всю землю своей зеленью и цветами, она стремилась прикрыть не только могилы павших, но и стереть черные следы тех, кто сеял смерть.

Именно весной, в мае, на улицах Праги раздались выстрелы. Люди строили баррикады из камней, а когда их не хватало, то и из цветущих каштанов.

Красный куст сирени распускался.

— Он напоен кровью, — шептали осторожные.

Многое увидел цветущий куст за несколько бурных майских дней. Изо дня в день цветы его становились все краснее. Он видел, как танк с черным крестом разрушает баррикаду. Видел, как перед танком бежали женщины и дети, как защитники покидали крыши домов, а потом снова возвращались на них.

Затем в его тени был организован перевязочный пункт, и раненые поверяли шумящей кроне свою боль и стоны. Молоденькая сестра, вчера еще продавщица, склонилась над раненым, и когда кто-либо из них умирал у нее на глазах, срывала веточку необычного цвета сирени и клала ему на грудь. Потом двое мужчин поднимали носилки и уносили его: веточка медленно увядала на сердце.

И вот однажды утром, когда Прага была полна дыма, развалин и отчаяния, на улице раздался радостный крик и кто-то бросился к скверу:

— Рвите цветы! Быстрее!

Сестра испуганно встала:

— Я берегу их для убитых, товарищ!

— Для живых рви их, девушка! Советские танки уже в предместье!

Так случилось, что первый букет, который оказался на советском танке, покрытом пылью дальнего пути и боев, был по необычайно красной молодой сирени. Солдаты засунули его в дуло орудия как символ: хватит стрельбы, хватит крови. Вместо смерти — цветы. Вместо крови — красный цветок пражской сирени. А некоторые прикрепили веточки к фуражкам и пилоткам. Танков пришло много, и сирени в Праге цвело видимо-невидимо. Она была белая, фиолетовая, розовая. И только один куст был темно-красный. В тот день каждый воин держал в руках сирень.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ...

Миослав ВАЛЕК:

— В настоящее время я занимаю пост министра культуры Словацкой Социалистической Республики. Поэтому хотел бы сказать несколько слов о словацкой культуре. На мой взгляд, литература нашей республики развивается успешно. Активно выступают молодые прозаики и поэты. Хотелось бы назвать интересную книгу талантливого журналиста Яна Еныша «В созвездии Девы», победившую на конкурсе литературного фонда Словакии.

В прошлом сезоне в театрах республики состоялось 16 премьер пьес современных словацких авторов. Такой «урожай» я не припомню. Хочу упомянуть имя известного драматурга Штефана Кралика, написавшего пьесу о вьетнамской войне «Маргарета из замка». Энграфом автор предпослал следующие слова: «Мой подарок Советскому Союзу, так много сделавшему для дела мира во Вьетнаме».

Радуют успехами молодые поэты, которые сравняются на лучших мастеров поэтического цеха словацкой литературы. Один из них — выдающийся поэт Лацо Новомеский — награжден недавно орденом «Победоносной Февраля». Несмотря на болезнь он проявляет большой интерес к вопросам культурной жизни. Пишет стихи. Не так давно издан томик его статей по вопросам культуры и искусства.

Моя последняя книжка вышла в 1970 году. Готовлю новые переводы стихов А. Вознесенского. Надеюсь, что буду писать и оригинальные стихи.

Вилем ЗАВАДА:

— В издательстве «Лидове наклаадательствы» выходит собрание моих сочинений в пяти томах. Меня всегда интересовало творчество зарубежных поэтов, поэтому последний том составят переводы из болгарской, венгерской, румынской, югославской и французской поэзии. Пишу стихи, которые войдут в книгу «На Днепре».

Я люблю русскую литературу. «Слово о полку Игореве», классики и многие современные советские поэты — мои любимые авторы. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский. Есенин — это живой источник, из которого не перестанут черпать вдохновение поэты наших дней.

Задачу писателя я вижу в том, чтобы выразить внутренний мир современника. Ведь глубочайшая смысл жизни — это отношение к своей родине, к труду, к близким. Писатель должен воспитывать человека.

Я неоднократно бывал в вашей стране, и я глубоко уверен, что отношения между писателями наших стран будут крепнуть и расширяться на благо наших литератур и народов.

Ян СОЛОВИЧ:

— Недавно закончил последнюю часть своего нового пятисерийного телевизионного фильма «Потери и находки». По-моему, телевидение, обладающее огромными возможностями, должно формировать сознание нашего молодого поколения в духе идеалов социалистического общества. В недавние годы наши литераторы нередко подчеркивали в своих молодых героях преимущественно отрицательные черты. Это был весьма односторонний подход, и в своем фильме я с ним полемизирую.

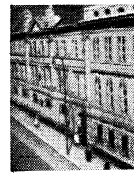
Кроме того, готовлю материал для драмы, которую хочу написать к приближающейся 30-й годовщине Словацкого народного восстания. Моя мечта: написать пьесу-сказку для детей и взрослых.

Иржи ТАУФЕР:

— В прошлом году вышли мои книги «Годовые кольца», «Маяковский в Праге», «Рентгенограммы», «Семь». Недавно в серии «Диалоги» издана книга «СССР и мы». Подготовлен к печати сборник «Судьбы и творчество», куда войдут этюды и эссе о Б. Вацлавеке, Я. Кратохвиле, К. Библе, а также Т. Асееве, В. Хлебникове, В. Маяковском, М. Луконине и других советских поэтах. В этой работе я пытался рассказать о творчестве и судьбах этих художников, хотел осветить сложные проблемы, касающиеся главных вопросов искусства.

Сейчас пишу стихи. Скоро с ними могут познакомиться читатели журнала «Литературни мнесичник». К выходящему в свет полному собранию сочинений К. Неймана я написал две статьи о творчестве известного поэта.

ДОМ НА ГИБЕРНСКОЙ



Маленькая книжка в ярко-красном переплете, на корешке по-русски написано: «Ленин и Прага». Впрочем, есть издания с тем же заголовком, но на других языках — чешском, английском, французском, немецком, испанском... Ленин и Прага. Эти книги — на книжных выставках, в магазинах, в Музее имени В. И. Ленина в Праге, что расположен в центре чехословацкой столицы, на Гиберской улице, где в 1912 году проходила IV (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Музей был открыт 21 января 1953 года. «Пусть музей В. И. Ленина станет школой коммунизма для миллионов наших людей», — запись, сделанная Клементом Готвальдом, 22 января 1973 года в музее была открыта новая экспозиция.

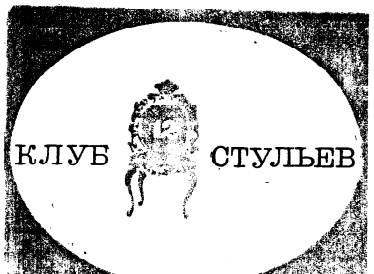
Имя Ленина окружено в Праге особой любовью и уважением. Пребывание в чехословацкой столице вождя мирового пролетариата навсегда вписано в историю города, в живую историю рабочего класса Чехословакии. В одном из писем В. И. Ленин писал: «Жалею, что я не изучал чешский язык. Интересный язык...»

Многие экспонаты и документы, расположенные в 26 залах музея, на чешском и русском языках рассказывают о жизни и деятельности В. И. Ленина. Чехословацкие товарищи при содействии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального музея В. И. Ленина в Москве много приложили усилий, труда для создания этой экспозиции.

Организаторы музея стремились к тому, чтобы экспозиция показала жизнь и деятельность создателя первого в мире государства рабочих и крестьян. Многочисленны документы о возникновении Коммунистической партии Чехословакии, о борьбе народов ЧССР за свою национальную и политическую свободу. Один из залов отведен теме «Ленин в искусстве». Дом на Гиберской дорог не только каждому гражданину, сюда приходят все, кому дорого имя Ленина, кто строит свою жизнь по Ильичу. «Учиться у Ленина — самый главный долг и честь для каждого из нас — такую запись оставил Президент ЧССР Людвик Свобода.

И. ГАВРИЛОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Изоулыбки Владимира ИРАНЕКА



МОНОЛОГИ «КЛУБА ДС» Сергей ДИТЯТЕВ

ЕСТЬ ЖЕ ЛЮДИ

НУ ЕСТЬ ЖЕ люди!..

Захожу я тут как-то в автобус... С передней. Как обычно. Отрываю билет. Как положено. Денег, понятно, в кассу не опускаю. По делу еду. Народ, конечно, деликатный, виду не подает. Как водится. Одни газетками зашуршали, другие сразу в окна уставились. Как иностранцы. Люди как люди. Сидят себе на здоровье. И я сижу. На местах, которые для детей и инвалидов. Едем. Все люди как люди. И тут этот. Ни с того, ни с сего...

— Вы, — говорит, — граждани, билет оторвали, а пять копеек в кассу не опустили.

И вроде с виду культурный человек. С портфелем. А такое ляпнул. Я даже изумился.

— Ты откуда, — говорю, — такой взялся?

— С работы еду!

— Ну я ежжай, — говорю.— себе на здоровье, не отвлекайся.

— Совесть, — говорит, — надо иметь, граждании.

— Ну вот еще, — говорю.— Только карманы оттягивать.

Нет, это же надо! Все люди как люди. Ведут себя чин чинарем. А этот...

— Вы, — говорит, — из второго автобуса, пока проезд не оплатите, не выйдете. Только через мой труп.

— Ну, что же, — говорю. — Это можно.

Встал и я положил его в проходнике. И портфельчик на голову.

А он вскочил, портфельчиком размахивает, кричит:

— Граждане! А вы-то куда смотрите?.. Да что же это такое?.. Люди!..

Ну, попрыгал он так, покричал... минут пять и охрип. Притомился, видать. Портфельчиком последний раз болтнул, по сторонам оглядел-ся. Видит — люди как люди. Симпатичные такие, отзывчивые. Место ему уступают.

И тут дрогнуло в нем что-то. Крик какой-то вырвался даже. И с этим криком он мне на грудь упал и заплакал.

Я его по головке поглаживаю.

— Ну, ну, — говорю, — будет тебе... Чего там... С кем не бывает?

Он расчувствовался.

— Ты уж извини, — говорит, — меня, братец, что так получилось! Это все характер мой дурацкий — не могу спокойно мимо безобразий пройти. От меня через это и жена ушла, и на работе один неприятности... Все люди как люди, а я...

И так мне его жалко стало— больной человек, что с него возьмешь...

— Лечиться, — говорю, — надо, папаша!

Анатолий КОСМАТЕНКО

СПРАШИВАЙ— ОТВЕТЯТ!

— ЦАРАПАЕШЬ? Царапай, царапай, пописывай. Кому только это нужно? Да и вообще, кому сегодня нужна вся ваша литература? Наш век — век научно-технической революции!

И Василь выразительно поднял указательный палец.

— Вот мы — физики, математики, инженеры и техники — вскоре сконструируем такую машинерию, что будь спок...

И вот вчера вбегает ко мне Василь — радостный, возбужденный, и, как всегда, прямо с порога:

— Брось ты свою писанину! Марш со мной. Ты ахнешь! Мы сконструировали такую машинку, что пальчики оближешь. Отвечает на любые вопросы. Едем!

Поехали.

Приехали.

Вошли в большой светлый зал, посреди которого стояла какая-то машина. Недо отдать ей должное — она производила внушительное впечатление.

— Так вот, — Василь весь сиял, — спрашивай, что хочешь, что в голову тебе, дорогой, взбредет. Ответ — моментально.

Озадаченный, я задумался. Думал, думал и наконец — уж и не знаю, почему именно это взбрело мне в голову, — выпалил:

— Где можно приобрести мясорубку?

Минута, другая, третья... Машина молчала.

Василь немного встревожился.

А меня уже понесло. Задаю второй вопрос:

— Где можно купить растворимый кофе?

Машина — ни гу-гу... Василь, смотрю, начинает уже нервничать.

— Так вот, — говорю, — друг Василь, все ясно. Идем теперь со мной, я тебе покажу настоящую кибернетику.

Я привел его к своему дому. Поднялись на третий этаж, и я постучал в одну дверь. Через пару минут она приоткрылась, придерживаемая цепочкой. Соседка Люся Гавриловна, увидя меня, сняла цепочку:

— Прошу! Входите, пожалуйста!

Мы прошли в комнату, и Василь увидел перед собой женщину лет сорока. Небольшую, сухощавенькую (во дворе ее прозвали «Горничкой»).

— Прошу дорогих гостей садиться, — пригласила хозяйка.

Василь оторопело взглянул на меня, потом на соседку...

— Спрашивай, — говорю ему сурово, — что хочешь.

Друг мой еще раз посмотрел на меня, покрутил пальцем у виска, зло усмехнулся и выпалил:

— Где можно найти мясорубку? — и бросил в мою сторону насмешливый взгляд.

— Вам одну, две или больше? — послышалось в ответ.

— Одну...

— Улица Набережная, дом семь, квартира восемнадцать. Обратиться к Николаю Африкановичу Перепеде. А впрочем, я сейчас черкну ему записку, чтоб вы могли взять мясорубку без лишних проволочек. В ручку Африкановичу, разумеется, что-то надо положить...

Василь, молча взяв записку, вопросительным взглядом уставился на меня.

— Спрашивай, спрашивай, — еще суровее бросаю ему.

— Где можно купить растворимый кофе?

— Вам много? — приглушенно спросила соседка.

— Килограмм...

— Один момент! — И Люся Гавриловна метнулась в соседнюю комнату.

Я, делая вид, что ничего не случилось, подошел к окну. Вскоре хозяйка вернулась с пакетом в руках:

— Можете не проверять. Десять баночек. Деньги наличными. С комиссионными...

Василь потянулся за кошельком. В мою сторону и не посмотрел. Вынув очки, он долго смотрел на Люсю Гавриловну. А та лишь кокетливо опустила ресницы. Наконец он постиг смысл происходящего.

— Еще один вопрос: кто живет на соседней улице в доме под номером десять, в пятой квартире?

Разумеется, мой друг назвал адрес, как говорят, «наобум Лазаря», но ответ не заставил себя ждать:

— Николай Братко. Токарь. За ним бегает одна фифочка, да он ее не любит. Дело у нее не выгорит.

— А сколько будет, если помножить двести пятьдесят на двести пятьдесят?

— Я не люблю голые цифры перемножать, — спокойно-певуче ответила соседка. — Скажем... ну хоть бы так: сколько будет, если помножить двести пятьдесят пар импортных бюстгальтеров на двести пятьдесят, скажем, гривенников.

— А сколько будет... — очки шлепнулись на пол, — а сколько будет, если помножить девяносто минут игры на двадцать два футболиста?

— Ноль! — ответила Люся Гавриловна и посмотрела на Василя с материнской нежностью, как на расшалившегося дитятю...

Перевел с украинского Ян ОСТРОВСКИЙ

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ «КЛУБА ДС»

Александр ЖИТИНСКИЙ

МАШИНА

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНУЮ машину привезли в институт по железной дороге. Ее везли с большими предосторожностями, как слона из Африки. Однако стоила она значительно больше, чем слон. И возможности у нее были богаче.

Дирекция выделила машине помещение. Два месяца ее ставили какие-то люди, чтобы она заработала и облегчила коллективу творческий процесс. В институт проникло незнакомое слово: «АСУ». Теперь в местах, отведенных для курения, только и было слышно: Ассу! Ассу! Ассссу! Все почему-то решили, что если за их работу возьмется машина, то им труба. Забыли, что человек все-таки венец природы.

Люди из бухгалтерии приходили заглянуть на машину. Они приоткрывали дверь и печально смотрели на нее. А машина твердо глядела на них немигающими лампочками. Она еще не работала.

— Да, это вам не счеты! — вздыхал главный бухгалтер.

Директор тоже пришел познакомиться с машиной. Он не знал, как себя вести. С одной стороны, он был все же директором, а значит, главнее машины. Но, с другой стороны, — кто его знает? Он был плохо знаком с машинами.

Директор поглядел перфоратор и сказал машине, как старому фронтовому другу:

— Значит, теперь вместе будем руководить!

Машина ничего не ответила. Она еще не работала.

Внезапно по институту пронесся слух, что выполнен квартальный план. Это было ошеломляюще известие, потому что последний раз план выполняли, когда «Спартак» стал чемпионом страны по футболу. Сказывалось облагораживающее влияние машины, хотя она все еще не работала.

В институтских коридорах стало меньше курящих. Все сидели на рабочих местах и готовили себя к предстоящему соревнованию с машиной. Некоторые горячие головы утверждали, что можно будет потягаться с нею месяца три, пока она будет привыкать. В следующем квартале план перевыполнили на пятьдесят процентов. А машине по-прежнему не работала.

К машине взяли со стороны программистов и операторов. Их все боялись, потому что они разговаривали на другом языке. Особенно пугало слово «алгоритм»,

непонятное и страшное, как «бронтозавр». Программисты часами играли в шахматы на сверкающих никелем плоскостях машины.

Машина не работала совсем. Как позже выяснилось, ее неправильно укомплектовали. Откровенно говоря, ее можно было совсем не укомплектовывать, а сохранить лишь внешнюю оболочку. Эффект был бы тот же.

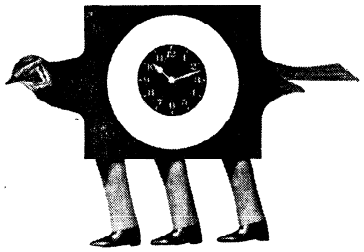
Постепенно институт выбился в передовые. На совещаниях его хвалили за правильное и своевременное внедрение АСУ. Машина окупила себя за полтора года.

ЛЕНИНГРАД

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ТАКОЙ ЗЕЛЕНЕНЬКИЙ...

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ



— НУ, ТАК что мне с тобой делать, Куздюмов? — спросил директор. — Я и по-хорошему с тобой, и на вид ставил, и рублем бил. А с тебя все как с гуся вода. Я же предупреждал тебя в прошлый раз, что не потерплю больше. А ты опять являешься через полчаса после того, как начался рабочий день.

— У меня очень уважительная причина, — ответил Куздюмов.

— Ну, поделись, — сказал директор. — Расскажи, а я послушаю. Бабушек ты уже штук тридцать за этот год перехоронил. Тетки твои всеми на свете болезнями переболели. В лифте ты застревал. В канализационный люк падал. Током в троллейбусе тебя ударило. Квартира горела. Даже, помнится, землетрясение в твоем микрорайоне было. Что теперь?

— Ладно, — сказал Куздюмов. — Куздюмов сейчас вам такое расскажет — заначаетесь.

— Не сомневаюсь, — сказал директор и даже закурил в предвкушении.

— В общем, так, — начал Куздюмов. — Встал я сегодня, побрился, поел и собираюсь на работу. Вдруг звонок в дверь. Открываю. И знаете, кто передо мной стоит?

— Марина Влади! — сказал директор. — Здравствуй, говорит, Куздюмов, нельзя ли у тебя на недельку остановиться? В «Национале» свободных «люксов» нет. Так?

— Не так, — ответил Куздюмов. — Марсианин стоит. Натуральный марсианин. С Марса.

— Так..., — директор поперхнулся дымом, — С Марса?

— Ну да. Чудной такой парень. Зелененький. С клюном. И на трех ногах. Так я так, говорит, только что прибыл к вам с целью установить контакт и все такое... Ну, я говорю — заходи, надо отметить это дело. У меня как раз бражка дядькина осталась. Все ж таки событие, верно? Встреча двух цивилизаций.

— Я понимаю... — сказал директор. — Только вот почему именно у тебя, Куздюмов?

— Случай! — объяснил Куздюмов. — Он и в соседнюю квартиру звонил. Только Карповы все отдыхать уехали.

— Это все? — спросил директор.

— Про клюв я рассказал... — напрягся Куздюмов, припоминая, — про три ноги тоже. Вроде все. Да, еще что характерно, бумагу они очень любят — марсиане. Едят ее, как мы капусту. Я ему дал этой... Ну, знаете... рулонной. Так за уши не оттянешь!..

— Как же вы объяснились? — спросил директор. — На каком языке?

— А телепатией! — сказал Куздюмов. — В общем, покушал он бумаги, а бражку не стал. И мне намекнул: потом, мол. Сначала вроде надо всю планету оповестить о факте прилета. Все ж не из Малаховки человек перся — с Марса. Вот пока калякали с ним, полчаса и прошло. Вот и вышло опоздание. Но я все же считаю — причина уважительная, как ни крути. Все-таки встреча двух цивилизаций.

— Ты что, Куздюмов, пьян? — помолчав, спросил директор.

Куздюмов дыхнул, не боясь.

— Пу, значит, ты совсем обнаглел, мой милый! — сказал директор. — Я многое могу простить. Но когда из меня начинают дурака делать, это уже выше моих сил. Пойди скажи Людочке, чтобы она напечатала приказ о твоем увольнении. С сего дня!..

Куздюмов вышел от директора ужасно огорченный. Он сказал секретарше про приказ и пошел домой.

В проходной перед вахтером сидел марсианин. Он сидел на подоконнике, подложив под себя третью ногу. Сидел и жевал рулонную бумагу.

— Вот что, зелененький! — сказал ему Куздюмов. — Давай-ка чеши к себе домой. Дуй обратно, понял? На Марс. Не поверили мне. Может, и правильно. Я бы тоже не поверил. Так что поворачивай оглоблы. А бумагу можешь взять с собой. Вроде детям гостинец или там девушке. У меня дома такой наваломи!..

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

УМЕЛЫЙ ПОДХОД

ПЕРВЫМ, конечно, Заманский все разузнал. Прибегает в отдел и говорит:

— Слыхали новость? Бояршинов на пенсию уходит, а вместо него замом кого-то из нас назначат.

— Ну что ж, — откликнулся Белов, незаметно вынув в форточку недоеденный бутерброд и придав лицу делового выражение. — Среди нас есть достойные люди, для которых работа — превыше всего...

— Да, некоторые работают, не разгибая спины, поддержал его Сенаторов, страдающий хроническим радикулитом.

— Тут нужен такой человек, который умел бы найти подход к каждому, мог поговорить по душам, — задумчиво произнесла первая болтушка отдела Колкова.

— За работу, товарищи, за работу! — призвал Заманский. — Оставим разговоры!

Он засучил рукава и принялся энергично перекладывать с места на место бумажки на своем столе.

Три дня все трудились без обеденного перерыва и разговаривали только о производственном плане. Заманский в порядке самосовершенствования иностранный язык изучать начал. Сенаторов два раза подряд являлся утром на службу раньше вахтера. Белов в самодеятельность записался. Колкова купила шиньон и подписалась на журнал «Изобретатель и рационализатор».

Сидим, ждем. Работаем.

Наконец в четверг вызывает начальник к себе в кабинет Белова. Все дыхание затаили. Минут через тридцать Белов возвращается довольный.

— Ну как, — спрашивает Колкова, — можно вас поздравить?

— Рано, рано, — покачал головой Белов. — Не сглазьте. Хотя думаю, что у меня есть шансы...

— О чем вы с ним говорили?

— Он мой культурный уровень проверял. Поинтересовался, читал ли я «Аэропорт».

— Ну, а вы что?

— Конечно, читал.

— Вот люди умеют устраиваться, — пробормотал Сенаторов. — Наверняка он про этот «Аэропорт» сегодня в первый раз услышал...

А возбужденный Белов продолжал:

— Ясно, что заместитель должен быть широко образованным человеком. Поэтому мы и беседовали по большей части о литературе. Он меня спросил, какого я мнения о последней повести Тендрякова. «Любопытная вещь», — говорю. «А «Литгазету» регулярно читаете?» — «От корки до корки».

Тогда он у себя в блокноте написал мою фамилию и крестик возле нее поставил. А потом руку мне одобрительно пожал и пожелал успехов.

— Да, — вздохнула разочарованно Колкова, снимая шиньон. — Быть вам новым заместителем...

В это время начальник Заманского вызвал. Сначала то да се, а потом спрашивает:

— Как вы к Гогену относитесь?

— Люблю, как родного дядю, — заявляет Заманский. — Даже больше.

— Вон что, — растрогался начальник. — О нем, говорят, книжка недавно вышла. Не слыхали?

— Как же не слыхал! Чудесная вещь! Прочел единым духом.

— Приятно поговорить с начитанным человеком, — сказал начальник и поставил в блокноте крестик. — А теперь ступайте и попросите ко мне зайти Сенаторова.

Так он за день со всеми сотрудниками побеседовал. Об искусстве говорил, о книжных новинках расспрашивал. А вечером попросил всех после работы задержаться: он, дескать, важное сообщение сделает. Все волнуются, конечно. Заманский иностранные слова повторяет, Колкова в зеркало смотрится, Белов с Сенаторовым о производительности труда разговаривают. Наконец приходит начальник и заявляет:

— Я вот о чем думаю, товарищи. У всех у вас семьи, дети, разные нагрузки общественные. Да еще некоторые учатся по вечерам. Когда же вы все книжные новинки прочитать ухитряетесь? Я, например, и половины не читал из того, о чем вы мне говорили. Физически не успеваю. И теперь мне стало абсолютно ясно, что все это вы читаете на работе. А кое-кто из вас еще и на разные выставки в служебное время бегает. Поэтому, извините, при таком рвении никого из вас своим заместителем назначить не могу. Совесть не позволяет. Так что будем на эту должность брать человека со стороны.

Сказал и вышел.

Сотрудники, понятно, расстроились. Колкова квитанцию на подписку в клочки разорвала. Белов из самодеятельности выписался. Но больше всех Сенаторов переживал. Он-то уж пострадал совсем ни за что, потому что вообще ничего не читал. Ни дома, ни на работе...

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

СВЕРХЗАДАЧА

Александр ХОРТ

НЕДАВНО я продовольственном в познакомился с интересным человеком, который работает в театре не то режиссером, не то билетером. Он мне и еще одному много про театр рассказывал. Например, сказал, что у каждого спектакля есть задача, а есть и сверхзадача. Задача понятна всем, а сверхзадача не всем, она понятна только тем, кто пришел в театр не отдыхать, а думать, что хотел сказать режиссер, помимо того, что он сказал. То есть сверхзадача адресована мыслящему зрителю, и уловить ее может только понимающий человек, но стремиться должен всякий. Тогда я решил пойти в театр и посмотреть спектакль по-новому. Билет для меня не проблема — жена работает в театральной кассе у метро «Рязанский проспект». Я пошел на балет «Спартак».

Сначала я, честно говоря, сверхзадачу не понял. Высокомерный Рим, полководец Красс, поход, какие-то пленные... Но как только от остальных рабов отделился Спартак и исполнил пару финтов, на меня словно озарение снизошло, понял я, что хотели авторы сказать: быть «Спартаку» в финале кубка. И дальше пошло-поехало, как по маслу.

Стали римляне разделять пленников и отобрали у Спартака его жену Фригию. Верно — перешел вратарь Макушкин в «Динамо». Тоскует Фригия, руки заламывает. Значит, зря Макушкин перешел, жалеет теперь. Так я и думал.

А как началась оргия у Красса, я мигом сообразил, с кем «Спартаку» в финале играть, — это торпедовцы спортивный режим нарушают. Опасный соперник.

В перерыве я еле нашел, где бы пивка выпить. По разговорам вокруг чувствую, что не все поняли сверхзадачу спектакля. Ну, иностранцам (а их полно) чужды наши беды и чаяния, но остальные тоже говорят про наше то шаги, рывки, синхронность. Смех, да и только.

Во втором тайме гладиаторы окружили легионеров. «Преимущество «Спартака», — радуюсь я. Но вдруг Эгиина, любовница Красса, прокралась в лагерь спартаковцев. Тут я прямо всколыхнулся — не надо было принимать Альберта Редкокашу в защиту. Между прочим, я Ваське с гидролизного сразу это сказал. Войска Красса окружили отряды Спартака, он сопротивляется, но кольцо все уже, атакуют автозаводцы. А как в третьем действии подняли Спартака на копья, дошла до меня сверхзадача спектакля — выиграет «Торпедо» путем пенальти.

В театре в основном торпедовские болельщики: вопят, ликуют, бросают цветы. А я сижу и плачу. Вспомнил еще, как Марию Стюарт в МХАТе казнили, как Гамлета на Таганке закололи, и понял я, что не видать «Спартаку» кубка, как своих ушей.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ЛИНГВИСТИКА

Слово — не воробей, но «воробей» — это слово.

● ЛИТЕРАТУРА

Писатель Р. Заблудов, когда издательство вернуло ему очередную повесть, в порыве гнева сжег первый том «Мертвых душ».

● ОФТАЛЬМОЛОГИЯ

В гор. Уткинске живет единственный в мире дальтоник, который различает все цвета, включая черный и белый.

● ОКЕАНОЛОГИЯ

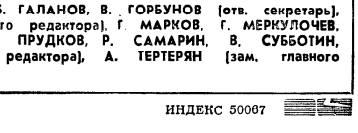
Если все запасы спиртного вылить в Мировой океан, то его уровень поднимется на несколько сантиметров. Однако имеем ли мы право так загрязнять водную среду?

ЧУДАКИ

Осторожно, идет работа!

Рисунок В. ИВАНОВА

Зайцы деда Мазая



Дуэль критиков

Рисунки С. ТЮНИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОВЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—07633 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 820 ИНДЕКС 50067